

ФИЛОЛОГИЯ

Н. В. Аввакумова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ К. Д. НОСИЛОВА

Исследуется национальный образ мира вогулов и самоедов и его своеобразие в этнографической прозе сибирского писателя К. Д. Носилова, которое посвящено, главным образом, северной тематике.

Ключевые слова: *К. Д. Носилов, национальный образ мира, вогулы и самоеды, этнографическая проза.*

В последнее время значительно возрос интерес общества к вопросам национальной идентификации, процессам глобализации и локализации, появилось особое стремление изучать национальный образ мира различных народов, в том числе и посредством художественной литературы. Между тем данные понятия и, в частности, национальный образ мира, еще недостаточно изучены современным литературоведением, ввиду чего актуальность статьи видится в обращении к научным трудам, посвященным этой тематике, а также исследованию ее в этнографической прозе К. Д. Носилова. Следует отметить, что данный аспект в творчестве писателя ранее исследован не был, таким образом, новизна работы состоит в попытке анализа национального образа мира вогулов и самоедов в литературных произведениях К. Д. Носилова.

Литературоведческие работы, посвященные национальному образу мира, немногочисленны. В одной из них – «Русская литература и христианство» – исследователь В. Н. Захаров вводит термин «этнопоэтика», которую определяет как особую филологическую дисциплину, изучающую национальное своеобразие конкретных литератур. Литературовед обозначил две тенденции освоения национального своеобразия русской литературы. Одна из них посвящена выявлению фольклорных мотивов и образов, другая – особому «православному коду», который, как считает ученый, является «центральной компонентой этнопоэтики».

Изучению национальных образов мира посвящен труд с одноименным названием Г. Д. Гачева, который называет национальный образ мира «сеткой координат», которой народ улавливает мир, как космос. Национальная картина мира осмысливается им очень мас-

штабно; она, по мнению исследователя, «не поддается рациональному объяснению, поскольку большая ее часть находится в области мифопоэтического и неосознанно воспроизводится в художественных образах и мотивах» [1. С. 44]. По мнению Гачева, в национальном образе мира отражается и выявляется «основной фонд национальных ценностей, ориентиров, символов, архетипов».

Менее известна работа, посвященная данной теме, исследователя А. Ф. Кофмана. Литературовед изучает латиноамериканский образ мира, анализируя порядка сорока разноплановых художественных текстов. В своей книге «Латиноамериканский художественный образ мира», Кофман показывает устойчивую систему мотивов, образов и мифологем, которые отражают своеобразие латиноамериканской культуры.

Работой, достаточно полно раскрывающей тему национального образа мира, является докторская диссертация С. В. Шешуновой «Национальный образ мира в русской литературе».

Исследователь дает следующее определение данному понятию. «Национальный образ мира – это многоуровневая художественная структура, комплекс взаимодействующих компонентов литературного текста, обладающих этнокультурной спецификой» [5. С. 36]. На материале творчества таких писателей, как П. И. Мельников-Печерский, А. И. Солженицын, И. С. Шмелев, С. В. Шешунова анализирует разнообразные православные, мифологические и фольклорные образы (Христа, Колеса, Волги, вихря) и мотивы (усадыбы, дороги, креста, молитвы) и приходит к выводу о единстве христианской культуры и народного творчества в русской литературе.

Весь перечисленный исследовательский материал опирается, прежде всего, на работы

ярких и самобытных писателей-этнографов, путешественников, просветителей, отразивших национальную картину мира различных народов в разные времена.

Так, в России интерес к изучению «нерусских» народов получил свое развитие в середине и второй половине XIX в. Просветительские идеи соединялись с идеями нравственности – долга, вины, ответственности – и порождали весьма своеобразные феномены писательского сознания, как, например, у П. Инфантьева, Г. Белорецкого, К. Жакова.

Известными путешественниками на Север Российской империи были писатель С. Максимов, собиратель фольклора П. Якушкин. После путешествия по берегам Белого моря, Северного ледовитого океана, Печоры, Двины, Максимов написал достаточно известную книгу «Год на Севере». Исследовательница В. А. Лимерова в монографии «Жанровые разновидности путешествия в коми-зырянской словесности середины XIX в.» отмечает, что в это время натуральной школой была сформирована «родниоведческая модель нарративов» – этнографических и географических очерков, путешествий, записок, дневников, которая дала толчок творчеству провинциальных литераторов, имевших непосредственную возможность представить наиболее адекватное описание «дальних земель», и называет складывающуюся в середине и второй половине XIX в. литературу «вожжной».

В конце XIX в. внимание общества к малым народам, в том числе и северным, становится еще более пристальным, поскольку получает ускорение процесс национального самопознания, происходит это опять же благодаря русской интеллигенции и представителям государства. В это время публикуются произведения А. Круглова о малоизвестном народе коми, П. Инфантьева – о кондинских и сосвинских вогулах, С. Максимова – о зырянах. Складывается особый род литературы, объединяющий этнографию и беллетристику, которая имела, главным образом, просветительский характер.

Автором, художественно отобразившим национальный образ мира жителей Крайнего Севера, стал и К. Д. Носилов, который сумел наиболее полно и содержательно рассказать массовому читателю о вогулах и самоедах.

Особенности национального мировосприятия северных народов ярчайшим образом проявляются в изображении мира природы,

которая в творчестве Носилова является не просто фоном, а зачастую выступает главным действующим лицом. Капризная, суровая и одновременно щедрая, она – неотъемлемая часть жизни северных аборигенов, язык и знаки которой за долгие годы совместного сосуществования они научились хорошо понимать.

В очерке «Полярная буря» Носилов пишет: «В то время, когда житель теплого благодатного юга проводит под чистым, ясным небосклоном, веря в постоянство атмосферных явлений, бедный житель полярных стран всю свою жизнь находится под гнетом постоянных, удивительных, порой ужасных перемен погод и не смеет на час отлучиться из своей бедной хижины, чтобы не посмотреть внимательно на небо, не присмотреться, что делает его собака, олень, куда летит птица, куда бежит зверь, какими облачками покрыто его сумрачное небо, и все это он делает таким опытным глазом метеоролога, словно он служит в главной физической обсерватории» [2. С. 56].

Особый акцент автор делает на образах реки и тайги, являющихся для северного человека символом жизни. Чтобы охарактеризовать их одновременно как источники жизни и постоянной опасности, Носилов использует прием противопоставления. Река в его очерках «суровая», «опасная» и в то же время «богатая рыбой», тайга «непроходимая» и «родная», «приветливая».

Вогулы и самоеды живут в глухом краю, который отрезан горами и реками от основного мира, природа его скучна и скудна, но, несмотря на это, гармонизирует и одухотворяет жизнь северного жителя, придает ей целостность и поэтичность. Таким образом она накладывает значительный отпечаток на внутренний мир человека. Во многих работах Носилов описывает северный пейзаж как «унылый», «однообразный». Эти характеристики переносятся и на жизнь аборигена, которая, по мнению автора, также «уныла, и однообразна». Носилов неоднократно обращает внимание читателей на «песнь вогула», сплетенную из мелодий пурги, северных ветров и воя тайги. Человек, живущий на протяжении тысячелетий среди этих звуков, невольно вторит им, создавая свои «грустные, угрюмые» песни.

Писатель обращает внимание читателей и на естественность бытия северного жителя, которая является его неотъемлемой частью на протяжении всей жизни – от рождения и до смерти. Только что рожденного ребенка вогул

сразу «натирает перед пламенем огня снегом», «перевязывает жилой пупочек». И умирают вогулы и самоеды не так, как представители цивилизованного мира, давно потерявшие связь с природой. Чувствуя приближение смерти, они, подобно диким зверям, уходят от людей. Об этом автор подробно рассказывает в очерке «Последние дни самоеда».

«Странный способ, на наш взгляд, хотя и вполне естественный, частый в природе. Так же, как этот самоед, уходит и зверь от своего стада, слышав свою смерть, того же одиночества ищет дикая птица перед смертью, забиваясь в скалы и чащу глухого леса, так же прячется насекомое под сухой лист, слышав первый холод и последние дни лета. И кто знает, читатель, быть может, этот дикарь-самоед, повинуясь тому же инстинкту животного выбирает лучшее, что могут дать нам последние дни нашей жизни, чтобы, удалившись от людей и семьи, от вечной сутолоки жизни, оглянуться здраво назад, посмотреть, что такое жизнь, и без слез, мук и сожалений проститься с этим светом, переходя в вечность» [4. С. 148].

Природа, в представлении вогулов и самоедов, – единый живой организм, частью которого они являются. Они персонифицируют окружающее их пространство, обращаясь к рекам, озерам, горам, лесам и болотам, а точнее, – к их духам, как к живым существам, которые «все слышат и понимают».

Наиболее яркой отличительной чертой мировосприятия северного аборигена является мифологизм. Даже находясь в относительной безопасности, вогулы и самоеды боятся сделать лишнее движение, остерегаются громкой речи, объясняя это, по мнению писателя, «подетски наивно» – «шайтан услышит», «шайтан проснется».

Образ шайтана как воплощения Зла и Всевидающего ока настолько прочно врос во внутренний мир северных людей, что вся их жизнь протекает «с согласия» или разрешения мифического существа.

Автора немало удивляет тот факт, что вогул может голодать, в то время как один из его многочисленных божков, представляющий собой разрисованный и наряженный в шкурки чурбан, и усаженный им же в специальный домик в близлежащем лесу, утопает в дорогих шкурах, серебряных и золотых монетах. И только в случае крайней нужды северный житель отваживается взять в долг у «молчаливого идола» немного денег. Как это случилось,

например, с бедняком вогулом Семеном Салбанталовым, который вот уже много лет не мог заплатить ясак царскому чиновнику.

«Оказалось, что вогул, действительно, не имея денег, сходил просто к шайтану Чехрынь-ойке, который недалеко находится от его юрт под наблюдением особого шамана, развязал у того несколько платков, в узлах которых оставляют серебро его поклонники, и взял его на уплату ясака. Серебро, лежалое в лесу, почернело, и тотчас же было узвано, и так как вогул был бедняк, то они подумали, что он просто украл его, а не взял займы, как это делают другие, прибегая к этому средству, как к последнему, в случае крайней нужды» [3. С. 213].

Следует отметить, что только автор и читатель воспринимают подобные мировоззренческие представления вогулов и самоедов, как мифологические. В картине мира полярных жителей нет противоречий между мифом и действительностью, напротив, они полностью уверены в реальном существовании мифологических существ. Наблюдается некий сплав чудесного и настоящего, который и характеризует мировосприятие северных аборигенов.

Отличительной мировоззренческой чертой жителей Крайнего Севера является также синкретизм или смешение их традиционных вероисповеданий с Христианством. Наиболее почитаемый святой для вогулов и самоедов – Николай Чудотворец. Представление о нем обычного православного человека заметно отличается от того образа, который сформировался в сознании аборигенов. Здесь снова прослеживается очень тесное слияние реального и чудесного, так как многие герои Носилова «всегда видят» этого святого в критические моменты своей жизни. Икону Николая Святителея северные жители хранят в особом месте, иногда рядом с языческими идолами, а иногда в разных углах своего незамысловатого жилища.

По мнению С. В. Шешуновой, «ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа могут служить те или иные лексические единицы» [5. С. 57]. На наш взгляд, такими «ключами» в творчестве Носилова являются лейтмотивные семы национального образа мира вогулов и самоедов «охота» и «олень».

Лексема «охота» раскрывает основной род занятий коренных северян. Они все с самого рождения охотники. Достижения мужчины в этом главном для них деле больших успехов становится предметом его гордости и глубокого уважения соплеменников.

Носилов пишет, что в юрте у такого охотника «все напоминало его любимую охоту: на нарах лежала шкура медведя, в щелях юрты торчали когти с засушенным мясом и волосьями, на стене висела берестяная маска после бывшего у него медвежьего праздника, и даже на его лице и руках – и там были знаки его любимой охоты» [4. С. 31].

Интересен тот факт, что быт и окружающее пространство северных аборигенов автор описывает с удивительной точностью и пристальностью взгляда, со знанием дела, не пропуская мельчайших подробностей (как охотник).

Лексема «олень» также является своеобразным ключом к пониманию мироустройства вогулов и самоедов. Она встречается практически в каждом этнографическом очерке Носилова в самых разных своих интерпретациях: олений, олененок, оленина, оленьи (рога, молоко, жилы, шкура). И это не случайно. Ведь жизнь северного аборигена неразрывно связана с оленем. Он дает ему практически все: одежду, пищу, жилище и даже социальный статус – чем больше оленья стада, тем богаче человек.

Завершая данную работу, следует отметить, что К. Д. Носилов внес огромный вклад в формирование образа Крайнего Севера конца XIX – начала XX в., одной из основных составляющих которого является национальный образ мира населяющего эту территорию аборигенного населения. Не вызывает сомнения, что в творчестве К. Д. Носилова он отражен наиболее верно и объективно.

Список литературы

1. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира : курс лекций. М., 1998.
2. Носилов, К. Д. На Новой земле. Тюмень, 1997.
3. Носилов, К. Д. У вогулов : очерки и наброски. М., 1904.
4. Носилов, К. Д. У вогулов. Тюмень, 1997.
5. Шешунова, С. В. Национальный образ мира в русской литературе : дис. ... д-ра филол. наук. Дубна, 2006.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СООБЩЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ

Рассматривается жанровая специфика сообщений экономических информационных агентств, диверсификация их жанровых разновидностей, а также особенности структурирования текстовых сообщений, которые доносят до общества изменения в системе экономики.

Ключевые слова: *экономическое информационное агентство, экономическая новость, жанр, рынок.*

Жанровую дифференциацию в журналистике порождает объектно-предметное многообразие действительности. Предметом изучения для журналиста является реальная конкретная ситуация, которую Г. В. Лазутина определяет как совокупность взаимосвязанных между собой фактов, характеризующих в том или ином отношении положение на объекте. Объект внимания экономического журналиста – это ситуация из сферы хозяйственной деятельности общества, которая включает совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления. Таким образом, если предназначение экономики состоит в том, чтобы постоянно создавать блага, которые необходимы для жизнедеятельности людей, то функция текстов, содержащих сообщения об экономических отношениях в том, чтобы давать оперативное знание об изменениях в хозяйственной деятельности общества.

Для информационных экономических агентств, представляющих собой структурированную систему, целью деятельности которой является производство экономического контента, в большей степени свойственно производство новостей. В контексте сказанного можно говорить о том, что информационные агентства первыми среди иных средств массовой информации освоили производство новостей по промышленному принципу, тем самым, по сути, создав новостную журналистику [4. С. 5]. По мнению Г. В. Лазутиной, общая особенность предмета отображения новостной журналистики состоит в том, что она всегда представляет собой реальную конкретную ситуацию в момент ее изменения, имеющего общественное значение. В соответствии с этой общей особенностью называется и главная функция новостной журналистики – информировать аудиторию, сообщать ей о таких переменах [3. С. 70–73]. Сама же но-

вость лежит в основе журналистики и обеспечивает дееспособность всей информационной системы. В аспекте сказанного сошлемся на Н. И. Шапшай: «Новость в журналистике – то звено, от которого зависит дееспособность всего механизма информационного обеспечения общества. Поэтому, так важно глубоко понять природу новости и осмыслить условия, при которых достигается адекватное отображение ее смысла и целостности» [5. С. 10].

Основным жанром сообщений информационных агентств, как было сказано выше, является новость. Данный факт обусловлен тем, что, по сути, новость представляет собой отражение объективной реальности в информационном сообщении, текст которого максимально беспристрастен, объективен и очищен от каких-либо оценочных суждений автора. «Жанр сообщения наиболее характерен для информационных агентств, ввиду основных принципов деятельности агентств: объективности, достоверности, независимости» [1. С. 12]. Говоря о специфике новости в информационных агентствах, мы можем констатировать ее большее жанровое разнообразие в сравнении с печатными СМИ. Это все виды заметок, анонс, аннотация, информационное интервью, лиц-опрос, информационное обозрение, информационный отчет, репортаж. Применительно к информационному агентству, специализирующему на экономике, жанровая палитра новостей может быть несколько расширена в силу особенности предмета. К новостным жанрам экономических информационных агентств относятся обзоры рынка, опросы экспертов рынка, прогнозы, справка, рейтинг, экономика в картинке (мультимедиа), инфографика. Инфографика используется в том случае, когда необходимо показать корреляцию изменений некоторых показателей рынка, и делается это наглядно путем предоставления читателю картинки событий, представленной в цифрах или таблицах.

На жанр оказывает влияние тематическая направленность сообщения. Экономические новости подразделяются на финансовые, микроэкономические (локальные) и макроэкономические. Финансовые новости освещают изменения на биржевых рынках. В этом случае новостное сообщение короткое, емкое, форма подачи – «жесткая новость». Целевой аудиторией подобного текста являются инвесторы и игроки бирж. Макроэкономическая новость представляет собой сообщение, в котором представлена информация об изменениях макроэкономических показателей страны и мира в целом с подробностями. В основном такие сообщения нацелены на экономически образованную часть населения. Что касается микроэкономических (локальных) новостных сообщений, то они отражают изменения на внутренних торговых рынках страны. Данные информационные сообщения представляют собой расширенную информацию, адресованную хозяйствующим субъектам, потребителям и стартап (start up) предпринимателям, которые хотят начать новый бизнес.

Экономическая новость структурирована так, что большинство символов сообщения – сокращения и цифровые индексы. В качестве примера приведем новостное сообщение РИА-Новости от 04:54; 06.01.2014.

Заголовок: Биржи АТР открылись в минусе на фоне снижения индексов в США

И текст сообщения:

Индекс Nikkei 225 в первые минуты торгов понизился на 0,97 % до 16133,90 пункта. Южнокорейский KOSPI открылся почти без изменений, укрепившись на 0,04 % – до 1946,92 пункта. Австралийский индекс S&P/ASX 200 снижается на 0,10 % и составляет 5345,00 пункта.

Как видим, сообщение переполнено индексами и цифрами, которые характеризуют ситуацию на фондовом рынке. Цифровая информация, через которую передается суть происходящего изменения, является ядром сообщения.

Аналитические сообщения, содержащиеся на «Ленте комментариев», представляют собой тексты, составленные на основе материалов, которые предоставили агентству аналитики и трейдеры российских и зарубежных инвестиционных компаний и банков. Это аналитические комментарии, статьи и обозрения, а также тексты, которые в совокупности можно обозначить понятием «колумнистика». Колумнистика – разновидность аналитического матери-

ала, в которой как дополнительный аргумент в поддержку позиции автора используется и его собственный опыт. Ниже приведен фрагмент из аналитического комментария. Лид комментария, проходящего по каналам информационных агентств, мало чем отличается от лида новостной заметки. Но в основном корпусе материала, как того требуют каноны жанра, присутствуют мнения экспертного сообщества.

*Дмитрий Майоров корреспондент «Прайм»
МОСКВА, 10 янв. – «Прайм», Дмитрий Майоров. Рынок акций РФ в первой половине дня снижается на 0,6–0,7 % по индексам на фоне подешевевшей в четверг нефти и ожиданий инвесторами публикации позднее в пятницу данных по рынку труда США за декабрь 2013 г., говорят трейдеры.*

Одним из наиболее востребованных жанров является интервью. В работе с экономической информацией используются следующие разновидности интервью: информационное и проблемно-аналитическое и экспертное. Причем здесь журналист выступает как знающий собеседник, он вместе с интервьюируемым размышляет над сложившейся экономической ситуацией.

ИНТЕРВЬЮ

Лисин: сегодняшние кризисные явления – это надолго

Своими ожиданиями, прогнозами и планами по развитию обоих активов в условиях нестабильной экономической ситуации бизнесмен поделился с агентством «Прайм» (группа РИА Новости). Интервью взяла корреспондент агентства «Прайм» Светлана Антонченко.

Жанр очерка традиционно связан с культурной или социальной тематикой СМИ. Но в последнее время он активно используется при освещении экономической проблематики. Это связано с тем, что в центре современной общественной жизни стоят люди, работающие в бизнесе и в экономике. Интерес к их судьбам у аудитории огромный. Портрет бизнесмена, экономиста активно представлен сегодня многими экономическими информационными агентствами. Функциональная предназначенность подобных текстов – дать обществу знание о значении социальной активности человека как для его личного развития, так и для общества, которое «заряжается» энергетикой от соприкосновения с людьми – лидерами мнений.

ПОРТРЕТ: Алексей Улюкаев, новый министр экономического развития – заклинатель инфляции займется дрессировкой экономического роста.

МОСКВА, 24 июня, «Прайм». Елена Федорова. Вслед за плановой отставкой самого успешного в истории новой России председателя Центробанка Сергея Игнатьева последовала замена министра экономического развития Андрея Белоусова, проработавшего на этом посту чуть более года и так и не сумевшего предложить пути выхода России из экономического тупика. Проблемой затухающего экономического роста в ранге министра займется 57-летний либеральный экономист гайдаровской школы Алексей Улюкаев, одной из заслуг которого в ЦБ является построение современного механизма инфляционного таргетирования.

Сегодня к работе журналистов с экономической новостью в информационных агентствах применяется понятие «формат». Г. В. Лазутина понятие «формат» характеризует как совокупность признаков какого-либо предмета коммуникации, выделяемых по тому или иному основанию для соотнесения его с другими предметами коммуникации. «Активное использование “формата” в работе информационного агентства экономической информации связано с техническими возможностями. В условиях конвергенции стало возможным слияния различных контентов в единый информационный продукт» [2. С. 75–77].

К новым форматам информационных агентств, работающих с экономической информацией, можно отнести:

– бизнес-ленту – полную ленту экономических новостей, подготовленную журналистами и доступную только подписчикам, источник достоверной, оперативной и объективной информации обо всех основных событиях.

– информационный терминал – универсальную многофункциональную автоматизированную информационную систему, дающую доступ к комплексу рыночной информации в реальном времени.

– информационно-аналитическую систему – поиск данных и комплексный анализ по всем хозяйствующим субъектам России (включая компании, страховые общества, кредитные организации, регионы, города и экономику России

в целом), а также изучение тенденций и проведение отраслевых и рыночных исследований.

В последние годы «форматы» завоевывают в экономических информационных агентствах особое место. Они востребованы, потому что их организационные возможности способствуют оперативному освещению всего спектра многослойной экономической информации, тем самым развивая «формат» как новый и эффективный канал коммуникации.

Из сказанного выше можно констатировать, что благодаря тому, что экономические информационные агентства являются важнейшим элементом инфраструктуры финансового рынка, они в подходах к созданию информационных продуктов продвинулись дальше других СМИ. Мир экономики сегодня характеризуется большим многообразием объектов и неисчерпаемостью их развития. И для их адекватного отображения информационные экономические агентства производят новые жанровые формы. Это говорит о том, что сфера экономики выступает как объективный фактор жанровой дифференциации.

Список литературы

1. Вирен, Г. В. **Принципы создания и структурирования информационных текстов в практике российских информационных агентств** : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 12 с.
2. Лазутина, Г. В. **Жанры журналистского творчества** : учеб. пособие / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. М., 2011. С. 75–77.
3. Лазутина, Г. В. **Основы творческой деятельности журналиста** : учеб. пособие. М., 2004. С. 70–73 с.
4. Погорелый, Ю. А. **Международные экономические информационные агентства: стратегия развития и творческие аспекты деятельности** : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. С. 5.
5. Шапшай, Н. И. **Новостные материалы в региональной печати: структурные и жанровые особенности** : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 10.

КАЛЬКИРОВАНИЕ В НАЛОГОВОЙ И ТАМОЖЕННОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются вопросы калькирования в налоговой и таможенной терминосистеме узбекского языка, структурная модель терминов данных сфер и функционирование семантических (смысловых) и фразеологических переводов.

Ключевые слова: *узбекский язык, налоговая и таможенная терминосистема, терминосочетания, заимствование терминов, калькирование, семантический перевод, структурная трансформация, перевод фразеологизмов.*

С обретением независимости в Республике Узбекистан стали уделять особое внимание изучению иностранных языков. Исполнение Постановления Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему усовершенствованию системы изучения иностранных языков» от 10 декабря 2012 г. за № 1875 должно обеспечить эффективность данному процессу. Сегодня в узбекском языке появляются новые термины и параллельно изначально используемые лексемы приобретают новое терминологическое значение. В связи с этим перед лексикологией, в частности, терминологией, стоит решение ряда важных задач.

С увеличением числа бизнесменов, гостей и туристов из иностранных государств возникли сложности в оформлении таможенных и налоговых документов. Английский язык, признанный «мировым языком», в процессе общения занимает особое место. Сейчас английский язык все больше и больше внедряется в социальную жизнь, превращаясь в международное средство общения. Возникла потребность в хорошо знающих оба языка, конкурентоспособных переводчиках. В этом смысле изучение иностранных языков предполагает не только свободное общение, но и уважительное отношение к культуре и истории представителей других национальностей. Реформы, происходящие в культурно-просветительских, экономико-социальных отраслях, появление основ налогового и таможенного законодательства, усовершенствование законодательных актов, принятие усовершенствованных новых изданий налогового и таможенного кодексов в годы независимости предполагает развитие отраслевой терминологии узбекского языка. В частности, формирование, развитие и этапы прогресса налоговых и таможенных терминов является основным фактором усовершенствования отраслевой терминологии. Эпоха науч-

но-технического прогресса, экономико-политические и языковые факторы в переводческих аспектах когнитивной лингвистики, основываясь на английской и узбекской переводческой теории, представляют состав отраслевых терминов важной и стратегической задачей.

В современной теории заимствования особое место занимает калькирование, которое предстает как «доминирующий термин, творческий прием при складывании терминологических систем» [3. С. 56]. В лингвистике термин «калька» был введен Ш. Балли на рубеже XIX–XX вв. «Кальками, – писал он, – мы называем слова и выражения, образованные механически по образцу выражений, взятых из иностранного языка» [3. С. 57]. Д. С. Лотте называл калькирование «переводными заимствованиями» [7. С. 72]. Создание терминов способом калькирования позволяет получить мотивированные термины, национальные по форме и интернациональные по содержанию.

Налоговая и таможенная терминосистема узбекского языка пополнялась и пополняется новыми понятиями. Существенная новизна иноязычных слов – это отсутствие подходящего узбекского эквивалента. Тогда посредством калькирования в налоговой терминосистеме формируется многочисленный массив терминов и терминосочетаний, которые специализируются и закрепляются в других терминосистемах экономики. Образование новых налоговых и таможенных терминов в узбекском языке опирается на способы словообразования узбекского языка, но процесс этот зависит от парадигмы языка науки.

Максимальное количество инноваций образуется от терминов, которые обладают структурно-семантической характеристикой, являющейся базисной и уже занявшей свое место в терминологии. Термину, образованному способом калькирования, необходимо определить

строгую научную дефиницию понятия. Часто новое толкование входит в словообразующую модель существующего термина без определения границ содержания данного понятия, без выделения в них признаков, которые отделяли бы данное понятие от предшествующего, вследствие чего термин нельзя считать полноценным. Функция толкования является основным назначением термина, так как развитие языка науки оказывает заметное влияние на терминологию, компонентом которой является калькированное слово – термин.

В нашей статье термины налогообложения характеризуются по своей содержательной функции с точки зрения полноты передачи понятия в концептуальной структуре данной науки.

Учет экстралингвистического фактора терминообразования также является немаловажным, к этому фактору можно отнести экономическое влияние одной страны на другую. Наличие письменных и устных контактов доказывает, что истинные свойства и качества термина проявляются только при функционировании его в специальных текстах и устных формах профессионального общения.

К внутрилингвистическому фактору в нашем случае можно отнести отсутствие эквивалента слова или понятия, потребность в детализации соответствующего значения, в ходе которого происходит уточнение его дефиниций. Применительно к налоговой и таможенной терминосистеме, в которой происходит калькирование слова из другого языка и перенос на него своего собственного семантического значения, внутрилингвистический фактор является «доминирующей тенденцией языка, который развивается не в сторону обобщения, а в сторону дифференциации, конкретизации в определенных условиях его функционирования» [11. С. 102].

Важным источником калькирования налоговых терминов является русский язык. Например, все современные науки широко пользуются латинской и греческой лексикой. Греческий язык служил основой формирования терминологической лексики в различных подязыках науки и техники. Большинство медицинских терминов образовалось на базе греко-латинских терминоэлементов, которые широко распространились в медицине и стали международными. На данном этапе интенсивного развития интеграционных процессов в экономике английский язык претендует на роль «лидера».

Сейчас русский язык заимствует из английского большое количество экономических терминов. Необходимо также отметить, что большинство терминов сферы налогообложения обрывается в английском языке, а русский язык, активно развиваясь, выступает в роли языка-посредника. При калькировании можно предположить, что русский язык играет роль общего «суперстрата», в котором, согласно концепции В. М. Лейчика, логический суперстрат имеет признаки, позволяющие термину обозначать абстрактное или конкретное понятие [5. С. 86].

Узбекский язык выступает в роли третьего языка, реализуя свои языковые потребности способом «перенятия», где результаты мыслительной деятельности экономиста, налогового, связанные со сферой налогообложения, должны закрепиться в терминах.

Для подтверждения вышеизложенного необходимо достаточный массив примеров налоговых и таможенных терминов для иллюстрации того, что узбекский язык пополняется богатейшей экономической информацией посредством калькирования, используя все подвиды и реализуя свои потенциальные возможности. В процессе структурного анализа терминов и терминосочетаний мы придерживались классификации подвидов калькирования, предложенной Д. С. Лотте.

1. Буквальный перевод, при котором заимствуется структура иноязычной лексической единицы.

2. Семантическое (смысловое) калькирование, при котором у национального слова появляется значение, которое есть у соответствующего иностранного слова.

3. Фразеологическое калькирование, под которым понимается перевод по словам устойчивых словосочетаний [7. С. 81].

Солиқ тўловчи – taxpayer – налогоплательщик «организация или физическое лицо, на которых законом возложена обязанность уплачивать налоги»; *солиққа тортиш – taxation – налогообложение* «процесс установления и взимания налогов в стране»; *қонунчилик – legislation – законодательство* «по отношению к налогообложению, совокупность актов законодательства, регламентирующих порядок и правило установления введения и взимания налогов и сборов на территории страны»; *қонунбузарлик – violation – правонарушение* «по отношению к налогообложению, противоправное виновное деяние, при котором нарушаются права и законные отношения, ин-

тересы участников налоговых отношений, за которыми установлена налоговая ответственность»; *аниқлаш, белгилаш (таъриф, тасниф) – definition – определение* «по отношению к налогообложению применяется в тех случаях, когда реальный подход нельзя определить ввиду отсутствия финансовой отчетности налогоплательщика»; *ҳисоб (қайд) – records – учет* «по отношению к налогообложению, система обобщения информации для определения базы документов, с группированных в соответствии с порядком, предусмотренным налоговым кодексом»; *солиқ тўлашга қодирлик – taxability – налогоспособность* «сумма, которую налогоплательщик теоретически может заплатить в виде налога»; *солиқ тўлови – tax payment – плата налога* «обязательный индивидуальный безвозмездный платеж».

В налоговой и таможенной терминосистеме узбекского языка в ряде случаев калькированные термины в семантическом плане оказываются удачными. Посредством «буквального переводного заимствования» образуются двухкомпонентные терминологические словосочетания, которые своей интернациональной семантикой отражают общетеоретические процессы развития деривации языка экономики, в нашем случае – сферы налогообложения. Например, *икки еқлама солиққа тортиш – double taxation – двойное налогообложение* «одновременное обложение одних и те же доходов или капиталов разными видами налогов в пределах одной страны»; *солиқ тўловчиларнинг қайдномаси – registration of taxpayers – учет налогоплательщика* «система обязательных процедур по постановке на учет, присвоение ИНН в целях проведения налогового контроля»; *солиқлардан озод қилиш – exemption from taxes – освобождение от налогов* «установление по закону круга физических и юридических лиц, полностью или частично освобождаемых от уплаты определенных налогов»; *божхона ҳудуди – customs territory – территория таможенная* «территория, над которой государство обладает исключительной юрисдикцией в отношении таможенного дела»; *солиққа тортилмайдиған даромад – non-profit tax – доходы, не облагаемые налогом* «не облагаемая подоходным налогом часть доходов физических, юридических лиц»; *фойда солиғи – profit tax – налог на прибыль* «налог на доходы юридических лиц, взимаемый по пропорциональным ставкам»; *солиқ тўловчининг банкротлик ҳолати – bankruptcy of taxpayer – банкротство*

налогоплательщика «понятия, обозначающие несостоятельность или неспособность выплаты налогов и других долговых обязательств»; *солиқ тўлаш тартиби – order for tax payment – порядок уплаты налога* «уплата налога в бюджет производится в наличной и безналичной форме, конкретный порядок уплаты налога устанавливается применительно к каждому налогу».

Вышеуказанные примеры демонстрируют, что термины налоговой и таможенной специальностей состоят из субстантивных ярусов, могут быть однокомпонентными, двухкомпонентными и многокомпонентными.

Большинство терминологических словосочетаний налогообложения, образованных способом калькирования, относятся к «трансформируемому переводным терминам», которые в результате перевода подверглись преобразованию порядка слов, опущению или добавлению элемента. В структурном плане грамматическая перестановка терминов облегчает построение термина в узбекском языке, так как терминообразование использует способы и словообразовательные средства данного языка. Сюда относятся: *божхона омбори – customs warehouse – таможенный склад* «выделенное помещение, где действует налоговый режим»; *пропорционал солиқ – proportional tax – пропорциональный налог* «налог с плоской налоговой ставкой, которая не зависит от размера налоговой базы»; *экспорт солиғи – export tax – экспортный налог* «обязательный налоговый платеж, взимаемый государством с экспортеров, зачисляемый в федеральный и местный бюджет. Финансовый инструмент регулирования внешнеторговых операций на государственном уровне».

Структурная трансформация в налоговой и таможенной терминосистеме функционирует в соответствии с нормами заимствующего языка по следующим моделям: в узбекском языке *N+Adj* и *Adj+N* в английском и русском языках; *N+N* в узбекском и английском языках и *Adj + N* в русском языке.

Термины налогообложения, образованные способом калькирования, обогащают словарный состав узбекского языка и восполняют отсутствие номинативных средств для обозначения появляющихся налоговых реалий. Эквивалентные термины служат для выражения понятий, которые отсутствуют в узбекском языке и имеют соответствия в других языках, кроме языка оригинала.

Список литературы

1. Анекина, А. В. Англо-русский экономический словарь. М., 1981. 328 с.
2. АBBY Lingvo x5 [Электронный ресурс]. М., 2011.
3. Балли, Ш. Французская лингвистика. Вопросы теории. М., 1986. 56 с.
4. Гринев, С. В. Терминологические заимствование // Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982. 35 с.
5. Лейчик, В. М. Элементы терминоведческой теории текста // Текст восприятие, информация, интерпретация. М., 2002. 88 с.
6. Лейчик, В. М. О языковом субстрате термина. М., 1986. 35 с.
7. Лотте, Д. С. Упорядочение технической терминологии. М., 1991. 72 с.
8. Мусаев, К. Таржима назарияси асослари. Ташкент, 2005. 94 с.
9. Началова, А. В. Толковый современный налоговый словарь. М., 2006. 524 с.
10. Началова, А. В. Налоговый словарь. М., 2004. 456 с.
11. Суперанская, А. В. Общая терминология // Терминологическая деятельность. М., 1993. 67 с.
12. Федоров, А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971. 136 с.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЮРИСПРУДОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕРИОД С XI ПО XXI ВЕК (на примере квазипроизводных)

Рассматриваются особенности отнесения моносемичных терминов, общеупотребительной полисемичной лексики в лексико-семантическое поле «юриспрудонимы» на примере квазипроизводных имен существительных, имен прилагательных и глаголов во французском языке в период с XI по XXI в.

Ключевые слова: квазипроизводные, моносемичные термины, общеупотребительная полисемичная лексика, юриспрудонимы.

В зарубежном и отечественном словообразовании существуют различные теории, которые берут за основу классификации лексики, используемой в письменной и устной речи в области права. Точки зрения по этому вопросу носят дискуссионный характер в ситуации многообразия подходов к определению понятий слова, термина, омонимии общеупотребительной лексики и терминов.

Термины появляются в ответ на необходимость в лексической единице для именования явлений, понятий. Однако, по общему определению, они тяготеют к моносемии, а в текстах, относящихся к области права, используются не только моносемичные термины, но и полисемичные общеупотребительные лексические единицы для выражения правовых понятий.

Основной задачей данной статьи является обоснование наименования юриспрудонимами лексических единиц, которые используются в устной и письменной речи в области права. Это можно проиллюстрировать на примере динамики расширения лексико-семантического поля «Юриспрудонимы» во французском языке в период с XI по XXI в.

Исходя из теории, разработанной Шарлем Балли на основе исследований Фердинанда де Соссюра, лексика, с точки зрения дихотомии языка и речи, может обладать несколькими значениями в языке, существующими в пассивном состоянии [2. С. 77]. Значение любой лексической единицы реализуется в момент его употребления в устной или письменной речи, то есть происходит актуализация этого значения.

На основании этой теории можно сформулировать определение: юриспрудонимами являются лексические единицы, представленные моносемичными правовыми терминами или полисемичной общеупотребительной лекси-

кой, актуализованными в устной и письменной речи в области права.

Во французском языке в лексико-семантическое поле «юриспрудонимы» входят имена существительные, глаголы и имена прилагательные, которые появились с XI по XXI в. с развитием правовой системы и образованием единого централизованного государства.

Например, **préemption n.f.** представляет собой юриспрудоним, который был заимствован из классической латыни в XVI в. [15]. Он обладает только одним значением и с появления во французском языке в XVI в. и до современности остается моносемичным:

1569 «DR: (Droit de) préemption» [4 ; 10] (право преимущественной покупки).

В качестве примера можно привести использование данной лексической единицы в современном французском источнике права:

«Dans celles des zones urbaines de ces communes qui ne sont pas couvertes par la zone d'intervention foncière, le droit de préemption urbain n'est pas applicable...» [14] (В некоторых городских зонах этих коммун, которые не могут участвовать в земельных операциях, право преимущественной покупки не может быть применено...)

При проведении компонентного анализа можно выявить сходную ядерную сему у слова **préemption n.f.** и латинского слова **emptio** [7] – «покупка». Дифференциальная сема «преобладания, преимущества» возникла в слове в результате присоединения префикса «pré-», который несет оттенок значения предшествования, первенства. Будучи одновременно квазипроизводным по этимологическому опрошению, **préemption n.f.** иллюстрирует случай моносемичного юриспрудонима.

Полисемичный глагол **reléguer v.tr.** [8], образованный от латинского глагола «legare»

(отправлять), изначально не был юриспрудонимом, когда приобрел форму, закрепившуюся в языке со старофранцузского периода. Только в 1878 г., согласно данным словарей, у него появилось значение, позволившее причислить к лексико-семантическому полю «Юриспрудонимы».

1. 1372 «exiler dans un lieu déterminé» [11] (изгонять в определенное место);

2. 1878 «DR. PÉNAL. Condamner quelqu'un a la relégation» [5] (приговорить к помещению в психиатрическую больницу);

3. 1907 «mettre dans un lieu écarté» [13] (положить далеко);

4. 1958 «interner dans une colonie» [13] (помещать в психиатрическую больницу).

Компонентный анализ позволяет выявить особенности расширения значения слова и появления новых лексико-семантических вариантов. Была выделена ядерная сема «заключение, помещение» и дифференциальная сема «санкция, наказание по закону».

Примером среди квазипроизводных имен прилагательных может послужить **juridique adj.** [6], в котором все лексико-семантические варианты имеют общую ядерную сему «имеющий отношение к юриспруденции, праву»:

1. 1440 «en justice, selon les formes légales» [3] (в соответствии с нормами права, с законом);

2. XVIII Qui se fait devant la justice, en justice, selon les formes judiciaires [9] (То, что совершается в соответствии с понятиями правосудия, в судебном порядке);

3. XVIII Qui est relatif, conforme au droit, a la loi [12] (соответствующий нормам права).

Самой разнообразной в тематическом плане группой квазипроизводных юриспрудонимов оказались имена существительные, относящиеся к данному лексико-семантическому полю. Они составляют 73 % объектов исследования (рис. 1).

39 % таких имен существительных появились в период XI–XIV вв., в то время как 61 % слов – в более поздний период XVI–XX вв. Из них около 35 % пришло из классической латыни, остальные 65 % являются результатом эволюции лексики, пришедшей из народной латыни во французский язык.

Моносемичных квазиприпроизводных глаголов было обнаружено только 2 %. Анализ остальных 98 % глаголов, как и в случае с полисемичными именами существительными, позволяет выявить динамику перехода из категории общеупотребительной лексики в лексико-семантическое поле «юриспрудонимы». Диаграмма иллюстрирует процесс перехода полисемичных глаголов в категорию юриспрудонимов в период XI–XX вв. (рис. 2).

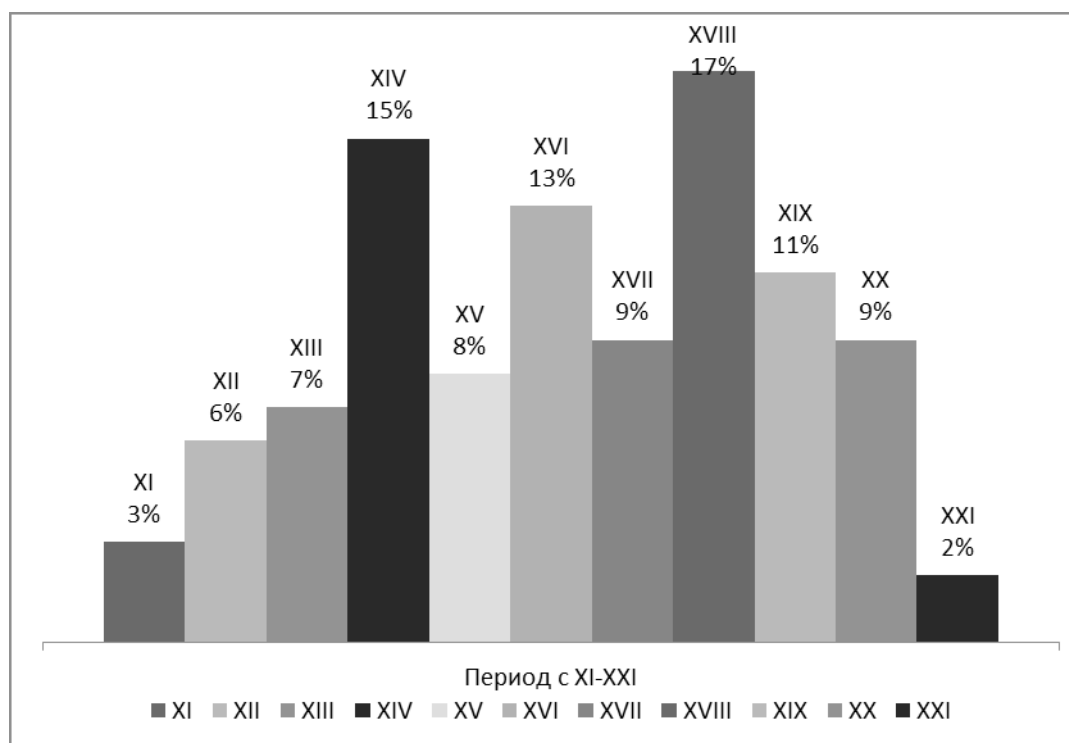

Рис. 1. Динамика появления имен существительных, относящихся к ЛСП «Юриспрудонимы» в период с XI по XXI в.

Пиковые точки процесса перехода приходятся на 2 периода: в XIV в. среднефранцузского периода и в XIX в., что относится к периоду становления современного французского языка.

Данные о динамике перехода имен прилагательных в категорию юриспрудонимов иллюстрируют активность этого процесса на

протяжении трех веков с XIV по XVI в. Было обнаружено только 19 % моносемичных слов, которые изначально с появления их в языке можно было классифицировать как квазипроизводные юриспрудонимы (рис. 3):

Объединение лексики, которая используется в области права и именование ее юриспру-

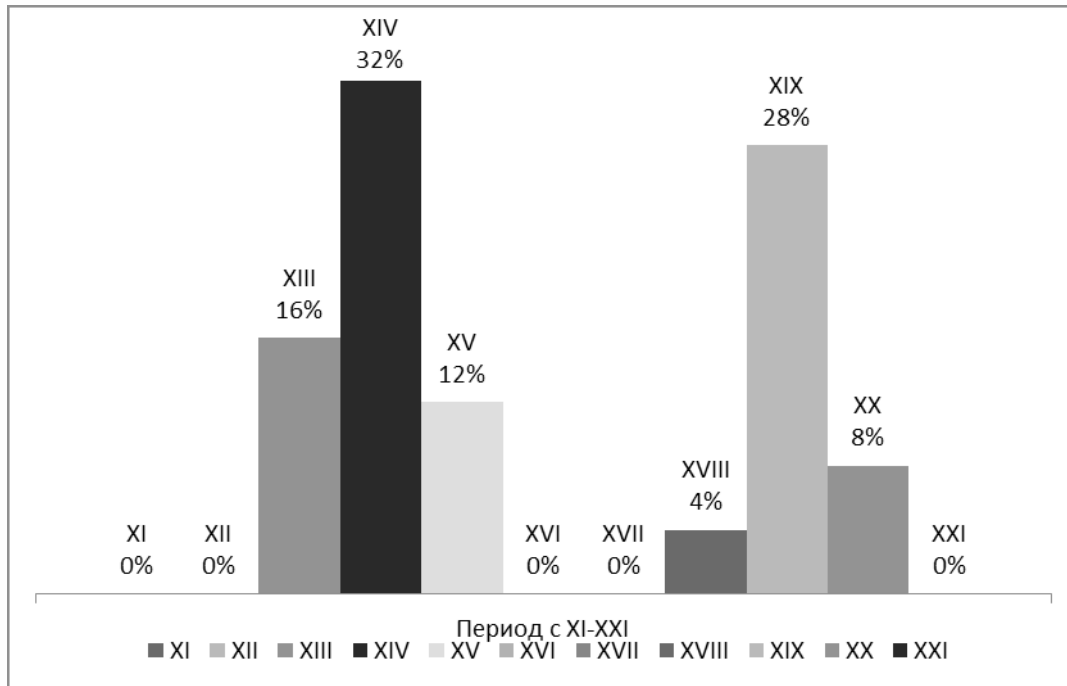

Рис. 2. Динамика появления глаголов, относящихся к ЛСП «Юриспрудонимы» в период с XI по XXI в.

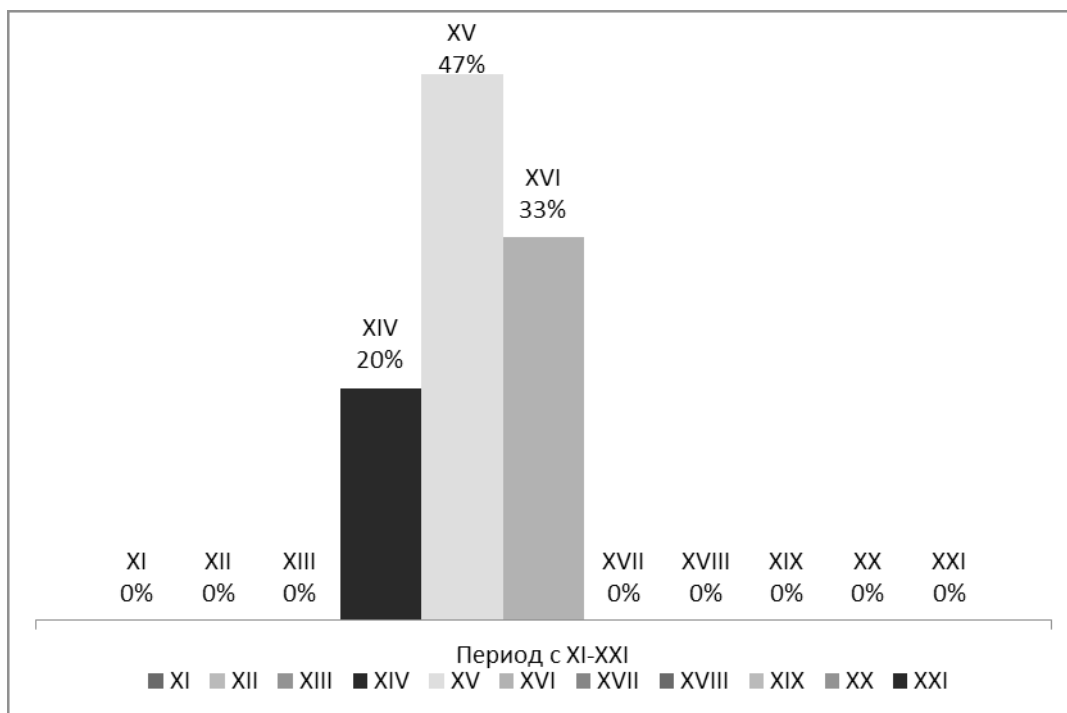

Рис. 3. Динамика появления имен прилагательных, относящихся к ЛСП «Юриспрудонимы» в период с XI по XXI в.

донимами на основе актуализации семантического компонента, позволяет проследить динамику лексического обогащения юридических текстов во французском языке и установить источник и период возникновения новых единиц.

Таким образом, было выявлено, что часть юриспрудонимов приобрела современную форму в результате эволюции народной латыни в старофранцузский период и использовалась в текстах, относящихся к области права с XI в. Другие юриспрудонимы были заимствованы из классической латыни и интегрировались в языковую систему французского языка с развитием правовой доктрины и интенсивным проникновением заимствований из классической латыни во французскую устную и письменную речь в среднефранцузский период с XVI в.

Результаты исследования подтверждают тенденции развития французского языка, описанные Катагощиной Н. А., Васильевой Н. М. и Гурычевой М. С. [1. С. 227, 267, 341] и совпадают с периодизацией выстроенной в их научных трудах.

Схемы, представленные в диаграммах, говорят о том, что с необходимостью развития права и становлением государства переход общеупотребительной лексики в лексико-семантическое поле «юриспрудонимы» был наиболее интенсивным с XIV по XV в. в среднефранцузский период, в XVIII в. в новофранцузский период, а также в XIX в.

Список литературы

1. Катагощина, Н. А. Курс истории французского языка : учебник. М., 1997. 422 с.
2. Bally, Ch. Linguistique générale et linguistique française. Berne, 1965. 439 с.
3. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/juridique>.
4. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/preemption>.
5. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/rel%C3%A9guer>.
6. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/juridique>.
7. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/preemption>.
8. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/rel%C3%A9guer>.
9. Dictionnaires d'autrefois [Электронный ресурс]. URL: <http://artflsrv01.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdicollook.pl?strippedhw=juridique+>.
10. Dictionnaires d'autrefois [Электронный ресурс]. URL: <http://artflsrv01.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdicollook.pl?strippedhw=pr%C3%A9emption+>.
11. Dictionnaires d'autrefois [Электронный ресурс]. URL: <http://artflsrv01.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdicollook.pl?strippedhw=rel%C3%A9guer+>.
12. Larousse online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/juridique/45163?q=juridique+>.
13. Larousse online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/rel%C3%A9guer/67126?q=rel%C3%A9guer+>.
14. Loi n° 85-729 du 18 juillet 1985 relative a la définition et a la mise en oeuvre de principes d'aménagement. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000006068916&dateTexte=20091008>.
15. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?term=pre-emption&allowed_in_frame=0.

КИЕВ В ТВОРЧЕСТВЕ УКРАИНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ВАЛЕРИЯ ШЕВЧУКА

Рассматривается специфика изображения топоса Киева на примере произведений современного украинского прозаика Валерия Шевчука. В украинской ментальности Киев ассоциируется с культурой, традициями, активным развитием, но в украинской литературе все чаще встречается негативная характеристика Киева. Город Валерием Шевчуком показан в двух ипостасях – сакральной и патогенной. При анализе рассказа «Хованец» и повести «Женщина в голубом на снежном фоне» мы выделили два образа топоса Киева – город-смерть и город-коробка.

Ключевые слова: *Киев, топос, город, литература, одиночество.*

Единство социума и культуры в целом проявляется тогда, когда социальный объект начинает входить в контекст культурного пространства. Таким объектом является город, который органично вошел в украинскую литературу в начале XX в. и начал существовать не только в реальном, но и в вымышленном хронотопе человеческой жизни. Целью данной статьи является показ города в художественном творчестве Валерия Шевчука. Для раскрытия данного вопроса мы обратились к рассказу «Хованец» и повести «Женщина в голубом на снежном фоне».

Актуальность произведений с городским ареалом отмечается в украинской литературе эпохи модерн. Т. Гундорова в статье «В колыбели мифа, или топос Киева в литературе украинского модернизма» (*здесь и далее перевод Н. А. Бугаёвой*) отмечает, что модерн – явление не только эстетическое, но и топографическое, так как его хронотоп рождается на перекрестке пространства и времени. Появившаяся картинка города, топография становится способом описания мест (города или села), а главное внимание сосредоточено на существовании человека в этом пространстве.

По словам Т. Гундоровой, литература эпохи модернизма наполняет особыми символами такой город, как Киев. С одной стороны, это сакральный топос (то есть священный, который имеет магический смысл), а с другой – эсхатологический (конец всего существа). Традиционное толкование топоса Киева осуществляется в аспекте сакральности. Но современная специфика жизни и литература XX в. привносит изменение видения мифа Киева [1. С. 75] от положительного к отрицательному. Это в свою очередь меняет отношение человека к пространству существования.

Именно эпоха модерн в украинской литературе, по убеждению Т. Гундоровой, вносит трансформацию в понимание Священного города. Создается модель города-муравейника, где человек теряется среди суетливой повседневной жизни. Модернизированный топос Киева представлен уже как «живое» тело, многоголовое, расчлененное и шумное. Появляется топос города агрессивного наполнения, где потоки людей и машин сливаются воедино [1. С. 76]. Современный Киев характеризуется большим количеством автомобилей, километровыми пробками, запахом бензина, громкими звонками трамваев и постоянным человеческим шумом. Начинается процесс десакрализации Киева. Т. Гундорова называет такой город городом отчуждения [1. С. 80], когда это административное устройство становится только внешней маской людей, которые в нем живут. Поэтому городской человек, переполненный негативными качествами городского социума, находит возможность очистить внутренний мир пребыванием в сельской среде, подсознательно приближаясь к нему.

Валерий Шевчук принадлежит к тем писателям, которые творчески росли в городском социуме. Родился прозаик в Житомире, а на литературной арене появился в Киеве. В автобиографических воспоминаниях «На берегу времени. Мой Киев. Новоселье» писатель писал: «Киев в моей жизни сыграл огромную роль, вплоть до того, что я не представляю себе существования вне этого мегаполиса» [3. С. 14]. По словам Шевчука, он бы не состоялся как литератор без Киева. Поэтому все творчество художника сосредоточено на двух городских топосах: Житомире как на основе и Киеве – творческом поле. Чаще всего В. Шевчук в произведениях обращает внимание на 1960-е гг. в Киеве (в этот период прозаик сформировался как личность и писатель).

Повесть «Хованец» написана в 1965 г. Главная героиня – женщина, потерявшая свою дочь, которая после ее смерти приезжает в село, чтобы морально отдохнуть. «Попа-ла сюда, поближе к тишине, чтобы выйти из карусели повседневности» [4. С. 55]. Здесь, в горах, женщина забыла о головной боли, старалась не думать о Киеве, где ее внутренний мир рушился под давлением воспоминаний. Село стало убежищем для выстрадавшей души героини. Топос города, описанный прозаиком, возникает в снах главной героини. Город в снах и видениях – предмет специальных исследований, начало которых открыл в XX в. К. Г. Юнг на основе собственных наблюдений. В работе «Два эссе по аналитической психологии» К. Г. Юнг описывал чистый опыт видения идеально правильного города. Как символическая форма «город» может означать много чего, часто противоположные смыслы: добро и зло, жизнь и смерть. Для образа города в рассказе В. Шевчука характерна последняя оппозиция. Главная героиня погружается в сны, и перед ней возникают городские очертания: «И ворвались в помещение ночные шумы города, грохот автомобилей и дальний звон одинокого ночного трамвая. Еще дальше слышался поезд, который мчался в ночь, нащупывая дорогу горящими глазами прожекторов, а женщина вдыхала сухой воздух со слабым привкусом бензинового перегара и не могла надышаться» [4. С. 59]. **Автор создал портрет города в темных очертаниях, не давая героине почувствовать вкус жизни.** Каждый раз, выходя из сна, женщина не желала возвращения домой, потому что ничего хорошего там не находила, лишь горечь и бессонницу. Для К. Г. Юнга сны были теми каналами связи, которые объединяли бессознательное с реальностью. Чаще всего сны дополняют сознательную дневную часть жизни [5. С. 6]. В снах героиня видела киевские локусы (Андреевский спуск, Подол), которые ассоциировались с бывшим покоем и семейным уютом в городском социуме. Место, где стоит дом, в котором она жила со своей семьей, автор показывает без особой привязанности: «Там, где стоял их дом, не было ни травы, ни деревьев. Голая мостовая, голые стены, ржавые желоба, выдолбленные окна в глухих стенах, запах столетних домов. На лавочках сидят с мутными глазами старухи, как давно умершие» [4. С. 62]. Даже городской базар автор показывает мертвым, без единой живой души. Днепр, как водный символ Киева, показан ак-

вариумом с мертвой рыбой. Все, что видела героиня во сне, было мертвым. Такой топос города возник как следствие человеческой смерти (ребенка главной героини). Женщина теряет самое дорогое для себя, и окружающий мир начинает умирать для нее. Спокойствие приходит к героине только лишь на лоне природы, в деревне, где (по О. Шпенглеру) все начинается, где человек чувствует себя частью мира, а не осколком жизни. Топос города в этом рассказе – город, от которого человек пытается убежать, что бы сберечь целостность души.

Повесть «Женщина в голубом на снежном фоне» относится к киевской тематике. Главный герой, преподаватель Киевского университета, начинает чувствовать «безнадежное погружение в будни» Киева [2. С. 11]. Повседневность, со своим однообразием, делит душевную гармонию героя и его жены на разные плоскости. Ощущая пассивность такой жизни, Вадим Самосадский подсознательно пытается изменить ход бытия – он видит сны о загадочной женщине в голубом в неизвестном городе. Его сновидения напоминали сны-путешествия, когда он шел к дому в горах, к своей мечте, к своей личной свободе. Душа героя подсознательно стремится выйти из города и окунуться туда, где можно наполниться жизнью полной грудью. Иногда ему казалось, что эти представления – «вовсе не сон, а своеобразная система ощущений, положенных на абсурдную и, в то же время, реальную основу» [2. С. 9]. В снах герой видел старинную улочку в городе, удивительно знакомые дома. В этой плоскости герой жил реальной жизнью. А возвращаясь с работы, шел реальной улицей, заставленной современными девятиэтажными коробками, в одной из которых имел для существования собственную клетку. Родной дом стал бременем, в котором герой задыхался. Каждое утро, идя на работу, он вырывался на свежий морозный воздух и существовал вне дома. Автор вкладывает в уста героя слова, которые можно толковать как жизненное кредо городского человека: «Жить в этом мире можно, не надо только травиться мелочами жизни и быта, а, наоборот, постоянно возвышаться духом, то есть рассуждать о вещах высоких» [2. С. 15], потому что жизнь – это своеобразное переливание живой энергии, две стороны одного города. Топос Киева в повести наделен чертами безнадежности, замкнутости, это город-коробка, из которой человек подсознательно выбирается.

Итак, рассмотренные произведения В. Шевчука создают определенный топос Киева, возможность переоценки своей жизни в пространстве параллельной жизни. Киев как город-смерть, где человек чувствует себя одним среди тысяч, и город-коробка, позволяющий подняться над обыденностью, изменяет сущность городского жителя, делает его более уязвимым, или более сильным.

Список литературы

1. Гундорова, Т. І. У колиці міфу, або топос Києва в літературі українського модернізму // Київська старовина. 2000. № 6. С. 74–82.

2. Шевчук, В. О. Жінка в блакитному на сніговому тлі // Дніпро. 1998. № 1–2. С. 8–40.

3. Шевчук, В. О. На березі часу. Мій Київ. Входи́ни // Київ. 2002. № 4–5. С. 14–55.

4. Шевчук, В. О. Сон сподіваної віри: готично-притчева проза. Львів, 2007. 416 с.

5. Юнг, К. Г. Аналитическая психология. СПб., 1994. 137 с.

ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРАЛОГИЧЕСКИХ РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ (на материале текстов интернет-блогов)

Рассматриваются паралогические риторические приемы, встречающиеся в текстах интернет-блогов с точки зрения их воздействия на читателя. Приведена классификация данных приемов согласно законам формальной логики. В результате исследования делается вывод о намеренном использовании указанных приемов, что способствует трансформации современной блогосферы в существенный инструмент информационного влияния, а также о малоизученности данной проблемы, требующей дальнейшей разработки.

Ключевые слова: *блог, блогосфера, воздействие, риторический прием.*

На сегодняшний день средства массовой информации (далее – СМИ) играют определяющую роль в различных сферах жизни любой страны. Основной тенденцией развития СМИ за последние несколько лет является постепенный их переход из одноканальной среды, когда их целью было довести до аудитории определенную точку зрения, в многоканальную, дающую возможность непрямого участия читателя, гражданина в политической, социальной, религиозной жизни страны. Этому активно способствует развитие и популяризация сети Интернет, в частности форумов, блогов, интернет-дневников, ярко выраженный коммуникативный характер которых определяет их воздействующий потенциал.

В результате проведенного нами анализа текстов интернет-блогов политической, социальной и религиозной тематик, нам удалось выделить достаточное количество различных приемов воздействия, в частности, паралогических риторических приемов, которые используются в текстах виртуальных дневников с манипулятивной целью и являются примером непосредственного влияния на мышление читателей. В данной статье рассмотрены примеры паралогических риторических приемов наиболее часто встречающихся в интернет-контентах.

С точки зрения системного подхода к определению понятий, понятие риторического приема считается наиболее общим по отношению к таким языковым явлениям, как троп, фигура речи (стилистическая фигура, риторическая фигура), стилистический прием [16]. В более широком смысле риторические приемы как «прагматически мотивированные отклонения от нормы» включают и так называемые паралогические приемы, мотивированные отклонения

от законов и правил формальной логики, науки о законах и формах правильного мышления [7. С. 241]. Следует отметить, что данные языковые явления изучены в большей степени в аспекте их выразительных возможностей, нежели как средства воздействия на реципиента [6. С. 65].

К основным законам формальной логики относятся «закон тождества», «закон противоречия» и «закон достаточного основания». Распространяя свое влияние на всю мыслительную деятельность, данные законы лежат в основе различных логических операций с понятиями и суждениями, а также отражают важные свойства правильного мышления, а именно: определенность, логическую непротиворечивость, последовательность и обоснованность [11. С. 27]. По мнению исследователей, разрушение логики и манипуляция легче всего достигаются в максимально рациональном сознании, так как логическое мышление в большей степени беззащитно, прозрачно и хорошо изучено, что создает возможность для вторжения и искажения программы, лишая человека возможности делать правильные умозаключения [5. С. 113].

Примеры паралогических риторических приемов, выделенных нами в текстах интернет-портала, были распределены на три группы согласно указанным законам формальной логики.

Наиболее многочисленной является группа приемов, основанная на несоблюдении «закона достаточного основания», согласно которому всякое положение считается достоверным, если оно доказано. Таким образом, достоверным считается суждение в том случае, если на текущий момент не существует возможности корректного его опровержения [6. С. 32].

Примером несоблюдения данного закона является отождествление индивидуума с социальной группой, имеющей негативную оценку. Этот прием широко применяется авторами политических блогов, например: «Березовский – это лишнее подтверждение того, что Бог шельму метит. Сколько даст, столько и возвратит, да еще и с процентами... Жалко ли его? Скажу так: он прикоснулся к власти, а это клеймо на всю жизнь и после смерти... Ельцинских фаворитов судьбина и впредь будет выкашивать, как сорняк на грядках. Апостолу Петру сковородок на всех не хватит...» [3].

Также примером несоблюдения данного закона является «проведение неправомερных аналогий» [11. С. 28]. Особенностью данного приема является использование в доказательстве аналогий, несоразмерных с рассматриваемыми, к примеру: «Знаете, что означало слово «путин» в Древней Руси? О-о-о! Это очень интересно! Слышали про такую болезнь поясницы, которую медики называют люмбаго? В народе говорят проще – радикулит. Люмбаго – это вроде как по-научному. Так вот в древности люмбаго называли – ПУТИН! И означало это боль в пояснице. Позвоночник – остов всего организма! Главная болезнь России – боль в пояснице. Ведь именно в пояснице гибается человек, желая лизнуть Хозяина» [14]. Очевидно, что такое сопоставление не является достоверным и достаточным, чтобы сделать подобное заключение.

Еще одним примером манипуляции является прием «программирующей номинации», состоящей в описании событий как уже свершившихся. В научной литературе этот прием также называется «предвосхищение вывода» или «непременное опережение событий» [8. С. 89], например: «Россия обязана провести все эти соревнования на самом высоком уровне, поэтому подготовке было уделено серьезное внимание. Речь идет о масштабной модернизации спортивной инфраструктуры, мерах по обеспечению цивилизованного поведения болельщиков при проведении соревнований, ... Особый упор также был сделан на развитии фундаментальных и прикладных исследований по спортивной тематике, ... Все это, я надеюсь, укрепит позицию России на мировой спортивной арене и принесет так необходимые для всех нас победы на спортивных мероприятиях» [1]. Все нюансы подготовки к олимпиаде в тексте выступления премьер-министра описываются как уже свершившиеся, в то время как работа

на тот момент еще не была закончена, а точнее только началась.

Следующий прием в научной литературе называется «приемом создания комплексной эквивалентности» и служит для установления желательных причинно-следственных связей [4. С. 51]. Данный прием создается за счет использования лексем: «значит», «соответственно», «таким образом», «поэтому», «из этого следует» и пр., позволяющих предполагаемое выдать за аксиому, к примеру: «Обама прямо сказал на днях в Послании Конгрессу, что больше он никуда американскую пехоту посылать не будет, хватит погибать их солдатам. Поэтому США будут стремиться держать планету в ежовых рукавицах через новое, современное оружие» [10]. Далее в статье Интернет-дневника известный политик называет падение метеорита в Челябинске «новым оружием США». В данном случае лексема «поэтому» заставляет читателя невольно воспринять фразу, сказанную американским президентом как подтверждение такого сомнительного предположения.

Суть приема «подразумеваемая причинность» [17. С. 145] заключается в организации порядка высказываний в определенной последовательности, помогающей адресату установить причинно-следственные отношения, которых в реальной действительности не существуют. Таким образом, реципиент делает заключение, основываясь на сообщаемом, например: «ЛДПР обращается к тебе, молодой русский патриот! Мы хотим видеть твой гордый взгляд. Неужели же ты допустишь, чтобы нас разбили изнутри, чтобы Россию погубили коррупционеры и бандиты? Нет. Ты можешь и должен спасти Родину! Ты будешь вместе с нами в самом тесном контакте добиваться включения членов ЛДПР во все выборные органы – местные, региональные, верховные» [12]. Данный текст организован таким образом, чтобы читатель мог прийти к идее, что спасение страны напрямую зависит от членства ЛДПР во всех выборных органах.

«Подразумеваемая причинность» и «комплексная эквивалентность» в логике и риторике носят названия «не следует» или «мнимое следование». Разновидностью этого приема является прием «вербального связывания, или причинно-следственного моделирования», заключающегося в использовании слов «в то время как», «тогда как», «когда», «в течение» и так далее [6. С. 69], создающих эффект причинно-следственной взаимосвязи, что застав-

ляет читателя поверить в то, что одно явление влечет за собой другое.

«Метод Сократа» является таким способом аргументации, при котором высказывания, на которые адресат ответит «да» ставятся в начале фразы. Последним же следует та мысль, которую нужно внедрить в сознание слушающего [6. С. 70], к примеру: «Получается, все дети приходят в школу на первый урок, а второй надо или оплатить, или пропустить и час болтаться без дела? Что это? Вымогательство? Хитрость-разводилово? Конечно, многим родителям выгоднее заплатить, нежели их ребенок приучится к безделью. А что делать малоимущим? Это наш президент называет бесплатным обучением? А он не подумал сравнить с собственным обучением, когда он был ребенком в советской школе? ... Просто правительству выгодно иметь в подчинении “заводных айфончиков”...» [15].

В данном случае целью всего сообщения было высмеивание политики президента и его подчиненных. Цель была достигнута за счет серии вопросов, предполагающих исключительно положительный ответ и незамысловатой фразы в конце сообщения, которая и должна остаться в сознании читающего.

Основой бездоказательных «универсальных высказываний» является уловка, «поспешное обобщение», базирующаяся на несоблюдении закона достаточного основания [6. С. 71], например: «Да разве честный человек пойдет в политику? Там только жулики и воры...» [9]. Данное высказывание принадлежит читателю политического блога известного журналиста, политического обозревателя и блоггера.

«Имплицатуры», или «скрытые генерализации», заставляют слушающего неосознанно воспринять суждения адресанта [6. С. 71], к примеру: «А ведь дети наших эмигрантов во всех странах считаются самыми талантливыми в школах. Очень ценятся молодые люди, работающие в других странах, за умение находить необычные, неформатные ходы для решения даже форматных задач» [18].

Примером воздействия является также перенос мнения нескольких людей на представительную группу, с помощью чего создается «неоправданное обобщение» [6. С. 72], например: «Этот поступок доказывает, что весь чиновничий аппарат в нашей (России) стране состоит из взяточников и воров» [9]. В блоге обсуждался случай получения взятки чиновником администрации города.

С целью создания комического эффекта и привлечения внимания сознательно нарушаются логические связи. Такие алогизмы легко запоминаются адресатом в силу своей абсурдности [6. С. 73], например: «Правильно, россиянам нужен строгий ошейник и ласковый хозяин» [13].

Также привлечению внимания способствует сопоставление или противопоставление логически неоднородных понятий или соединение в качестве однородных членов предложения логически несопоставимых понятий [6. С. 73], к примеру: «Он всегда шел кратчайшим путем. Как сказочный волк – короткой дорогой. Но хитрый жадный волк не думал, что ему вспорют брюхо и заберут оттуда и бабушку с внучкой, и “Останкино”, и “Сибнефть”, и власть» [9].

Соединение двух понятий, не являющихся синонимами, с помощью союза «и» или без союза способствуют восприятию этих понятий как тождественных. В результате этого огромное количество понятий становятся синонимами друг друга [6. С. 73]. Существительные «Христианство», «добродетель», «мораль», «нравственность» и т. п. часто встречаются рядом в блогах религиозной (христианской) тематики, представляя собой «семантический парадокс»: понятия воспринимаются как синонимы друг друга, что способствует их восприятию как тождественных.

Все указанные выше приемы основаны на несоблюдении закона достаточного основания, направленного против нелогичного мышления и выступающего, таким образом, серьезной преградой любому интеллектуальному мошенничеству.

Следующая, менее многочисленная группа приемов, встреченных в интернет-блогах, основана на несоблюдении «закона тождества», суть которого заключается в том, что каждая мысль на протяжении всего рассуждения и вывода должна иметь одно и то же определенное, устойчивое содержание [11. С. 27]. Задачей этого закона является обеспечение фиксированных предметных границ путем борьбы с расплывчатостью и беспредметностью суждений.

Примером нарушения закона тождества является «подмена тезиса», когда в ходе рассуждения исходная мысль умышленно или неосознанно подменяется другой. Данный прием активно используется в блогах политической тематики. Ниже приведен фрагмент диалога читателей блога:

«– Ввоз в страну дешевых генно-модифицированных продуктов мог бы положительно отразиться на экономике страны.

– ???!?! Только это пагубно скажется на здоровье населения!...

– Так вы хотите, чтобы граждане нашей страны голодали?...» [14].

В данном случае политический деятель искажает аргумент читателя, подменяя его похожим, но более слабым, а затем опровергает этот искаженный аргумент, создавая видимость того, что опровергнут был аргумент первоначальный.

Разновидностями подмены тезиса являются «коммуникативный саботаж», «тематическое переключение», «логическая диверсия» [6. С. 74]. В данном случае предыдущая реплика игнорируется, а в ответ вводится новое содержание. Такой прием часто можно встретить в комментариях к какой-либо статье, выложенной в блоге. Автор намеренно игнорирует комментарий читателя, вводя в ответ новое содержание.

Данный закон основывается на важнейшем свойстве мышления – его определенности, согласно которому мысль о предмете должна иметь определенное, устойчивое содержание, вне зависимости от числа повторений данной мысли.

Третья группа приемов манипулирования основана на несоблюдении «закона противоречия». Согласно данному закону суждение и отрицание данного суждения не могут быть одновременно истинными. Важной особенностью этого закона является его распространение не на все суждения, а только на несовместимые, то есть те, которые одновременно не могут быть истинными [11. С. 29].

Нарушение этого закона происходит в том случае, если совмещаются два противоречащих друг другу утверждения, к примеру: «Хотя мы и не обещаем, что станет сразу легче, мы точно знаем, что население страны будет достойно жить» [1].

Рассматривая данное высказывание с точки зрения закона противопоставления, невозможно одновременно отрицать улучшение уровня жизни населения страны и утверждать возможность его улучшения.

Все приведенные выше примеры паралогических приемов, основанных на несоблюдении законов логики, несут в себе основную цель – воздействие на адресата. Использование таких приемов в текстах интернет-бло-

гов известными политиками, журналистами, церковными служащими является довольно распространенным явлением, что подтверждается нашими исследованиями. Таким образом, блогосфера постепенно становится не только виртуальным местом обмена мнениями или получения информации членами данного сообщества и случайными читателями, но и ареной информационного управления и противоборства. Это, в свою очередь, способствует трансформации ее в существенный инструмент информационного влияния, поле информационных войн, в том числе в целях манипулирования личностью, социальными группами и обществом в целом.

Список литературы

1. Главная задача госпрограммы – сделать физическую культуру и спорт доступными для всех [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.da-medvedev.ru>.
2. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997. 344 с.
3. Зачем жил Березовский? [Электронный ресурс]. URL: <http://mzadornov.livejournal.com/100292.html>.
4. Иссерс, О. С. Папа – «Мерседес», или речевая стратегия дискредитации // Вестн. Омск. гос. ун-та. 1997. № 2. С. 51–54.
5. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. 832 с.
6. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие. М., 2007. 176 с.
7. Копнина, Г. А. Риторический прием современного русского литературного языка : опыт системного описания. М., 2012. 576 с.
8. Кошкина, А. А. Приемы манипулятивного воздействия в текстах предвыборной агитации // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. 2004. № 5–6 (13–14). С. 89–94.
9. Кто нас обидит – дня не проживет? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/minkin/1062052-echo>.
10. Падение метеорита на Урале – космическая атака? [Электронный ресурс]. URL: <http://blogs.mail.ru/mail/zhirinovskyyv>.
11. Панкратов, В. Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация : практич. руководство. М., 2001. 208 с.
12. Поколение X выбирает ЛДПР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/Zhirinovskiy/posts/428062307269934>.

13. Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kermlinrussia.livejournal.com/115657.html?thread=9929>.

14. Путинолизы [Электронный ресурс]. URL: <http://mzadornov.livejournal.com/99439.html>.

15. Путин... подставился! [Электронный ресурс]. URL: <http://mzadornov.livejournal.com/100063.html>.

16. Риторический прием [Электронный ресурс]. URL: <http://stylistics.academic.ru/149/>.

17. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций. СПб., 2002. 448 с.

18. Шоу драндулетов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/blog/30-blog-mihaila-zadornova.html>.

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО АМЕРИКАНСКОГО ХАРАКТЕРА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. ДЖЕЙМСА «THE AMERICAN»

На основе анализа произведения Г. Джеймса «The American» исследуются черты национального американского характера, сформированные под воздействием экономических реалий Нового Света в конце девятнадцатого века.

Ключевые слова: национальный характер, американец, французская аристократия.

Главный герой романа Г. Джеймса «The American» представляет собой того человека, которому удалось осуществить американскую мечту и добиться успеха в жизни. Его имя – «Ньюман», от английского New+man – новый человек, указывает на появление нового типа людей в тот период, когда формировалось американское национальное самосознание.

Изучение личных качеств главного героя позволяет выявить особенности национального характера американцев, который формировался в конце девятнадцатого века под воздействием экономического подъема.

Сюжет романа заключается в том, что богатый американец, Ньюман, приезжает в столицу Франции и стремится там найти себе невесту. Однако отсутствие у него благородного происхождения не позволяет достичь желаемого [1. С. 16].

Пытаясь произвести должное впечатление на французское общество, Ньюман демонстрирует свои личные качества. При этом национальный характер главного героя проявляется не только через поступки, но и отражается в его внешности, выражении лица:

*He had the flat jaw and sinewy neck which are frequent in the **American** type; but the traces of national origin are a matter of expression even more than of feature, and it was in this respect that our friend's countenance was supremely eloquent* [2].

Мускулистая шея (sinewy neck) и плоская челюсть (flat jaw) Ньюмана, а также выражение его лица (countenance) свидетельствовали о принадлежности героя к американской нации больше, чем какие-либо другие факты (but the traces of national origin are a matter of expression even more than of feature). С одной стороны, выражение лица Ньюмана было отсутствующим и неопределенным, с другой стороны, его нельзя было назвать бессодержательным. Оно свидетельствовало о жизни человека ни в чем

особенно не заинтересованного, предоставленного самому себе и щедро пользующегося всеми благами жизни:

*The discriminating observer we have been supposing might, however, perfectly have measured its expressiveness, and yet have been at a loss to describe it. It had that typical vagueness which is not vacuity, that blankness which is not simplicity, that look of being committed to nothing in particular, of standing in an attitude of general hospitality to the chances of life, of being very much at one's own disposal so characteristic of many **American** faces* [2].

«Американское происхождение» главного героя также чувствовалось в его взгляде:

It was our friend's eye that chiefly told his story; an eye in which innocence and experience were singularly blended. It was full of contradictory suggestions, and though it was by no means the glowing orb of a hero of romance, you could find in it almost anything you looked for. Frigid and yet friendly, frank yet cautious, shrewd yet credulous, positive yet skeptical, confident yet shy, extremely intelligent and extremely good-humored, there was something vaguely defiant in its concessions, and something profoundly reassuring in its reserve [2].

Вводимые через параллельные конструкции и аллитерацию оценочные эпитеты (frigid, friendly, frank, cautious, shrewd, credulous, positive, skeptical, confident, shy, intelligent, good-humored) наглядно демонстрируют непостоянные качества главного героя. Взгляд Ньюмана, в котором необычно переплетались незнание и опыт, был столь противоречивым, что при желании в нем можно было увидеть все, что угодно. Это ощущение автор передает при помощи прилагательных, противопоставленных друг другу по значению: холодный и дружелюбный, искренний и осторожный, прозорливый и доверчивый, оптимистичный и скептический, уверенный и скромный, серьез-

ный и веселый. Такой набор характеристик мог быть только у человека, который прошел через многое, «сделал сам себя» и всегда был волен распоряжаться своей судьбой:

Oh, I have been my own master all my life [2].

Неудивительно, что единственной целью в его жизни было заработать как можно больше денег:

It must be admitted, rather nakedly, that Christopher Newman's sole aim in life had been to make money; what he had been placed in the world for was, to his own perception, simply to wrest a fortune, the bigger the better, from defiant opportunity. This idea completely filled his horizon and satisfied his imagination [2].

Метафорическое использование слов *wrest* (вырывать что-либо силой → зарабатывать), *defiant* (неповинующийся, дерзкий → сложный, труднопреодолимый) указывает на напряженный характер борьбы, которую вел Ньюман для того, чтобы стать богатым. Он воспринимал свою жизнь как азартную игру, в которой сделаны самые высокие ставки:

Life had been for him an open game, and he had played for high stakes. He had won at last and carried off his winnings; and now what was he to do with them? [2]

Метафора «жизнь → игра» указывает на тот азарт и смелость, с которыми Ньюман начал зарабатывать деньги. Он превратился из обыкновенного торговца в крупного миллионера, воплотил американскую мечту в жизнь, и в настоящий момент наслаждался возможностями, которые открывались перед преуспевающими людьми.

В процессе создания капитала у Ньюмана сформировались те черты характера, которые ярко контрастировали с качествами представителей французской аристократии и позволяли увидеть в нем американскую личность.

В первую очередь главному герою была свойственна высокая работоспособность:

His physiognomy would have sufficiently indicated that he was a shrewd and capable fellow, and in truth he had often sat up all night over a bristling bundle of accounts, and heard the cock crow without a yawn [2].

Как видно из фрагмента, Ньюман мог засиживаться за счетами всю ночь напролет, ни разу не поддавшись соблазну пойти спать. Очевидно, усталость ему не была знакома, о чем говорится и в следующем предложении:

And yet he was evidently not a man to whom fatigue was familiar; long, lean, and muscular,

he suggested the sort of vigor that is commonly known as "toughness" [2].

Ньюман был человеком энергичным, который «жестко» брался за дело и доводил его до конца. В этом проявлялись его практичность и деловая хватка, которые реализуются в контексте посредством таких слов, как *practical* и *shrewd*, а также через лексические единицы, отражающие привычки и наклонности Ньюмана:

He was a palpable and smoothly-rounded unit in that picturesque Parisian civilization which offered our hero so much easy entertainment and propounded so many curious problems to his inquiring and practical mind. Newman was fond of statistics; he liked to know how things were done; it gratified him to learn what taxes were paid, what profits were gathered, what commercial habits prevailed, how the battle of life was fought [2].

При помощи метафоры, отождествляющей человека с простым незамысловатым предметом (*unit* → *man*), создается яркий контраст между Ньюманом, практичным и понятным человеком, и парижанами, существующими в мире бесконечного числа разнообразных условностей. Метонимическое отождествление практичный ум → практичный человек, также как и комментарии автора по поводу увлечения Ньюмана статистикой и тщательным отслеживанием прибыли, говорят о взвешенном подходе ко всему, за что бы ни брался этот американец.

Практичность Ньюмана раскрывается, в частности, и при выборе невесты:

I can give my wife a good deal, so I am not afraid to ask a good deal myself. She shall have everything a woman can desire; I shall not even object to her being too good for me; she may be cleverer and wiser than I can understand, and I shall only be the better pleased. I want to possess, in a word, the best article in the market [2].

Метафорическое отождествление жена → самый лучший товар (*the best article in the market*) создает впечатление коммерческой сделки, которую собирается заключить Ньюман во время женитьбы. Он осознает, что может дать своей жене все, что она ни пожелает. Поэтому его спутницей должна стать самая прекрасная из женщин, способная оправдать все потраченные на нее средства.

Столь холодный расчет удивил даже его друзей, с которыми он общался во Франции:

You have a strange tone about it, and I don't quite understand you. I didn't suppose you would be so coldblooded and calculating [2].

Свою расчетливость Ньюман объясняет тем, что только самая совершенная девушка может послужить ему наградой за то, что он так много работал; она станет венцом его триумфа и успеха:

To make it perfect (success), as I see it, there must be a beautiful woman perched on the pile, like a statue on a monument [2].

Ньюмана также отличали оптимизм и уверенность в своих силах. Во многом данные качества были обусловлены его успехами в бизнесе, которых он добился благодаря вере в свои силы. Со свойственной ему легкостью он пытается внушить окружающим его людям идею о том, что все будет хорошо, например, разорившемуся французу Валентину:

"Oh, never fear, you'll get on your legs again", said Newman cheerily [2].

Ньюман с легкостью берется за любое дело и не сомневается в его успехе:

"Oh yes, I should like to learn French", Newman went on, with democratic confidingness. "Hang me if I should ever have thought of it! I took for granted it was impossible. But if you learned my language, why shouldn't I learn yours?" and his frank, friendly laugh drew the sting from the jest. "Only, if we are going to converse, you know, you must think of something cheerful to converse about" [2].

Ему по силам не только выучить иностранный язык (французский), но и жениться на самой умной и красивой женщине:

"Present me to a woman who comes up to my notions", said Newman, "and I will marry her tomorrow" [2].

Для него не существует никаких преград. Он готов хоть завтра взять в жены любую представительницу женского пола, соответствующую его требованиям. Когда его выбор падает на благородную француженку, он начинает ухаживать за ней и общаться с ее родственниками с полной уверенностью в успехе.

Однако Ньюману так и не удалось осуществить задуманное, что было единственной крупной неудачей, которая постигла его после того, как он стал успешным бизнесменом. Родственники невесты отвергли Ньюмана, выдвигая в качестве основной причины отказа отсутствие у жениха благородного происхождения. Несмотря на многомиллионное состояние и уверенность в себе, которые открыли ему путь в «лучшее общество», с точки зрения французской культуры Ньюман не был джентльменом.

Не имея благородного происхождения, Ньюман, тем не менее, был благородным человеком, и это качество выделяется в тексте произведения заглавными буквами:

Mr. Babcock sometimes said to himself that he was a NOBLE fellow, and, certainly, it was impossible not to like him [2].

После того, как Ньюман испытал на себе обиду и горечь утраты любимого человека по вине родственников его избранницы, он решает добиться отмщения. Однако в конце романа он благородно сжигает записку, компрометирующую семью его бывшей невесты. В этом отношении он оказался больше джентльменом, чем французские аристократы.

Благородство Ньюмана представлено также через слово "generous", которое в некоторых контекстах имплицитно означает «благородный». Так невеста Ньюмана называет претендента на свою руку благородным (generous) в тот момент, когда он признает, что ее родители могли бы принять его хуже, и что в целом он не огорчен тем, что ее родственники относятся к нему свысока.

Вообще Ньюман был свободен от всякого рода условностей и мог жить так, как ему угодно, общаться с теми людьми, которые ему симпатичны и поступать так, как он считает нужным:

What I envy you is your liberty, your wide range, your freedom to come and go, your not having a lot of people, who take themselves awfully seriously, expecting something of you [2].

Француз Валентин, джентльмен в нескольких поколениях, «заточенный» в жесткий мир аристократических условностей, искренне восхищен возможностями Ньюмана, его независимостью. Ему как будто свойственна некая аура, позволяющая чувствовать себя как дома в любой точке мира:

You are the first man I have ever envied. It's singular, but so it is. It's a sort of air you have of being thoroughly at home in the world [2].

Свободолюбие Ньюмана актуализируется и в следующей цитате:

He liked everything, he accepted everything, he found amusement in everything; he was not discriminating, he had not a high tone [2].

Он не обладал особой притязательностью (he was not discriminating, he had not a high tone). Все принимал, всем довольствовался (He liked everything, he accepted everything) и со свойственной только американцу легкостью и независимостью умел развлечь себя в

любой ситуации (**he found amusement in everything**).

Использование в тексте сочетаний со словом “democratic” («**democratic assumption of every one’s right to lead an easy life**», «democratic instincts», «**with democratic confidingness**») указывает на мнение Ньюмана о том, что каждый обладает правом вести простую, не обремененную трудностями жизнь. Его независимость от суждений других людей проявляется тогда, когда он с легкостью (**with democratic confidingness**) может рассказывать о себе и своих достижениях своим знакомым.

Представитель Нового Света не только независим, но и умеет добиваться успеха. Данное качество представлено в противопоставлении с отсутствием такой характеристики у разорившегося французского джентльмена Валентина, который чувствует себя неудачником:

You are a successful man and I am a failure, and it’s a turning of the tables to talk as if I could lend you a hand [2].

Успех Ньюмана заключается в том, что он заработал целое состояние и стал крупным финансовым магнатом; ему доступно все: дорогие отели, путешествия в разные страны:

You, evidently, are a success. You have made a fortune, you have built up an edifice, you are a financial, commercial power, you can travel about the world until you have found a soft spot, and lie down in it with the consciousness of having earned your rest [2].

Успехи американского бизнесмена раскрываются как через лексические единицы “success” / “successful”, так и посредством описания поведения Ньюмана, которое резко выделяется на фоне тщеславного французского общества:

Ah, there is a man with whom I shall get on. He has the good-nature of success and none of the morgue; he has not our confoundedly irritable French vanity [2].

Появление Ньюмана, обладающего “good-nature of success”, в благородном обществе Франции сравнивается с появлением живого человека в склепе (morgue), где со склепом ассоциируется застарелая французская аристократия, которую раздражает успешный и уверенный в себе американец.

Кульминацией успеха Ньюмана стал официальный прием, который был устроен мадам дэ Синтре, с целью представить своего жениха французскому бомонду. На данном приеме Ньюман почувствовал себя самым счастливым человеком, успех которого увенчался призна-

нием его благородным французским сообществом:

He had got what he wanted. The savor of success had always been highly agreeable to him, and it had been his fortune to know it often. But it had never before been so sweet, been associated with so much that was brilliant and suggestive and entertaining. The lights, the flowers, the music, the crowd, the splendid women, the jewels, the strangeness even of the universal murmur of a clever foreign tongue were all a vivid symbol and assurance of his having grasped his purpose and forced along his groove [2].

Приподнятое настроение Ньюмана передается при помощи эмфатических конструкций *so/such* и оценочных эпитетов с мелиоративной коннотацией: *sweet, brilliant, entertaining, splendid*. Перечисление всех атрибутов, сопровождающих вечер (the lights, the flowers, the music, **the crowd, the splendid women, the jewels**), подчеркивает то неподдельное удовольствие, которое испытывал главный персонаж от внешнего блеска приема.

Американец на рубеже веков представляет собой человека не только делового и успешного, но и очень позитивного, открытого, о чем свидетельствует неоднократное употребление в описании характера Ньюмана слова *friendly*, представленного в тексте различными сочетаниями: a friendly laugh, a friendly nod, a friendly intonation, **an easy and friendly style of communication, a friendly interest, a friendly chat, a friendly single gentleman**.

Умение быть открытым и легким в общении ярко передается и в следующем контексте:

There was so much of him; he was so rich and robust, so easy, friendly, well-disposed, that he kept her fancy constantly on the alert [2].

Эмфатическое *so* подчеркивает доброжелательность и искренние намерения Ньюмана.

Выделялся Ньюман и еще одним качеством, так не свойственным разоряющимся французам, – щедростью. Вероятно, подобная доброта Ньюмана была прежде всего обусловлена его огромным состоянием. У него не было нужды экономить или откладывать деньги, поэтому он получал удовольствие, когда имел возможность оплатить счет в ресторане или просто угостить своих друзей, не требуя с них платы:

He liked doing things which involved his paying for people; the vulgar truth is that he enjoyed “treating” them [2].

Его щедрость также раскрывается через сочетания со словом “generous”: “his generous

longitude”, “an excellent, generous fellow”, что говорит о том, что Ньюману действительно была свойственна широта души.

Американец был человеком открытым и честным, готовым отвечать за свои слова и действия. Это подтверждается контекстами, в которых сам автор характеризует главного героя как человека честного, “as an honest fellow”, так и признаниями самого Ньюмана:

Honest folks like you and me can live our time out-and live together [2].

Более того, многие его поступки часто обусловлены прямотой его характера, желанием действовать по справедливости. Ньюман честно и открыто добивается признания со стороны благородного французского семейства и терпеливо мирится с их тщеславием и гордыней. Он не скрывает своего происхождения и того, что однажды ему приходилось просить милостыню. Однако искренние намерения Ньюмана не всегда находят понимание и поддержку со стороны окружающих.

Таким образом, анализ произведения Г. Джеймса «The American» позволяет определить те черты характера американской личности, которые формировались в новых экономических условиях конца девятнадцатого века. Оптимизм, деловитость, умение добиваться успеха, трудолюбие, независимость, честность, благородство, щедрость, практичность, дружелюбие определяют главного героя как типичного представителя американской нации, совершенно непохожего на тех, кто живет в Европе.

Список литературы

1. Залесова, Н. М. Формирование и восприятие образа джентльмена в языке и культуре США : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.
2. James, H The American [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/177>.

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ В АСТРАХАНСКОМ РЕГИОНЕ

Анализируются принципы номинации фитонимов Астраханского края и их обусловленность. Результаты исследования могут быть применимы в лексикологии и лингвистическом краеведении.

Ключевые слова: номинация, регионализм, фитоним, принцип номинации, мотивировочный признак.

В современной лингвистике все более возрастает интерес к изучению языка в аспекте его регионального существования, что объясняется изменениями в понимании региональных языковых явлений. Стирание границ между литературным языком и диалектом в силу влияния различных факторов (урбанизация, воздействие СМИ, информатизация общества и т. п.), экспансия просторечия в сферу других разновидностей языка – вот отличительные черты современной языковой ситуации, которые обуславливают необходимость по-новому взглянуть на региональные языковые явления (см.: [1 ; 3 ; 4] и др.).

В свете данных тенденций актуальным представляется изучение регионализмов с точки зрения принципов и способов номинации, поскольку такой анализ выявляет закономерности формирования территориальных языковых единиц, обуславливает их региональную специфику. Изучению регионализмов Астраханского края в ономаσιологическом аспекте уделяется недостаточно внимания, чем и объясняется актуальность настоящего исследования.

В статье будут рассмотрены принципы номинации фитонимов в Астраханском крае. Общее количество анализируемых единиц – 118. При этом большую часть составляют номинации водных растений и степных трав, то есть растений, наиболее распространенных на территории Астраханского края. Это подтверждается данными научных географических исследований: В. Н. Пилипенко выделяет три группы растений, наиболее актуальных для Астраханской области: растения пустыни (полынь, саксаул, тамариск, ковыль и др.), растения поймы и дельты (осока, камыш, ива и др.) и морские растения (преимущественно водоросли) [6]. Преобладание определенных видов растений обуславливает преобладание тех или иных принципов номинации.

Необходимо обозначить, что в рамках данной статьи под регионализмами понимаются

слова и обороты речи, функционирующие на определенной территории и номинирующие значимые региональные реалии. В отличие от диалектизмов – единиц диалекта – регионализмы характеризуются более широкой сферой употребления, поскольку они используются многими жителями региона, а не отдельной, территориально ограниченной, группой [1].

Прежде чем перейти к анализу регионализмов, разясним, что понимается под принципами номинации. Вслед за Н. Д. Голевым под принципом номинации мы понимаем «тип мотивировочных признаков в плане их содержания, выделяемый в тематической группе слов и характеризующий отдельные стороны выражаемого этой группой класса предметов» [2]. Мотивировочный признак – один из признаков самой номинируемой реалии, который выделяется как наиболее значимый, способный охарактеризовать ее среди других [2]. Заметим, что принципы номинации выявляются в рамках отдельно взятой тематической группы, потому что их специфика обусловлена самими реалиями, которые номинируются в языке.

Заметим, что принципы номинации фитонимов имеют свою специфику. Так, по мнению С. С. Шумбасовой, принципы номинации растений разнообразны и многочисленны, что обусловлено «нерегламентированным» (несистемным) выбором мотивировочных признаков. Это, в свою очередь, связано с «богатством содержания обозначаемых реалий – видов флоры, многообразием и непостоянством их отношений с носителями языка» [10]. Следствием данной особенности является распространенность синонимии в названиях растений. Так, растение стрелолист имеет следующие варианты диалектных названий на территории Астраханского края: *бадлачик*, *батлан*, *болотник* [7].

Тем не менее, «форма растения является наиболее выделенной в систематике мотивационных признаков и, безусловно, превалирует над такими признаками, как цвет, размер, кон-

систенция» и др. [10]. С. С. Шумбасова также говорит о таких принципах номинации фитонимов, как по способу применения (особенно это касается лекарственных растений), по месту произрастания, по сходству (в частности, с реалиями животного мира) [10].

Многообразие принципов номинации растений, отмеченное выше, подтверждается анализируемым материалом. Нами выявлено 9 принципов (при небольшом общем количестве мотивированных номинаций); некоторые из них представлены одной-двумя единицами (по вкусу: *сладкий лимон*; по времени созревания: *зимний* 'ка). При этом принцип номинации по форме растения не представлен. По нашему мнению, это связано со спецификой самих растений, произрастающих на территории Астраханского края: принцип номинации по форме более характерен для номинаций цветов, деревьев и кустарников.

К числу наиболее актуальных принципов номинации фитонимов в Астраханском крае относятся следующие:

1. Принцип номинации по особенностям внешнего вида. При этом значимыми становятся такие признаки растения, как цвет и размер (всего растения или его части): *белотра* 'в, *бель*, *зеленка*, *сафья* 'нный *виноград*; *мелкий по дорожник*.

Отдельного рассмотрения заслуживает номинация *сафьянный виноград* «красный виноград с продолговатыми мясистыми ягодами». Лексема *сафьянный* имеет значение «сделанный из сафьяна, обитый, обтянутый сафьяном» [8]; *сафьян* же, в свою очередь, – «тонкая и мягкая козья или овечья кожа, специально выделанная и окрашенная в яркий цвет» [5. С. 697]. Слово *сафьянный* в рассматриваемом регионализме приобретает значение «цвета сафьяна, яркого цвета» (наблюдается метонимический перенос). Данный признак и становится мотивировочным.

2. Принцип номинации по месту произрастания: *астраха* 'нка, *астраха* 'нский *стручок*, *бугрово* 'й *арбуз*, *ильме* 'нный *арбуз*, *ка* 'спий и др. Заметим, что среди мотивировочных признаков отмечен такой как «произрастание на территории Астраханской области», что, казалось бы, не должно быть значимым для жителей Астраханского региона. Сема «принадлежность к Астраханскому краю» отмечена и у единиц других тематических групп, в частности, группы «Ветер» (*астраха* 'нец, *астраханский дождик*). На наш взгляд, это

можно объяснить стремлением подчеркнуть региональную специфику номинируемой реалии.

Региональная специфика также нашла отражение в номинации *каспий* 'растение и цветок сем. барбарисовых; лотос каспийский' [7]. В данном случае мы имеем дело с переходом имени существительного из разряда собственных в разряд нарицательных.

3. Принцип номинации по сходству с чем-либо: *бобо* 'к «косточка, сердцевина у косточковых плодов (слив, персиков и т. п.)» [9. С. 11], *кубы* 'шка «род (несъедобной) тыквы, имеющей форму кувшина» [7], *метелка* «соцветье камыша» [9. С. 38] и др. Как правило, растение или его часть сравнивается с другой природной реалией. Так, слово *метелка* имеет в литературном языке значения «1. То же, что метла ... 2. Бот. Соцветие некоторых растений, напоминающее формой метлу. *Метелка проса*. *Метелка овса*» [8]; второе значение образовано от первого путем метафорического переноса. При этом данная лексема литературного языка используется во втором значении, когда речь идет о злаковых культурах. В свою очередь значение «соцветье камыша» образовано путем сужения значения слова литературного языка.

Заметим, что принцип номинации по использованию растений в хозяйственной деятельности человека (прагматический принцип) не является для данной группы единиц актуальным (в отличие от таких тематических групп, как «Рыбы» и «Ветер»): по нему образовано лишь 3 номинации. Это можно объяснить незначительностью доли употребления растений на территории Астраханской области (в отличие от употребления рыбы, к примеру). Кроме того, среди анализируемых единиц практически отсутствуют названия лекарственных растений, которые, как правило, номинируются именно по принципу их функциональной значимости для человека.

Таким образом, принципы номинации фитонимов характеризуются разнообразием, однако можно говорить о преобладании отдельных принципов. Это, на наш взгляд, обусловлено спецификой номинируемых реалий (видовым составом растений, их внешними признаками и т. п.), а также степенью их актуальности для жизнедеятельности человека.

Для названий растений в Астраханском крае наиболее характерны принципы номинации по особенностям внешнего вида (преимуществен-

но по цвету) и по месту произрастания. Значимость данных факторов для номинации можно объяснить их специфичностью для разных видов растений; следовательно, они обеспечивают возможность различать номинируемые реалии.

Список литературы

1. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 2001. 488 с.
2. Голев, Н. Д. О принципах номинации и методе их исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z66.html>.
3. Ерофеева, Т. И. Диалектное слово в повседневной речи горожан г. Чусового Пермского края [Электронный ресурс]. URL: http://psychoscling.narod.ru/erTI_02.html.
4. Копылова, Э. В. Диалектная и профессиональная лексика семантического поля «Рыбный промысел». Астрахань, 2008. 93 [3] с.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2003. 944 с.
6. Пилипенко, В. Н. Флора и растительность // Природа, прошлое и современность Астраханского края. Астрахань, 2008. С. 77–110.
7. Словарь русских народных говоров : в 42 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>.
8. Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.html>.
9. Устная речь астраханцев: лексика, обороты речи, пословицы, тексты / авт.-сост. Л. А. Баташева, Э. В. Копылова. Астрахань, 2008. 99 [1] с.
10. Шумбасова, С. С. Английские флоронимы: способы номинации и классификации [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/angliyskie-floronimy-sposoby-nominatsii-i-klassifikatsii>.

НЕПРЯМАЯ – КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ – ПРЯМАЯ НОМИНАЦИЯ, ИЛИ ПУТЬ ЗАКРЕПЛЕНИЯ НОМИНАЦИИ ЗА РЕФЕРЕНТОМ В ТЕКСТЕ

Представлена когнитивная модель закрепления не прямой номинации за референтом в тексте, конечным звеном которой может стать смена функции номинации с не прямой на прямую. Данная модель является динамической, концептуальной и эвристической. Основным когнитивным механизмом, реализующим смену функции номинации, является текстовое дефокусирование, способствующее конвенционализации номинации.

Ключевые слова: функция номинации в тексте, модель конвенционализации номинации, текстовое дефокусирование.

Конструирование образа референта в тексте посредством неязыковых и языковых категорий завершается процессом оязыкования (означивания), в результате которого за образом референта закрепляется некоторая номинация – прямая и не прямая. Анализ текстового материала показал, что образ референта, актуализируемый при повторном или многократном использовании одной и той же не прямой номинации для его означивания, очень сильно меняется. В задачи исследования входит выявление особенностей трансформации образа референта, вызванных его многократным означиванием одной номинацией в тексте и разработка модели такой трансформации.

Методологические положения исследования. Динамический подход к изучению трансформаций образа референта в тексте позволяет установить особенности смены функций номинации с не прямой на прямую в ходе процесса множественной реноминации референта. В то время как переход от прямой к не прямой номинации получил достаточное освещение как в рамках традиционных лингвистических научных парадигм, так и в когнитивной парадигме в теориях взаимодействия концептуальных пространств, процесс дальнейшего развития не прямой номинации (в том числе последующая смена не прямой ее функции на прямую) к настоящему времени не получили системного описания (исключение составляют некоторые концепции развития метафорических единиц). Однако изучение обратной смены функции номинации с не прямой на прямую позволяет выстроить весь процесс конструирования текстового образа референта до его означивания в тексте (а в дальнейшем, возможно, и в языке) как **циклическую смену функций номинации в зависимости от коммуникативно-праг-**

матической ситуации ее использования и авторской интенции.

Среди наиболее значимых работ в этой области, исследующих динамику не прямых обозначений, назовем концепцию развития метафоры (**Career of metaphor approach**) Д. Гентнера, теорию интеграции примарных (базовых) метафор (**Integrated theory of primary metaphor**) Дж. Лакоффа и М. Тернера, теорию воплощения в деятельности (**Embodied action theory**) Р. Гиббса, теорию концептуальной интеграции и теорию блендов (**Conceptual Integration and Blended Theory** (применительно к единицам не прямой номинации в тексте) Ж. Фоконье, М. Тернера, Ш. Кулсон, теорию конволюции (**Convolution Theory**) П. Тагарта и Р. Стюарта, в которых развиваются когнитивно-семиотические идеи о метафоро-метонимическом континууме, высказанные еще Р. О. Якобсоном [2]. Основным вопросом, рассмотренным в данных концепциях, является вопрос конвенционализации (для обозначения этого феномена в современной лингвистической литературе чаще всего используется термин **entrenchment** [3 ; 4]) единиц не прямого обозначения образа референта.

Результаты исследования. Итак, конструирование единого текстового образа референта завершается закреплением некоторого языкового обозначения за данным образом в качестве постоянного, носящего устойчивый статус. Основным текстовым показателем такого обозначения является частая текстовая повторяемость номинации при означивании референта. При этом закрепленная за образом референта номинация может при первичном использовании в тексте быть как прямой, так и не прямой номинацией. Для нашего исследования особый интерес представляет именно второй случай.

Что происходит с образом референта, если в тексте он получает устойчивое наименование, выраженное непрямой номинацией? Как меняется в этом случае его концептуально-категориальная структура? Продолжаем ли мы ощущать данную непрямую номинацию в первом употреблении как непрямую при том, что она в результате многократной фиксации референта становится его основным текстовым обозначением?

На данные вопросы представляется возможным ответить, опираясь на высказанные выше положения о характере конструирования номинации в тексте как о динамичном процессе, связывающем с помощью концептуально-категоризационных проекций референт с его языковым обозначением. Такой подход подразумевает гибкость и неоднозначность (в смысле жесткого соответствия один референт – одно обозначение) при формировании связи между референтом и его текстовым обозначением. Интеграция образов референта в тексте происходит при постоянном выдвигании и задвигании тех или иных концептуальных элементов в его формирующейся категориальной структуре. Текстовая ситуация может сложиться таким образом, что какой-либо из элементов постоянно по ходу развертывания повествования поддерживается в центральном положении, то есть происходит его постоянная активизация. При этом номинация, которая активизирует этот элемент, может закрепиться за его единым текстовым образом. Поэтому в тексте нередки случаи, когда за единым текстовым образом референта закрепляется не прямая номинация, а именно непрякая номинация, которая лучше демонстрирует концептуально-категориальную структуру образа.

Проиллюстрируем данное положение.

В рассказе Ю. Яковлева «*Рыцарь Вася*» для означивания мальчика Васи семнадцать раз используется номинация *тюфяк* (мальчик был полного сложения). В результате номинация *тюфяк* применительно к образу Васи уже не воспринимается как непрякая, потому что элемент *полный* уже настолько закрепился в его текстовом образе, что воспринимается как центральный в его концептуально-категориальной структуре, тот, по которому происходит самая быстрая связь между референтом и его знаком.

Приведем примеры из текста.

Друзья называли его тюфяком (первое использование номинации *тюфяк* для означивания референта). <...> *Одним словом, тюфяк.*

<...> *На переменках обращались с ним, как с большим мячом* (дальнейшее закрепление элемента в структуре образа референта). <...> *Почему природа перепутала и вложила гордое сердце Дон Кихота в толстую, неуклюжую оболочку Санчо Панса?* (закрепление элемента) <...> *На уроках физкультуры он был предметом общих насмешек* (закрепление элемента) <...> *Тюфяк стоял у стенки и слушал, как все хвалят Димку Ковалева* (номинация *тюфяк* уже не используется в рематической части высказывания, а переходит в тему, что указывает на ее закрепленность за образом данного референта) [12. С. 11–12].

При этом при озаглавливании текста автор часто использует данную непрякую номинацию в метапозиции. Приведем примеры таких заголовков: «*Хмырь*» В. Шукшина (номинация используется в тексте шестнадцать раз), «*Новенькая*» Л. Пантелеева (номинация используется в тексте тридцать девять раз), «*Кот в сапогах*» В. Драгунского (номинация используется в тексте четыре раза), др.

Однако есть и другая возможность использования непрякой номинации в метапозиции для означивания единого текстового образа референта. Данная непрякая номинация в самом тексте может не быть использована, но актуализирует тот элемент, который является центральным в формируемом в тексте образе референта. Отметим, что по результатам эмпирического анализа текстового материала, такой вариант озаглавливания произведений более частотен, чем озаглавливание с помощью закрепленной за образом в тексте номинации. Примерами таких заголовков могут служить следующие: «*Стражи порядка*» и «*Борец за права*» Т. Крюковой, «*Фантазеры*» и «*Затейники*» Н. Носова, «*The Umbrella Man*» Р. Дала, др.

Возможен и третий вариант озаглавливания текста с использованием непрякой номинации, когда номинация при том, что она использовалась в тексте для означивания референта, не стала основной для его закрепления. Примерами такого использования непряких номинаций в метапозиции могут служить следующие: «*Залетный*» В. Шукшина (номинация использовалась один раз: *Его сразу, как принято, окрестили – Залетный* [11. С. 89]); «*The Great Switcheroo*» Р. Дала (номинация использовалась один раз: *Here's to the great switcheroo* [13. С. 379]), «*Неслышимка*» В. Бианки (номинация использовалась один раз: *А она мне включила слух на неизвестное и, казалось*

мне, немыслимое: на какую-то «неслышимку» [5. С. 427], «*Профессор кислых щей*» В. Драгунского (номинация использовалась три раза для означивания разных референтов), др.

Данные примеры демонстрируют различные варианты закрепления номинации (изначально являющейся непрямой) за текстовым образом референта и, соответственно, за самим референтом.

Особый интерес представляет изучение того, как непрякая номинация начинает выполнять в тексте функцию конвенционализации и далее функцию прямой номинации, то есть такой, которая является основной для фиксации текстового образа референта. Таким образом, модель конвенционализации непрякой номинации в тексте может быть представлена следующими составляющими операциями: актуализация непрякой номинации в тексте, повторное использование непрякой номинации для означивания того же референта, конвенционализация номинации (закрепление ее за образом референта), смена функции номинации с непрякой на прямую по отношению к данному референту в тексте.

Для конвенционального использования непрякой номинации характерно затушевывание фокуса (далее мы вслед за О. К. Ирисхановой используем термин дефокусирование как «понижение степени выделенности» [1. С. 78]), то есть закрепление данного фокуса в структуре текстового образа референта. Закрепленный фокус перестает выполнять функцию активного фокуса, он объединяется с другими элементами единого текстового образа референта по принципу семейного сходства. В таком случае данная непрякая номинация становится конвенциональной для означивания некоторого референта в тексте. То есть тот активный фокус, который изначально реализовывал номинацию как непрякую, перемещается в положение неактивного (при этом оставаясь центральным) в структуре текстового образа референта. Его положение в структуре образа референта можно сравнить с положением концептуальных элементов внутри семейных категорий. Например, применительно к референту – человеку иллюстрациями реализации семейных категорий будут категории возраста (малыш, ребенок), пола (мужчина), профессиональной принадлежности (врач, учительница), др. Текстовое дефокусирование переводит категорию неактивного фокуса в образе референта в разряд таких семейных категорий (что даже мо-

жет вызвать ее «отрыв» от референта первичного означивания).

Когнитивный механизм дефокусирования, таким образом, реализует закрепление непрякой номинации за образом некоторого референта, актуализируя переход от непрякой номинации к прямой в данном тексте.

Текстовое дефокусирование непрякой номинации мы понимаем как ослабление активности фокуса при сохранении его центрального положения в структуре образа референта, что имеет результатом последующую конвенционализацию пути конструирования данной номинации, «укорачивая» проекционную дистанцию между референтом и его номинацией.

Проиллюстрируем работу когнитивного механизма дефокусирования, который результирует текстовый процесс смены функции номинации с непрякой на прямую применительно к образу конкретного референта.

а. – *Я те пошалоу, са-алдати-ик!* – *ответил мордастый парень.* [8. С. 88]

б. – *Постой-ка,* – *продолжал мордастый.* (с. 89)

в. *Мордастый* *взвыл, завалился в снег.* (с. 89)

г. – *Ладно, убогий, иди!* – *милостиво разрешил мордастый.* (с. 91)

Первый пример реализует прямую номинацию с фокусным элементом в модифицирующем компоненте номинативного комплекса. Субстантивированный атрибутив в примере (б) уже выполняет функцию непрякой номинации, реализуя метафтонимическую модель расширения образа референта. Фокус данной номинации смешанный. С одной стороны, мы фиксируем перемещение периферийного элемента образа в центральное положение (метонимическая модель, идентифицирующий фокус). Но, помимо данной модели, номинация актуализирует и новый концептуальный элемент за счет сближения с иной концептуально-категориальной структурой *человек – животное* на основе актуализации в образе человека характеризующего фокуса *возм. увеличенных размеров, вызывающих отрицательные эмоции*. Двойной фокус хорошо заметен, если мы сравним структуру образа *мордастый* со структурой, напр.: *Ножки бежали по дорожке* (которая актуализирует только метонимическую модель трансформации образа референта, ребенка). В примерах (в) и (г) характеризующий фокус уже является более ослабленным, затушеванным. Мы мо-

жем наблюдать процесс конвенционализации не прямой номинации в тексте, сопровождающей смену функции номинации с не прямой на прямую по отношению к определенному референту.

Установлено, что в тексте при повторном или множественном использовании не прямой номинации для означивания одного референта, функция номинации постепенно меняется с не прямой на конвенциональную и далее на прямую. Метапозиция номинации может служить маркирующим средством конвенционализации номинации при условии множественного использования номинации в тексте. Операцию закрепления номинации за образом конкретного референта реализует механизм текстового дефокусирования.

Список литературы

1. Ирисханова, О. К. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах // Когнитивные исследования языка : сб. науч. тр. Вып. VII. Типы категорий в языке. М. ; Тамбов, 2010. С. 78–93.
 2. Якобсон, Р. О. Избранные работы. М., 1985. 458 с.
 3. Langacker, R. W. A usage-based model // Topics in cognitive linguistics. Amsterdam, 1988. P. 127–161.
 4. Schmid, H.-J. Entrenchment, salience, and basic levels // The Oxford Handbook of cognitive linguistics / ed. D. Geeraerts, H. Guyckens. Oxford University Press, 2007. P. 117–138.
- #### Источники примеров
5. Бианки, В. Повести и рассказы. Л., 1956. 462 с.
 6. Драгунский, В. Денискины рассказы. М., 2007. 128 с.
 7. Крюкова, Т. Потапов, двойка! М., 2013. 250 с.
 8. Лиханов, А. Чистые камушки : повести, роман. Кишинев, 1990. 798 с.
 9. Носов, Н. Фантазеры. Рассказы. М., 2006. 320 с.
 10. Пантелеев, Л. Повести и рассказы. М., 1969. 528 с.
 11. Шукшин, В. Крепкий мужик. Рассказы. М., 2009. 529 с.
 12. Яковлев, Ю. Рыцарь Вася. М., 1987. 288 с.
 13. Dahl, R. The collected short stories. Penguin Books, 1994. 764 p.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОРМЫ В КОРПОРАТИВНОМ ПОДЪЯЗЫКЕ АВТОМОБИЛЬНОГО СПОРТА

Рассматривается формирование лексических норм в корпоративном подъязыке автоспортивной сферы в период с 90-х гг. XX в. до настоящего времени. Результаты работы подтверждают выдвигаемую нами гипотезу о продолжающемся процессе становления данного пласта лексики.

Ключевые слова: лексическая норма, автомобильный спорт, корпоративный подъязык.

Будучи социальным, тесно связанным со сферами жизни общества, спорт формирует специфические стороны коммуникативной деятельности человека, в частности, особенности языка, речи и дискурса. Болельщик обогащает свою речь профессионализмами, функционирующими в спортивной профессиональной лексике, и начинает применять их повседневной жизни. Спорт активно контактирует со всеми областями современного общества: он находится в тесной взаимосвязи с политикой, экономикой, здравоохранением, а также образованием, оказывая на эти сферы определенное влияние. Язык спорта имеет множество характерных признаков, в частности, особую эмоциональную составляющую дискурса, наличие специфической терминологии и сленговых единиц, своеобразные нормы сочетаемости и так далее. Так, футбольные и хоккейные болельщики обогатили нашу речь профессионализмом **тайм-аут**, который используется в случае, если говорящий хочет приостановить какое-либо действие, совершаемое другими. В этом плане рассматриваемый нами подъязык осознается как коммуникативный код специфического круга общения автомобилистов и людей, интересующихся этой сферой. По мнению Т. И. Ерофеевой, в состав любого корпоративного подъязыка входят профессионализмы, профессиональные жаргонизмы и термины [3. С. 3], что, разумеется, характерно и для корпоративного подъязыка автоспорта, куда также входят профессионализмы, автомобильно-технические жаргонизмы и автомобильные, общеспортивные и технические термины.

Актуальность темы нашего исследования определяется активным развитием корпоративного подъязыка автоспортивной сферы, что обусловлено расширением состава автолюбителей, интересующихся событиями, связанными с автоспортом.

Целью данного исследования является фиксирование особенностей установления лек-

сической нормы в корпоративном подъязыке автоспортивной сферы на примере отдельных лексических единиц. Эта цель требует выполнения следующих задач: выявление базовых принципов, связанных с включением профессионализмов в состав автоспортивного подъязыка; определение влияния автоспортивных профессионализмов на другие сферы общения; отслеживание процесса формирования семантики технических терминов **антикрыло** и **спойлер** за пределами подъязыка автоспорта в качестве частных примеров.

С научной точки зрения вопрос состояния лексики профессиональных сфер широко представлен в лингвистических работах Л. А. Шкатовой, Е. В. Харченко, А. А. Елистратова, Я. Л. Березовской и др., послуживших теоретико-методологической базой данного исследования.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно может способствовать дальнейшему развитию в изучении вопросов лексической нормы корпоративного автоспортивного подъязыка.

Практическая значимость определяется тем, что в ходе работы по сбору и обработке материалов по автоспортивному профессиональному жаргону и терминологии сформирована база данных, которая может послужить источником для дальнейших научных описаний спортивного дискурса и стать основой прикладных справочников по корпоративному автоспортивному подъязыку.

Материалами исследования послужили тексты печатных изданий «Известия», «Формула», «Автопилот», «За рулем», «Итоги», электронного форума «Автогонки-1», а также расшифровка русскоязычных комментариев трансляций гонок «Формула-1».

Итак, в последнее время вопросы функционирования слов корпоративного подъязыка в российской социолексике становятся все более актуальными, так как происходит процесс их

закрепления в языке, стандартизация и кодификация. Весьма показательно это явление проявляется в сфере формирующегося спортивного автомобильно-технического дискурса. В настоящем исследовании мы рассматриваем дискурс с точки зрения социолингвистики и определяем его как общение в рамках определенной коммуникативной сферы [11. С. 26–27], при этом мы не проводим разграничение между автомобильным и автоспортивным дискурсом, так как лексика автомобильной сферы, наравне с технической терминологией, является своеобразным базисом корпоративного автоспортивного подъязыка.

Большое количество автоспортивных профессионализмов существует в устной форме, и лишь часть из них отражена в текстах телекомментаторов, статьях журналистов и обозревателей. Поэтому большинство лексических единиц еще не является кодифицированными.

Как показали наши изыскания, одними из ведущих способов образования единиц автоспортивного корпоративного подъязыка являются метонимизация и метафоризация. Так, посредством метонимии (а именно, по отношению *материал – изделие*) образована лексема **резина**, соотносящаяся со вторым значением слова **покрышка** (по словарю С. И. Ожегова) – «чехол из толстой резины, надеваемый на камеру велосипеда, автомобиля...» [9. С. 551].

Значительная часть единиц корпоративного подъязыка автоспорта образована путем метафоризации. Их можно разделить на четыре группы.

Первая группа лексических единиц создана посредством перенесения названия на основе выполняемой функции обозначаемого им предмета. Лексема **весло** в значении «ручка стеклоподъемника» образована по сходству с действием, выполняемым при управлении весельной лодкой. Словосочетание **гравийная ловушка** обозначает «участок, который находится за пределами трассы и служит для гашения скорости болида при вылете с трассы» [6. С. 3]. Второй компонент этого словосочетания – **ловушка** – означает (по словарю С. И. Ожегова) «приспособление для поимки, захвата, ловли кого- или чего-нибудь» [9. С. 331]. Словосочетание **захлопнуть калитку** в значении «заблокировать позади идущий автомобиль» (определение наше, ср.: «плавного смещения обороняющегося в сторону будет достаточно, чтобы “захлопнуть калитку”» [10]) обязано своим появлением прямому смыслу: «прекращение дви-

жения» после указанного действия с калиткой. Словом **кулиса** именуется «рычаг переключения передач, расположенный на рулевой колонке». Здесь метафоризировано значение слова **кулиса** (по словарю С. И. Ожегова) «плоская часть театральной декорации в боковой части сцены» [9. С. 313], поскольку рычаг совершает аналогичное возвратно-поступательное перемещение. Лексема **лапти**, именуемая «широкие покрышки автомобиля», произошла от (по словарю С. И. Ожегова) названия «крестьянской обуви, сплетенной из лыка и охватывающей только стопу» [9. С. 319]. Причиной образования данного слова является другой метафорический перенос лексемы **обувь** в значении «колеса автомобиля» по признаку съемного предмета, соприкасающегося с поверхностью земли. Лексема **мозги** в разговорной речи заменяет термин «электронный блок управления» и образована от второго значения (по словарю С. И. Ожегова) общеупотребительного слова **мозг** – «основное ядро, руководящий центр чего-либо» [9. С. 362]. Профессионализм **якорь** обозначает «ручной тормоз» и образован на основе сопоставлений функции (по словарю С. И. Ожегова) (**якорь** – «металлический стержень, опускаемый на дно для удержания на месте судна, бакена, плавучего маяка») [9. С. 918]. Выражение **мобильные шиканы** применяется по отношению к медленным машинам на трассе, которые ограничивают скорость более быстрых, обгоняющих их на круг, и образовано от термина **шикана**, означающего «последовательность тесных извивающихся поворотов (обычно в форме буквы S) на дороге, используемая в автогонках и на городских улицах для намеренного замедления автомобилей» [13].

Вторая группа лексических единиц образована по сходству формы между обозначаемыми ими денотатами в автоспортивной сфере и теми предметами, которые данные лексемы выражают в основном значении. Так образованы лексемы **банка** в значении «глушитель спортивного типа» (здесь и далее – определения из словаря автомобильного жаргона <http://www.autojargon.ru/> [12]), **губа** в значении «передний спойлер», **леденец** в значении «указатель готовности машины во время обслуживания», **лепестки** в значении «рычаги управления габаритными огнями на рулевой колонке», **палка** в значении «рычаг коробки передач», **штаны** в значении «выпускной коллектор выхлопной системы» и другие. Вертикальный

аэродинамический элемент **канделябр** назван по внешнему сходству с подсвечником.

Путем переноса по внешнему и функциональному сходству образована лексема **ноздря** (варианты **сопатка**, **поддувало**) в значении «воздухозаборник турбины двигателя».

Четвертая группа лексических единиц нашей сферы образована путем переноса значения по сходству, в зависимости от места положения. Так были образованы слова **лыжи** в значении «конструкция багажника на крыше автомобиля». Лексемами **рога** и **уши** автолюбители и спортсмены именуют зеркала заднего вида, но каждое из названий употребляется в зависимости от расположения. Так, зеркала, установленные на стойках двери, вызывают ассоциацию с ушами человека, а закрепленные на капоте напоминают рога животного.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что метафоризация является ведущим способом образования жаргонных профессиональных слов.

Помимо собственно русских профессиональных жаргонизмов, в состав корпоративного подъязыка также входят заимствованные слова. В работе «Особенности функционирования автогоночных терминов-англицизмов в сфере спортивных СМИ» [5. С. 247] мы уже отмечали причину ведущей роли терминов-англицизмов как в интернациональном автоспортивном сообществе, так и в российском. Как было отмечено, значительная часть слов-варваризмов данной области уже имеет устоявшиеся эквиваленты, взятые из русского языка. Примером могут послужить слова-дублиеты **мотор** и **двигатель** (закрывающие в себе значение «машина, преобразующая какой-либо вид энергии в механическую работу») [9. С. 153], чья функциональная равнозначность не вызывает сомнений. В то же время в изучаемом подъязыке сосуществуют термины, относящиеся к одной родовой категории, но выражающие разные ее виды, и говорить о равноценности данных единиц не представляется возможным. Так, на современном этапе внутри родовой категории *аэродинамические элементы* отмечены видовые термины **антикрыло** и **спойлер**, каждое из которых формирует свои семантические «пристрастия».

Оба наименования в английском языке (**wing** и **spoiler**) именовали ранее аэродинамические части, которые изначально применялись в авиационной промышленности. С развитием автоспортивной сферы аэродинамика

стала играть значительную роль в улучшении скоростных качеств гоночных автомобилей. Поэтому многие идеи, реализованные в конструкции самолетов, начали применяться для повышения скорости машин.

Определим объем содержания рассматриваемых терминов. **Антикрылом** именуют все аэродинамические приспособления, крепящиеся к корпусу на двух (реже одном) прямых вертикальных кронштейнах, которые применяются для прижимания автомобиля к дорожному полотну при контакте со встречными потоками воздуха. Неологизм **антикрыло** образован морфологическим способом и состоит из двух смысловых частей – латинской приставка **анти-** в значении «против» и слова **крыло**. Таким образом, как следует из названия, антикрыло выполняет функцию, противоположную функции крыла, которое, наоборот, служит для создания силы, отрывающей машину от земли. Этот термин является собственно русским и образован путем частичного калькирования, поскольку в английском языке для номинации данного понятия используется лексема **wing** «крыло» или **automotive wing** «автомобильное крыло». Таким образом, в британо-американской практике для обозначения означенного аэродинамического приспособления не отражается его специфика.

Говоря же о слове **спойлер**, отметим, что оно является английским заимствованием, так как происходит от глагола **to spoil** – «отравлять», «портить». Приспособление, как следует из названия, служит для изменения направления воздушного потока. В сфере автоспорта понятие **спойлер** точно определяется как «плоскость, закрепляющаяся передним концом к крыше или багажнику гоночного автомобиля и находящаяся под углом по направлению к потоку воздуха, предназначенная для создания разряжения воздуха позади корпуса» [1]. В гражданском автомобилестроении спойлер стал декоративным элементом, практически не влияющим на скорость машины. Форма спойлеров может быть дугообразной или в виде козырька, расположенного спереди, по бокам (так называемые «юбки») или в задней части машины. В автолюбительской же среде понятие спойлер остается по-прежнему размытым.

Несмотря на очевидную разницу между **антикрылом** и **спойлером** в повседневной речи автолюбителей, а также в языке специализирующихся в сфере автопрома и автоспорта СМИ

нередко наблюдается путаница и подмена терминов. Например, в словаре автомобильного жаргона термином **спойлер** именуется «накладка на кузов, улучшающая его аэродинамические свойства или внешний вид» [12]. Такое же словоупотребление характерно и для лингвистической литературы. В частности, в словаре В. М. Тришина данные термины указаны как синонимы. Попробуем выявить причину данной ошибки.

В начале 90-х гг. XX в. лексема **спойлер** получила свое распространение в речи, и с ее помощью начали именовать все аэродинамические элементы, находящиеся в передней и задней части гоночного автомобиля. Лексема **антикрыло** также появляется в языке в этот период, но еще не входит в активный запас. Так, Алексей Бурков во время комментирования аварии на Гран-при Формулы-1 в 1993 г. в Бразилии произносит: «...отлетают **спойлеры** задние и передние, ну все там, антикрылья... В общем, разлетелось все...». Слово **спойлер** упоминается автором реплики вначале именно потому, что эта лексема более употребительна носителями языка, нежели **антикрыло**, о котором и идет речь в данном примере.

Далее, в связи с появлением регулярных трансляций гран-при Формулы-1, лексема **антикрыло** становится все более популярной, и в период с 1996 по 2003 г. происходит процесс выравнивания их использования – **антикрыло** все чаще начинают употреблять правильно, например: «На выходе из скоростного поворота “Тамбурелло” у *Simtek* Роланда отвалилось **антикрыло**, потерявшая управление машина на скорости 314 км/ч вылетела с трассы и ударилась об отбойник в выраже “Вильнев”» [6], или «В моде тюнинг – исправление дизайна: можно поставить на Волгу **антикрыло** или сделать автомобиль узкоглазым, как Тойота» [8], или «Англичанин проводил блестящую гонку и к пятому кругу успел пробиться на третье место, но затем дважды ошибся на третьем секторе, на входе в “Автобусную остановку” сломал переднее **антикрыло**, заехал в боксы, вернулся на трассу последним и на девятом круге окончательно вылетел с трассы и уткнулся в отбойник в “Риваж”» [7]. Но начиная с этого периода и до настоящего момента **антикрылом** носители языка ошибочно начинают именовать **спойлеры**, например: «Дизайнерам показалось достаточным сделать несколько небольших выштамповок на кузовных пане-

лях и практически незаметное **антикрыло** на багажнике – вот, по их мнению, идеальный спортивный автомобиль» [4].

Итак, мы увидели, что обе лексемы уже вошли в язык автомобильной и автоспортивной журналистики, но в нормативных толковых словарях либо еще не регистрируются как профессионализмы, либо фиксируются, но значения их не дифференцируют [14].

Таким образом, в числе злободневных проблем формирования лексической нормы в автоспортивном подъязыке можно выделить наличие значительного числа слов, использование которых коммуникантами происходит без учета предметной и понятийной точности. Многие лексемы еще входят в состав обиходного языка и нуждаются в кодификации – закреплении не только в справочниках специальных сфер, но и толковых словарях общелитературного русского языка.

Список литературы

1. Автомобили // Интернет-портал для автолюбителей [Электронный ресурс]. URL: http://cars2day.ru/a/spoiler_avtomobil_-_avtosport.
2. Елистратов, А. А. К проблеме стилистической стратификации спортивной лексики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2010. № 1 (5) : в 2 ч. Ч. 1. С. 122–127.
3. Ерофеева, Т. И. Социолингвистическая информация в словарях городской речи [Электронный ресурс] // Филологические заметки. 2008. URL: <http://www.philologicalstudies.org/dokumenti/2008/vol2/2/6.pdf>.
4. Качурин, Н. С рулем и ветрилами // Автопилот. 2002. 15 мая.
5. Кобыскан, А. С. Особенности функционирования автогоночных терминов-англицизмов в сфере спортивных СМИ // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства : сб. ст. Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 35-летию кафедры современного русского языкознания БашГУ и 30-летию памяти И. П. Распопова, 23–24 марта 2012 г. / отв. Ред. В. Р. Тимирханов. Т. I. Уфа, 2012. С. 246–251.
6. Маккавеев, В. Забытая трагедия // Формула. 2001. 15 мая.
7. Маккавеев, В. Ф-3000: порядок бьет класс // Формула. 2001. 15 окт.
8. Мотор-шоу-96: выставка без сенсаций // Итоги. 1996. 3 сент.

9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов Н. Ю. Шведова. М., 2008. 944 с.
10. Презентация Гран-при Лондона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.livejournal.ru/sport/themes/id/199>.
11. Серио, П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. М., 1999. 416 с.
12. Словарь автомобильного жаргона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.autojargon.ru>.
13. Терминология f1 [Электронный ресурс] // Словарь терминов Формулы-1. URL: http://www.f1magazin.ru/termins_f1.
14. Тришин, В. Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trishin.ru>.
15. Харченко, Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003. 336 с.
16. Шкатова, Л. А. Прагмалингвистический аспект корпоративной культуры // Изменяющийся языковой мир : тез. докл. Междунар. науч. конф., 12–17 ноября 2001 г. Пермь, 2001. С. 127–128.

АББРЕВИАТУРЫ КАК КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА (на примере концепта «права человека»)

Рассматриваются аббревиатуры как контекстуальные маркеры репрезентации концепта «права человека» в правовом дискурсе. Анализируется роль контекста в формировании семантики аббревиатур, объективирующих концепт «права человека».

Ключевые слова: аббревиатуры, концепт права человека, контекст, правовой дискурс, правовой текст, семантика.

Ut lingua nuncupasset, ita jus esto¹

Знание широкоупотребительных правовых терминов является необходимым условием адекватного понимания правовых материалов, а также активного овладения данным лексическим материалом.

Как не раз отмечалось, развитие любого языка прямо зависит от внеязыковой действительности, к которой относится социально-культурная история народа, своеобразие его менталитета, образа жизни, видение мира.

Зачастую эта действительность носит стихийный характер – ее причины и действия сложно предугадать. Потрясения и трагедии изменяют сознание и мышление человека, что находит отражение в языке. Таким образом, язык находится в постоянном движении, он также приобретает некую стихийность, создавая новые конструкции и определяя частоту употребления существующих языковых единиц, в том числе и аббревиатур.

Под влиянием экстралингвистических факторов расширяется правовой вокабуляр, и, следовательно, пространство правового дискурса. Однажды использованная кем-либо знаменитым аббревиатура становится широкоупотребительной. Например, *TINA (There is no alternative)* – нет альтернативы (автором данного высказывания является М. Тэтчер).

Американское диалектологическое общество, регистрирующее новые слова и выражения, входящие в словарь американского английского, признало словом 2001 г. комбинацию цифр *9-11*, обозначающих дату нападения террористов на Нью-Йорк и Вашингтон. Интересен тот факт, что данная комбинация цифр уже давно существует в языке и известна, в частности, в Америке – *911* (служба спасения). Таким образом, социальный контекст влияет на семантику и

функционирование аббревиатур в правовом дискурсе.

Вне контекста аббревиатура не всегда понятна и не всегда ее можно расшифровать, а следовательно, не ясен концепт, который данная аббревиатура репрезентирует. Например, аббревиатура *CL (civil law)* – «гражданское право», *CL (common law)* – «общее право», *CL (credit line)* – «кредитная линия».

Поэтому в данной статье рассматриваются аббревиатуры в контексте как маркеры концептов правового дискурса. Аббревиатуры обладают особенностями графической репрезентации, а также являются единицами вторичной номинации с осложненной семантикой. Значение аббревиатуры выводится из семантики входящих в нее компонентов. Например, омонимичная аббревиатура *S.L. (Sergeant-at-Law)* обозначает адвоката высшей категории, а аббревиатура *S.L. (Session Laws)* – совокупность законов, принятых сессией законодательного собрания США.

«Одним из важнейших тезисов, осмысленных в рамках когнитивной лингвистики, состоит в том, что именно концепт определяет семантику языковых средств, использованных для его выражения². В нашем случае набор языковых единиц, которые образуют аббревиатуру.

В работе дается анализ аббревиатур в контексте на примере аббревиатур, вербализирующих концепт *права человека*, поскольку это один из значимых концептов правового дискурса. Концепт *права человека* регулярно репрезентируется аббревиатурами правового дискурса. Например, *T. (testament)* – «завещание», *LOS (Law of the Sea)* – «морское право», *PE (permissible error)* – «допустимая ошибка», *C.P. (Court of Probate)* – «судебная инстанция по делам наследования», *GSP (General System*

of Preferences) – общая система преимущественных прав.

«Права человека» – это некое представление о фрагменте мира, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной форме сочетаний соответствующих языковых единиц, а именно аббревиатур – репрезентантов концепта.

Концепт «права человека» с когнитивной точки зрения предполагает исследование его ментальных структур, к которым относятся стереотипные и стандартные представления о мире права, отличающиеся структурной и образно-эмоциональной устойчивостью.

«Когнитивный подход делает акцент на особой роли человеческого фактора в познавательном и речемыслительном процессах и, следовательно, не только на коллективном, но и на индивидуальном знании отдельных говорящих, их повседневном опыте осознанного и неосознанного познания окружающего мира, на его роли при формировании смысла высказывания и значений отдельных языковых единиц, а также на формах мыслительной и языковой репрезентации этих знаний в их взаимодействии»³.

В связи с этим основной категорией в данном случае является лингвистическое понимание, существующее в форме грамматической, стилистической и типологической интерпретаций. Эти виды интерпретации выявляют искусство владения правилами синтаксиса и словарными значениями отдельных аббревиатур, содержащихся в правовом тексте.

Языковые факты переводятся в плоскость правовых, а метаинформационный уровень текста воспринимается как изначальный. Таким образом, правовые документы реализуют частные или общие интересы через язык права.

Семантический анализ текстов правовых документов показал, что вербальными формулами трактовки сущностей права служит набор понятий, выраженный разными языковыми единицами, в том числе и аббревиатурами.

Для определения корпуса правовых аббревиатур, в чье число также входят аббревиатуры, репрезентирующие концепт *права человека*, привлекались лексикографические и словарные источники, исторические и политические документы, тексты художественной литературы, учебные издания, тексты СМИ, электронные ресурсы на русском и английском

языках, а также были использованы материалы, включающие юридические понятия систем англо-американского права Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии и Канады.

В результате сплошной выборки было выявлено около 7000 аббревиатур, которые были объединены в 12 тематических групп по семантико-прагматическому принципу:

1) аббревиатуры, входящие в состав или давшие названия известным политическим процессам, юридическим документам и правовым понятиям. Например, *p.d. (public document)* – «публично-правовой документ», *pres (presumption)* – «презумпция»;

2) аббревиатуры, давшие названия законодательным актам. Например, *CRA (Community Reinvestment Act)* – «закон о коммунальных реинвестициях»; *ERISA (Employee Retirement Income Security Act)* – «закон о пенсионном обеспечении (США)»;

3) аббревиатуры, давшие названия событиям государственной важности. Например: *PEP (Public Employment Program)* программа обеспечения занятости населения»; *UR (Uruguay Round)* – «Уругвайский раунд» (многосторонние торговые переговоры в рамках ГААТ);

4) аббревиатуры – названия государственных праздников. Например: *D-Day (Decimal Day)* – «День Д или десятичный день», 15 февраля 1971 г. – день введения в Великобритании десятичной денежной системы;

5) аббревиатуры — имена собственные известных государственных и политических деятелей, разведчиков, агентов спецслужб, преступников, участников юридического дискурса. Например: *FDR (Franklin Delano Roosevelt)* – «Франклин Делано Рузвельт, 32-й президент США 1933–45 гг.»;

DDE (Dwight David Eisenhower) – «Дуайт Дэвид Эйзенхауэр, 34-й президент США 1953–1961 гг.»; *JFK (John Fitzgerald Kennedy)* – «Джон Фитцджеральд Кеннеди, 35-й президент США»;

6) аббревиатуры, репрезентирующие союзы, объединения, центры, комитеты, юридические учреждения. Например: *IPA (International Intellectual Property Alliance)* – «Международный союз защиты интеллектуальной собственности»; *JUNIC (Joint United Nations Information Committee)* – «Объединенный информационный комитет Организации Объединенных Наций»;

7) политические партии, движения. Например: *DPL (Democratic Party of Labour)* – «Де-

мократическая лейбористская партия»; *LDP* (*Liberal Democratic Party*) – «Либерально-демократическая партия»;

8) государственные должности. Например: *JA* (*Justice of Appeal*) – «судья апелляционного суда»; *QC* (*Queen's Counsel*) – «королевский адвокат» (назначается правительством Великобритании);

9) знаменитые судебные процессы. Например: *Salk.* (*Sulkeld's King's Bench reports*) – «Сборник решений Суда королевской скамьи, составитель Солкелд» (1689–1712 гг., Англия); *S.&C.* (*Sounders and Cole's Bail Court Reports*) – «Сборник судебных решений, составители Сондерс и Коул» (1846–1848 гг., Англия); *S.&G.* (*Smale and Giffard's Chancery Reports*) – «сборник решений канцелярского суда, составители Смейл и Гриффард» (1852–1857 гг. Англия); *S&M* (*Shaw and Maclean's House of Lords Cases*) – «Сборник судебных решений палаты лордов, составители Шоу и Маклин» (1835–1838 гг., Англия); *S&Sm* (*Searle and Smith's Probate and Divorce Reports*) – «Сборник решений по делам о завещаниях и разводах, составители Сирл и Смит» (1859–1860 гг., Англия); *S&T* (*Swabey and Tristram's Probate and Divorce reports*) – «Сборник решений по делам о завещаниях и разводах, составитель Суэйби и Тристрам» (1858–1865 гг., Англия);

Saund. (*Sounder's King's Bench Reports*) – «Сборник решений Суда королевской скамьи, составитель Сондерс» (1666–1673 гг., Англия); *Saund&C* (*Sounders and Cole's Bail Court Reports*) – «Сборник судебных решений, составитель Сондерс и Коул» (1846–1848 гг., Англия); *Sav.* (*Savile's Common Pleas reports*) – «сборник решений суда общих тяжб, составитель Сэвил» (1580–1594 гг., Англия);

10) административно-территориальные единицы. Например: *L* (*London*) – «Лондон»; *N. Eng.* (*Northern England*) – «Северная Англия»;

11) разведывательные, оперативные, следственные операции. Например: *PROCDR* (*procedure*) – «процедура, порядок действий»; *UCLAF* (*Unit on Coordination of Fraud Prevention*) – «подразделение по борьбе с мошенничеством»;

12) названия министерств. *DOJ* (*Department of Justice*) – Министерство юстиции; *DOD* (*Department of Defense*) – Министерство обороны.

На основе разработанной классификации были определены следующие разряды аббревиатур, которые имеют правовую маркирован-

ность и составляют ономастическое пространство правового дискурса:

1) аббревиатуры-антропонимы. Например:

а) личные имена, входящие в состав некоторых юридических понятий. Например: *GLB ACT* (*Gramm-Leach-Bliley Act*) – Закон Грэмма-Лича-Блайли;

б) прозвища. Например: *Lady D* – «Принцесса Диана»;

2) аббревиатуры-топонимы. Например, названия графств:

Bucks (*Buckinghamshire*) – «Бакингемшир»; *Cambs* (*Cambridgeshire*) – «Кембриджшир»; *Carm* (*Carmarthenshire*) – «Кармартеншир»; *Carn* (*Carnarvonshire*) – «Карнарвоншир»; *Ches* (*Cheshire*) – «Чешир»; *Corn* (*Cornwall*) – «Корнуэлл»; *Cumb* (*Cumberland*) – «Камберленд»; *Den* (*Denbigshire*) – «Денбишир»; *Devon* (*Devonshire*) – «Девоншир»; *Flints* (*Flintshire*) – «Флитшир»; *Norf* (*Norfolk*) – «Норфолк»; *Notts* (*Nottinghamshire*) – «Ноттингемшир»; *Oxon* (*Oxfordshire*) – «Оксфордиш»; *Warf* (*Warwickshire*) – «Уорикшир».

3) аббревиатуры-эргонимы:

– Названия советов, объединений, организаций, учреждений, союзов, комитетов, ассоциаций, фондов и т. п.

Например: *T.U.C.C.* (*Transport Users' Consultative Committee*) – «Консультативный комитет пользователей общественного транспорта»; *UNFPA* (*United Nations Fund for Population Activities*) – «Фонд ООН для деятельности в области народонаселения».

– Названия политических партий.

Особенность этой группы состоит в том, что названия политических партий в основном употребляются в форме аббревиатур. Например: *CP* (*Conservative Party*) – «Консервативная партия»; *DP* (*Democratic Party*) – «Демократическая партия»; *NDP* (*National and Democratic Party*) – «Национал-демократическая партия».

– Названия министерств.

Например: *B. of T.* (*Board of Trade*) – «Министерство торговли»; *CID* (*Criminal Investigation Department*) – «Министерство криминального расследования»; *CSD* (*Civil Service Department*) – «Министерство по делам государственной службы»; *D.A.S.* (*Department of Agriculture, Scotland*) – «Министерство сельского хозяйства Шотландии»; *DE* (*Department of Employment*) – «Министерство по вопросам занятости»; *DE* (*Department of the Environment*) – «Министерство по проблемам окружающей среды»; *D.En.* (*Department of Energy*) – «Министерство энер-

гетики»; *DFE (Department of Education)* – «Министерство образования».

Семантический объем аббревиатур определяется не только ее словарным толкованием, но и контекстуальной реализацией.

Интерпретация аббревиатур в текстах права понимается в работе как интерпретация психологическая, историческая и филологическая. Именно поэтому в процесс интерпретации включается, главным образом, исследование лексико-семантических особенностей аббревиатур правового дискурса.

В нашем понимании контекст – это фрагмент текста, включающий избранную для анализа аббревиатуру и достаточный для определения значения этой единицы в данном контексте. Иногда достаточно одного предложения для правильного понимания смысла той или иной аббревиатуры, но иногда надо учитывать более обширный фрагмент текста или даже весь текст.

Одним из важнейших видов контекстов является ситуационный контекст, то есть реальный словесный контекст. На лексическом уровне это типичное и постоянное окружение, именуемое коллокацией.

Контекст создает возможность снять омонимичность и понять значение аббревиатуры (ее расшифровку) в конкретном языковом окружении.

Мы полностью согласны с мыслью Г. В. Колшанского, что «компенсирующим противовесом языковой многозначности и выступает как раз контекст как существенная характеристика языка, его природное и изначально данное качество, призванное постоянно поддерживать точный баланс многозначности и однозначности через контекстуальные условия, сопровождающие в качестве обязательно элемента коммуникации любой акт общения»⁴.

Так, например, статья «**Out of All Proportion**» из британской газеты *The Independent*: «*The general theory of **proportional representation** is simple and appealing: each political party receives a number of seats in the legislature in proportion to the number votes cast in its favour. In that way, so the argument runs, Parliament would accurately reflect public opinion. That is the theory, but what about the practice?*»

Let us take the result of the 1987 General elections. The Conservatives took 42 per cent of the vote, Labor 31 per cent and the now-defunct 'Alliance' 23 per cent. If seats had been distributed

*under a **PR system**, neither the Conservatives nor Labor would have been able to form a government on their own.*

*... People who support **PR** think that it would be fairer, but in practice it gives totally disproportionate power to minority groups*

*Closer to home, take the Irish Republic, which under **PR** held elections in 1981, 1982 (twice), 1987 and 1989. ... The result, after weeks of horse-trading was a coalition with the **Progressive Democrats***

*... One of the strongest, most enduring and attractive aspects of our democratic system is the relationship between **MPs** and their own constituency. **MPs** at weekends go back to their roots, to those people who gave them authority to be **MPs**.*

*Under some versions of **PR**, **MPs** would not represent any area in particular. The nearest thing that **PR** could come to fulfilling this requirement would be by having huge-member constituency – of a whole country or more. The link of the mutual dependence and responsibility that currently exists between **MPs** and their constituents is central.* – В статье говорится о выборах в парламент и их результатах⁵.

Аббревиатура *PR* многозначна. В данном контексте актуализируется только одно значение (*proportional representation*) – «система пропорционального представительства», а не, например, *PR (Public Relations)* – «связи с общественностью». В данном случае разрешающий контекст снимает проблему многозначности аббревиатур, то есть решает проблему омонимичности. Аббревиатура *MP*, по нашим подсчетам, имеет одиннадцать значений, а в анализируемом контексте актуализируется только одно значение (*Member of Parliament*) – «член парламента», поскольку основная идея текста – обсуждение выборов в парламент.

Таким образом, в данном случае вышесказанный пример доказывает высказывание Г. В. Колшанского, что «... именно контекст предназначен для снятия любой полисемии, другими словами, для утверждения того или иного действительного значения или смысла единицы»⁶.

Контекст взаимодействует со значениями языковых единиц как в период становления языка, так и в течение всего периода его исторического развития. Это объясняется тем, что по своему существу языковой знак несет в себе абстрактное содержание в силу отражательного характера человеческого познания, хотя и в большем диапазоне степеней этой абстрактно-

сти. Можно утверждать, что степень зависимости полисемантической языковой единицы от контекста в процессе выявления того или иного ее значения сильно варьируется в зависимости от функционирования и семантической насыщенности той или иной единицы как на протяжении всей истории развития значения слова, так и особенно на определенном историческом этапе⁷.

Вышеупомянутые особенности зарождения и функционирования аббревиатур, проиллюстрированы следующим примером: аббревиатура *DSS*, реализующая права человека, а именно право на социальную защиту. Около десяти лет назад Министерство здравоохранения и социального обеспечения Великобритании (*Department of Health and Social Security*, сокращавшееся как *DHSS*) было разделено на два независимых министерства: *Department of Health* – Министерство здравоохранения, попытка сократить которое не представило никаких трудностей, – *DoH* (это по-прежнему аббревиатура, а не акроним), и *Department of Social Security* – Министерство социального обеспечения, которое по идее должно было получить сокращение *DoSS* (вот это уже акроним). Но в последний момент правящие круги спохватились, и, представив заголовки с сокращением *DOSS*, заменили его на менее благозвучное, но зато нейтральное *DSS*. Дело в том, что *Doss* – это сленговое слово, означающее койку в приюте для бездомных⁸.

За счет контекстуальных аббревиатур в тексте создаются коннотативные оттенки значения аббревиатуры, на основе которых могут развиваться производные значения. Контекст создает коннотацию. Например, инициальная аббревиатура *ИНН* (*идентификационный налоговый номер*), в другом контексте приобретает значение *ИНН* (*Им Нужны Налоги*), аналогично *НДС* (*налог на добавочную стоимость*) в другом контексте приобретает значение *НДС* (*Надо Деньги Спрятать*)⁹.

Контекст является не только средой функционирования аббревиатур, но и средством выявления их лингвокультурологических и когнитивных характеристик, средством актуализации их семантики, особенно в случае с омонимичными аббревиатурами. Например, *O.R.* (*Official Reviser*) – «официальный ликвидатор» и *O.R.* (*Official Referee*) – «официальный третейский судья»; *CC* (*Chamber of Commerce*) – «торговая палата»; *CC* (*Common Council*) – «муниципалитет».

Г. В. Колшанский пишет, что «изучение контекста в современной языкознании знаменует собой не простое обращение к одному из языковых явлений, а по существу несколько иной подход к объяснению сущности языка в его реальном функционировании, где форма и содержание, лексика и грамматика, структура и система предстают в таком диалектическом единстве, которое требует уже не просто аналитического подхода, свойственного описательному языкознанию, а прежде всего подхода интегрирующего, при котором язык изучается на основе коммуникативных единиц, неразрывно соединяющих в своей смыслозавершенности все звенья целого дискурса»¹⁰

Таким образом, в исследовании установлено, что специфические процедуры анализа аббревиатурных единиц правовых текстов предполагают реконструкцию исторических моментов, условий возникновения и функционирования аббревиатур.

Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал показал, что аббревиатуры могут быть представлены 12 тематическими группами (список открыт).

Поскольку аббревиатуры изучаются в контексте, то предлагаемую технологию изучения аббревиатур правовых текстов можно назвать контекстуальной.

Как показали результаты исследования, аббревиатуры в определенном контексте приобретают коннотативность, что и отличает их от единиц, зафиксированных в словарях.

В заключение следует отметить, что контексты права решают проблему не только омонимичных аббревиатур, но и репрезентируют аббревиатуры как языковые маркеры когнитивных структур сознания, существующие в интерпретациях текста закона. Вследствие этого интерпретация рассматривается как один из факторов понимания аббревиатур, поскольку характеризуется привлечением знаний разной степени абстракции.

Данная статья открывает путь для дальнейшего контекстуально-дискурсивного исследования, что, несомненно, будет способствовать изучению аббревиатур, развитию теории и практики аббревиации.

Примечания

¹ «Как поименует языком, так да будет право», то есть пусть считается правовым обязательством то, что человек сказал, а не то,

что он подумал. Юридическое правило, восходящее к Законам XII таблиц. Законы Двенадцати таблиц (лат. *Leges duodecim tabularum*) 451–450 гг. до н. э. – кодификация государственного закона от народа (*lex publica*) в Древнем Риме. Законы Двенадцати таблиц – плод специально созданной комиссии из 10 человек (децемвиры с консульской властью для написания законов, лат. *decemviri consulari imperio legibus scribundis*) и представлял собой свод законов, регулирующих практически все отрасли. Правовые нормы изложены подряд, без отраслевого деления. Представляет собой первый писанный источник права Древнего Рима.

² Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьев. М., 2011. С. 110.

³ Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по англ. филологии. Тамбов, 2000. С. 4.

⁴ Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / отв. ред. Ю. С. Степанов. 4-е изд. М., 2010. С. 135 (Лингвистическое наследие XX в.).

⁵ Мэскалл, Б. Ключевые слова в средствах массовой информации : пособие по англ. яз. / рус. предисл. Т. Б. Назаровой. М., 2002. С. 58–59.

⁶ Колшанский, Г. В. Контекстная семантика... С. 126.

⁷ Там же. С. 129–130.

⁸ Ракина, Н. Н. Лингвокультурологические аспекты функционирования аббревиатур в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. С. 78.

⁹ Там же. С. 89.

¹⁰ Колшанский, Г. В. Контекстная семантика... С. 148.

СТАТИКО-ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛЕКТНОГО МОНОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА (СТАТЬЯ 2)

Рассматривается статико-динамическая модель тематической организации диалектного монолога, представленная инвариантной тематической структурой и вариативным тематическим развитием.

Ключевые слова: диалектный монологический текст, тематическая организация, тематическая структура, тематическое развитие, статико-динамическая модель тематической организации.

В статье 1 представлен анализ диалектных монологов с точки зрения их **тематической структуры**, отражающей статический аспект тематической организации диалектного текста (статья опубликована в Вестнике ЧелГУ «Филология. Искусствоведение» № 4 (295) 2013. Вып. 75. С. 52–54). Статья 2 посвящена изучению **тематического развития**, представляющего ее динамический аспект.

Если тематическая структура текста представляет инвариант тематической организации (гипертема/ тема/ подтема/ микротема), то тематическое развитие вариативно, и эти варианты обусловлены *локализацией, или точкой наблюдения (локусом фокализации)*, в речевом сознании говорящего.

По отношению к жизненному пространству диалектоносителя выделяем три типа локализации: точка наблюдения находится рядом с его жизненным пространством (*внешняя локализация*); точка наблюдения находится в значительной степени удаленности от его жизненного пространства (*удаленная локализация*); точка наблюдения находится внутри жизненного пространства диалектоносителя (*внутренняя локализация*). Выделенным типам локализации соответствуют следующие варианты тематического развития текста: текущее тематическое развитие, тематическое удаление, тематическое углубление.

1. Текущее тематическое развитие (ТТР) как проявление **внешней локализации** представляет собой *ряд* сменяющих друг друга тем (подтем, микротем). В данном ряду выделяется *тематическое разворачивание (ТР)* – развитие определенной темы (подтемы, микротемы), выраженное последовательностью номинаций. Внешняя локализация преобладает в большей части диалектных монологов. Указанную точ-

ку наблюдения можно обозначить как исходную в тематическом развитии текста. Жизнь диалектоносителя и его окружения предстает как констатация жизненных фактов, каждый из которых реализуется в теме (подтеме, микротеме). Ключевым понятием, определяющим специфику данного варианта тематического развития, является понятие темы, так как именно с темы, как правило, начинается тематическое развитие диалектного монолога. С точки зрения тематической структуры ТТР представлено единицами всех тематических уровней: гипертемой, темой, подтемой, микротемой.

ТТР условно представляем в следующей схеме в виде однонаправленного вектора речевой цепочки с непрерывным рядом точек, которые являются знаками тем (подтем, микротем).

Основными свойствами текста являются его когерентность и когезия [2], в связи с чем каждый вариант тематического развития диалектного монолога рассматривается нами в когерентном и когезивном аспектах. Под когерентностью понимаем логико-семантическую связь между элементами текста, под когезией – формальную, лексико-грамматическую связь [5 ; 7].

Когерентность ТТР составляют логико-семантические отношения между темами (подтемами, микротемами), основанные на различных типах логических оппозиций: тождества, включения, пересечения, контрарности, исключения.

При отношениях *тождества* текущая и предыдущая подтемы (микротемы) принадлежат одной и той же теме (...(1) *Патом музика*

забрали/ там и пагип гаварят в брянском лису (2) **сын** ф *трутАрмии был/ дочь* ф *ТИтавай замуш вышла...*). В данном примере (1) – предыдущая микротема *муж* / тема *семья*, (2) – текущая микротема *сын* / тема *семья*.

При отношениях *включения* текущая и предыдущая единицы тематической структуры соотносятся друг с другом подобно видовому и родовому понятиям, относясь к различным тематическим уровням текста: гипертема – тема, тема – гипертема, тема – подтема, подтема – тема (...(1) **Ф симье** у нас бБла / я шиснаЦатая/ самая мАлинькая (2) Еслиф **отец** живой был/ так ище б были// **отец** умир ф сОрак третьим гадУ/ он был кантужинный...). В приведенном примере (1) – тема *семья*, (2) – микротема *отец* / тема *семья*.

При отношениях *пересечения* текущая и предыдущая темы (подтемы, микротемы) объединены общим значением, а выражающие их тематические цепочки имеют общие номинации (...(1) Я замуш **выхадила** в двАцать фтарОм гадУ/ ф **церькви винчались** (2) а тут **цЕрькафь** была/ на вот Этам мЕсти ерМАк (универмаг) стаИт/ анЕ ерМАк наставили/ а **цЕрькву сняли**...). В представленном примере (1) – тема *семья* / микротема *замужество*, (2) – тема *жизнь села*.

При отношениях *контрарности* текущая и предыдущая темы (подтемы, микротемы) противопоставлены по различным основаниям: прошлое – настоящее, настоящее – прошлое, благополучие – неустроенность (характерно для тем *семья* и *жизненные трудности*), личное – общественное (темы *семья* – *жизнь села*) и др. (...(1) **СилО** бБла **харошее/ большое/ вЕсила** бБла **жить/ гармошка** гурала/ **песни пели/ пписали** (2) **сичас маладежи нет/ адни писсанЕры** живем...). В данном примере (1) – тема *прошлое*, (2) – тема *настоящее*.

При отношениях *исключения* когерентная связь между текущей и предыдущей темами (подтемами, микротемами) отсутствует: возникновение очередной темы не зависит от внешних (контекстуальных и конситуативных) импульсов (...(1) РибитИшик мнОга ф **школу хадила/ два класса** в аднОм/ **первый и третий** (2) **кагда вайна канчАлась/ у нас малаказавОт/ малОчный завОт** в диревни аткрыли...).

Когезия ТТР определяется характером связи тематических цепочек, выражающих определенные темы (подтемы, микротемы) и позволяющих выделить последовательный и параллельный типы тематического развития.

При последовательном типе две тематические цепочки, представляющие две темы (подтемы, микротемы), связаны по принципу зацепления с помощью различных когезивных средств: лексического повтора, анафорических слов, полных и частичных (контекстуальных) синонимов и др. (...(1) РадилАсь ф КОтинай// и радитили маИ тОжи кОтинскии и дЕды-прАдеды/ **мы** фсе в адной КОтинай тут... (2) рабОтали кристьянску работу// **жали врушнУ// касили врушнУ// и сеили врушнУ// фсе мы** делали...). В данном примере развиваются темы (1) *семья* и (2) *работа*, связанные с помощью лексического повтора.

При параллельном типе две и более темы (подтемы, микротемы), каждая из которых имеет свою тематическую цепочку, одновременно проходят тематическое развертывание, при этом зацепления между цепочками не наблюдается. В следующем примере представлены темы (1) *семья*, (2) *жизненные трудности*, (3) *превратности судьбы*, тематические цепочки которых развертываются параллельно, независимо друг от друга: ... (1) **Муш был** на (2) **трех войнах/ (1) он** на (2) **Озири ХасАни был/ а (2) фтарА была финска-та/ вот** на (2) **ей (1) был он/ а уш (2) нОсли финскай-та** на (2) **этай (1) был пять лет/ на (2) той-та (1) он как-та (3) цел астался/ а патОм (3) рА-нила (1) ивО** и (3) **кантУзила**...

2. Тематическое удаление (ТУд) как проявление удаленной локализации представлено микротемой, которая прерывает текущее тематическое развитие, соотнося текущую тему (подтему, микротему) с различными смысловыми контекстами, которые составляют когерентность тематического удаления. По отношению к ТТР, отражающему факты и события жизни диалектоносителя, они выступают как общее к частному, общекультурное к конкретноситуативному.

Выделяются следующие типы смысловых контекстов (в примерах они выделены): **экзистенциальный** (...Эта уш я ни знаю // **жись так слажИлась што ничО ни знаишь// радитили маИ уижжАли ф Сибирь**); **культурный** (...Спрячься/ гаварит/ на печку мальчик/ **там чувАлы такие были на печках/ за печку хоп/ а там такой чувал называица/ лезь гаварит/ на галБИцу**...); **временной** (...Была у них читьрехлЕтня девачка/ **а вить раньше скатины многа бБла и за дитЯми мАла сматрели/ а он ие с пЕчки сталкнул**...); **социальный** (...ТартЫшынца была ф **сильсавЕти присидАти-**

лем в МарОзавай/ ее фамИлие такое БЫла/ ТартЫшынца/ аНЕ приЕжжыи какИи-та были/ ну вот аНА взяла иво туда...); **локальный** (...Адин рас как я пабижала ф школу/ а бабушки гаварю/ аНА на агради тут жила/ баба/ вы схади/ хлеп вынь ис печки...); **семейный** (...Мать пашла на схОтку/ как рас на пЕрвае мАя/ уже у минЯ Витя радился/ я замужем была/ мать ушла на схотку...).

Описание ТУд в когезивном аспекте включает определение характера связи между ТУд и породившей его темой (подтемой, микротемой), а также выявление средств данной связи. По характеру когезии выделяются следующие типы ТУд (они также выделены): **1) ТУд в экскурсии**, т.е. отсылающее к предыдущему тематическому развитию (...Мы фсе слышали/ што ты сказала/ што пайдешь замуш/ ну давайти/ сват/ сватья/ уж маих систру и зятя сватАми называют// но патом/ ну чо/ выпили...); **2) ТУд в рекурсии**, т.е. отсылающее к последующему тематическому развитию (...Нас распрадали/ карову взяли/ быА взяли/ патОм взяли/ ну он скрипки фсе Эта сам дед делал/ скрипку взяли/ гитару взяли...); **3) ТУд в экскурсии и в рекурсии**, то есть отсылающее к предыдущему и последующему тематическому развитию (...Мать/ Катиринка замалчи/ еслиф я Катя/ а аНА/ Катиринка/ Катиринка замалчи...); **4) ТУд, не связанное с текущей микротемой в экскурсии и в рекурсии**, то есть не имеющее средств отсылки к последующему или предыдущему тематическому развитию (...Ну мать минЯ тагда схватАла/ и/ на печку/ вот Марфа была старшая/ Марья... я там/ печка-та вот примЕрна...).

ТУд соединяется с текущей темой (подтемой, микротемой) следующими средствами связи: лексическими повторами, анафорическими словами, полными и контекстуальными синонимами, а также гиперонимами, подчеркивающими общесмысловую, общекультурный характер данного варианта тематического развития.

ТУд как один из вариантов тематического развития представляем в следующей схеме.

3. Тематическое углубление (ТУГ) как проявление внутренней локализации – это

развивающийся из темы (подтемы, микротемы) сюжетный рассказ, как правило, со всеми композиционными элементами: завязкой, развитием действия, кульминацией, развязкой, что позволяет рассматривать ТУГ как диалектный нарратив.

...(Завязка) Фсе лЕта бегал/...ну и стал гаварить/ знаишь што Катя/ ты пайдешь за миня взАмуш/ ну а пачимУ ни пайдУ/ ну он/ ты напрАвду скажи/ я приду с ацОм/ с матирью/ и ну там кавО прихватить/ систру или там/ мужа иеннава/ (развитие действия) ну и аНИ пришли...а я басикОм была/...за печку залезла/ и с печки так вот на лакаткАх/ патпирлАсь/...а он/ ну чо ты Катя на пЕчки лижИшь/ а я гаварю/ я басиком/ лапти сОхнуть// ну иди/ гаварить/ чо-нибудь/ чулки какИи надень/ да и слесь/ а я гаварю/ галава видНА и лАдна/ ... он/ слесь/ скажи/ што ты пайдешь за миня/... а я ф сваЕй систрЕ спрашиваю / (кульминация)... я пайду/ за Фетьку зАмуш/ а аНА мне гаварить/ нА/ фИгу мне дала/ выбирай сама/ и думай сама галавой/ итти тебе или ни итти/ вот рАс я спрасила/ два/ а аНА вазьми да мне фИгу пакАжить/ ну и я падумала-падумала/ ну чо ты малчишь/ ...а я иму гаварю/ пайду/ скажи им/ што аНА за миня саглашАица/ нет ты скажи сама/ (развязка) ну я патом/ падАли мне чулки/ ...я патом эти чулки надела/ вышла да и гаварю/ ну прастИти миня/ што я дОлга на пЕчки грелась/ пайду/ гаварю...

С точки зрения тематической структуры ТУГ так же, как ТУд, представляет собой микротему. Одним из дифференцирующих признаков ТУГ является наличие чужой речи. В ТУГ находят выражение такие принципы диалектного повествования, как совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего общения [3] и изобразительность [2]. Первый принцип проявляется в том, что диалектоноситель не только информирует, но и воспроизводит в своей речи ситуации, о которых говорит, представляя их в момент реально существующего общения. Под изобразительностью диалектной речи понимается придание говорящим предельного сходства своей речи с тем, о чем в ней повествуется. Данные принципы имеют различные способы языкового выражения: фонетические, грамматические, лексические. К фонетическим способам относятся частое использование звукоподражаний, передача интонационных характеристик голоса цитируемых говорящих, особая эмоциональная напряженность речи. В грамматике это наличие чужой речи, а также

различные средства синхронизации события, относящегося к прошлому: использование форм настоящего времени, частое употребление указательной частицы *вот* и междометий. В лексике данные принципы выражены с помощью лексического повтора, отображающего повторяемость, интенсивность или длительность действия.

ТУг как вариант тематического развития представляем в следующей схеме.

По способу возникновения ТУг могут быть *фиксированными* и *спонтанными*. Фиксированные ТУг возникают под воздействием внешнего фактора. Они могут быть *прямыми* (развиваются из темы, сформулированной диалектологом) и *косвенными* (связываются с фиксированной темой различными логико-семантическими отношениями). Спонтанные ТУг могут развиваться как из ТТР, так и из ТУд.

Между ТУг и ТТР устанавливаются те же логико-семантические отношения, которые существуют между темами (подтемами, микротемами) в самом ТТР. Вместе с тем *когерентность* данного варианта тематического развития составляет именно *сюжет*, понимаемый как последовательность событий, «художественно построенное распределение событий в произведении» [6]. Сюжеты ТУг можно определить как концентрические, или сюжеты «единого действия» [8. С. 233]: в их основе лежит одна жизненная ситуация, одна событийная линия. Ситуации, на которых основаны сюжеты ТУг, связаны с такими активными темами, как *семья, жизнь села, жизненные трудности, превратности судьбы*. В свою очередь концентрический сюжет имеет свои разновидности, выделяемые с точки зрения ординарности/ неординарности лежащей в их основе ситуации (ср. с сюжетами разговорного нарратива в [1]). В диалектных монологах выделяются следующие сюжеты, *основанные на неординарных ситуациях*.

1. Сюжеты ТУг, связанные с темой *превратности судьбы*, основаны на следующей ситуации: в жизнь диалектоносителя вторгаются враждебные силы (болезнь, смерть), которым он не может противостоять.

(Завязка) *Вот када он умир/ а я с сестрой паехала на шахту за арбузами/ питнаЦатава синтибря/...ана grit/ ты здесь даждешься/ а*

я мош трАктар или машину приганЮ/ штоп арбузы увистИ// (развитие действия) стаИм/ ф три часа магазин аткрОица/ хоп/ прадавец идет/ тут женицины гаварят/ прадавец-та абманываит/ и грю/ ПалИнка была п с нами/ ана граматная/ знАит скОлька за килаграмм/ а анИ гаварят/ да сматри вон ана-та идет/ (кульминация) идет да плачит/ ну думаю Сирешку задавили/ на астанОфки астался// ана патходит/ я грю/ што здЕлалась-та/ ана grit/ да Михаил умир// прихажу дамОй/ он правда умир/ рибитишки плачут/ гаварят/ папка умир/ (развязка) ну пашли мы ф сільсавЕт сказать што умир...мне нАда бЫла атбИть тилиграммы мАтири/ дачирЯм/ сестрам/ ф ПракОписк...

2. Сюжеты ТУг, связанные с темой *жизненные трудности*, строятся на основе следующей ситуации: в жизнь диалектоносителя вторгаются враждебные силы (люди, обстоятельства), которым он пытается оказывать внешнее или внутреннее противодействие, в результате чего побеждает или терпит поражение.

(Завязка) *А тада фсе забирали ф трицать симОм гадУ/ он боЙню там залИл/ и иво ф сільсавет ТартЫшынца вызывАла/ он ни паиол/ нильзя бЫла ат боЙни/ ат мАсла бросить/ штобы боЙню збить/ а ТартЫшынца была ф сільсавете присидАтилем в МарОзавай... (развитие действия) ну вот ана взилА иво туда/ он бойню збил мАсла/ паиол туда ф сільсавет/ ана на ниво написала/ што он вридИтиль/ такой/ сикОй/ што иво вот-вот нАда забрать/ и в Ленинск иво атправляла/ в Ленинск/ штобы он паехал с этими дакумЕнтами/ (кульминация) а он прииол дамОй с сільсавета/ а я гаварю/ давай распичАтаим/ пасмотрим што там напИсана/ распичатали/ написАли/ а там я гаварю/ такая чушь напИсана была/ што и вридИтиль и фсЯка иво признали/ (развязка) патом он фсе-таки паехал/ ана гаварит/ он тигерь ни приедит/ ФилютОвич/ аттУдава больше он ни вирнеца/ он приехал/ ана удивилась/ пачимУ эта он так эта астался...*

3. Сюжеты ТУг, связанные с темами *семья* (микротемы *замужество, сватовство*) и *жизнь села* (подтема *сельские обычаи* / микротема *свадьба*), основаны на неординарной ситуации, связанной со значимыми событиями жизни диалектоносителя (сватовство, свадьба, рождение детей) или с какими-либо необычными эпизодами из детства.

(Завязка) *УчИтиль был адИн/ я начал у нявО и кончил у нявО же/ славный был учи-*

ть...Ну и мы раз дадумались/ был у нас сын псаломщика/ он такой забитый был/ у бабушки с бабушкой харчИлся/ он атстал ат нАс/ са слабИнкай манЕнька был/ ну мы и давай давадить явО/ бЫЛА рУска печка ф клАсси/ мы ямУ/ палезишь ф печку/ как только учили будит захадить/ ты и кричи/ мы здесь / (развитие действия) ну сели/ ждем/ учили тОка атварил/ он и скричАл/ мы здесь// учили Иишет/ фсе сядЯт/ он за вешалку/ нет никаво/ а прОтиф дверки личный был учИтиль гардирон/ аткрыл дверь/ а он апать скричал/ я здесь/ ну тут апать и дагадался/ што чилавек-та ф печки сидит / (кульминация) вот вЫлис тот чалавек/ ну ни кожи/ ни рожки/ как леший/ училиль/ как папАл/ ну он гаварит/ так и папАл/ ШАлеф/ Грибаф да БилькОф (Шалев, Грибов да Бельков) сблазниИли/ училиль/ ани тибя талкали/ не/ я сам залЕс/ ну училиль/ иди сынок/ адивай чИсту рубаху да прихади / (развязка) ну а для нас гароху приготовили/ мы дянацать часоф атстали и дяжурный с нами/ сетки дисциплина раньши лУччи бЫЛА/ лЕхиш училильЯм бЫла ...

Сюжеты ТУг, основанные на ординарной, повседневной ситуации, чаще всего развиваются на основе таких тем, как семья и работа.

...(Завязка) Он тОжи учИтилил был/ ани с Этай с ПОлей вмЕсти учились/ с систой/ и он фсе гаварил/ иво ни принимали ф тирЕнтъифскии ф стАриши классы/ взяли гот прибавили имУ/ и устроили иво учИца// (развитие действия) вот бЫвАла с лампай-та сидят/ на русскую печку сядут там/ мама к стенки ляжит/ а ани сидят/ учат уроки-та/ наблИжи к свету/ (кульминация) скажит мама/ да лажитись уш/ лажитись/ аНА / паши/ Федя/ спать/ Федя/ а он/ да/ щас прям пабижАл/ ты выучила/ а я ицо нет/ я фсю ночь буду сидеть учить/ (развязка) хателась учИца/ хателась/ так приЕжна учились ани/ харашо// што харашо учились/ а жить ни пришлось/ двАцать семь лет...

Когезивный аспект в исследовании ТУг связан с рассмотрением его композиции, которая понимается как форма организации сюжета, включающая такие элементы, как завязка, развитие действия, кульминация, развязка, а также с определением средств связи между данными элементами. С точки зрения композиции ТУг могут быть реализованными, представляющими собой самостоятельный сюжетный рассказ (примеры см. выше), и нереализованными, то есть не развивающимися в самостоятель-

ный сюжетный рассказ (...Умир мой мужик/ а на другой гот калхОс стал/ а я ивдавЕла/ дочь тОжи маладА ивдавЕла/ внучку выдали взАмуш/ а мужик застрилился/ я так фсе ривУ да ривУ/ пришил ка мне/ а я сплю/ ты спишь баба/ я вазьму ружье/ ну я и адалА/ пирчатка прикипела к барадЕ/ патрашили явО/ такО горе...).

Когезивная связь между композиционными элементами ТУг может выражаться такими средствами, как лексический повтор, анафорические слова, единство видо-временных форм глаголов (в примере они выделены):

(Завязка) Мы паши вот с Шурай за жыр-дЯми/ жерди вить на сибЕ тащили/ жерди бальшиш/ ну идем аттуда краДучи/ (развитие действия) а Женя/ дочка маЯ/ мне гварит/ мама/ гаварИ слава богу/ чо я гварЮ апЕть какая-нибудь ницАстья/ ты вить ничо ни панимаишь/ я гварЮ апЕть какая-нибудь ницАстья/ аНА гварИт мамачка пляши/ а сын у мянЯ был на пиридавОй/ я гварЮ ну апЕть или радасть иль бяда/ я гварЮ чо/ (кульминация) аНА/ вайна замирИлась/ а я гварЮ ой Женя/ да тяБЯ апЕть кто-нибудь абманул/ мам/ ф клУбе фсе весь нарОт/ мы чо/ жерди бросили/ адну там другУ паблужи/ на одной притащили да дОма/ ф кОлакал брЕНЯт/ грЕмят/ я грЮ иль замирИлась/ иль фсе на свети прапАла/ (развязка) прибЯжАли туда/ там гармонь/ старухи пляшут/ ну и я в этом слУчаи паплясала/ чо уш тут...

Кроме трех вариантов тематического развития (ТТР, ТУд, ТУг), в диалектном монологическом тексте выделяются *текстовые включения* (ТВ) – текстовые элементы, при возникновении которых жизненное пространство является или косвенным объектом в речевом сознании говорящего (метаречевые и метатематические высказывания), или не входит в акт фокализации (обращения к собеседнику, конситуативные высказывания).

Метаречевые высказывания возникают в связи с затруднениями диалектоносителя в языковом выражении гипертемы, тем, подтем и микротем (...Кирпичики такИ вот/ литБИу/ та вот эти// как ани назывАюца тОжи// с этой залЫ ли че ли...), метатематические высказывания, или тематические затруднения связаны с затруднением говорящего в выборе тем, подтем и микротем (...Вот так вот// што ицо интирЕснава тебе рассказать...).

Конситуативные высказывания могут быть двух видов: 1) собственно конситуативные, в

Статический аспект	Тематическая структура	Гипертематический уровень (гипертема)						
		Тематический уровень (тема)						
		Подтематический уровень (подтема) / ш						
		Микротематический уровень (микротема)						
Динамический аспект	Тематическое развитие	ТТР		ТУд		ТУг	ТВ	
		когерентность	когезия	когерентность	когезия	когерентность	когезия	<i>Метаречевые, метатематические, констатирующие высказывания, обращения к собеседнику</i>
		логико-семантические отношения между темами	типы тематического развития	типы смысловых контекстов	связь между ТТР и ТУд в экскурсии / рекурсии	сюжет	композиция	

которых фокус внимания говорящего перемещается с жизненного пространства на явления, окружающие диалектоносителя в момент речи (...*Я ни знаю да скалькИ их диржали тагда// Ленка праснулаь...*); 2) *обращения к собеседнику*, в которых фокус внимания говорящего перемещается с жизненного пространства на собеседника (...*Там где-та / Окала// ой/ Света/ падажжИ...*).

Таким образом, статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста имеет следующий вид (см. выше).

Список литературы

1. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2009. 320 с.

2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 138 с.

3. Гольдин, В. Е. *Изобразительность диалектной речи* // Бюллетень фонетического общества. № 7. Тексты устной речи. Бохум, 2001.

4. Гольдин, В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.

5. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с.

6. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 2002. 334 с.

7. Филиппов, К. А. Лингвистика текста : курс лекций. СПб., 2003. 336 с.

8. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник. М., 2007. 405 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА REVENGE В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ

Рассматриваются семиотический и семантический способы означивания одной из составляющих семиосферы внутреннего мира человека, семантической константы REVENGE в английском языковом сознании. Выявляются механизмы корреляции значения и смысла английского языкового знака *revenge*, актуализирующего исследуемую константу.

Ключевые слова: семантическая константа, значение, смысл.

В рамках лингвистической проблематики «Человек в языке» исследование семиосферы внутреннего мира человека представляет особый интерес с позиций когнитивно-семиотического анализа. Морально-этические феномены, смысло-жизненные ориентиры, ценности, составляющие сущность внутреннего мира человека, объективируются преимущественно языковыми знаками абстрактной природы. Особенность последних заключена в обязательном наличии приращения смыслов в их содержании, которые могут возникать как результат отражения в слове особого ракурса их видения, особого к ним отношения» [5. С. 78–80]. В связи с этим актуальным является изучение корреляций значения и смысла/ смыслов, актуализируемых данными знаками систематически и дискурсивно.

С когнитивной точки зрения значение языкового знака есть его когнитивно-номинативная функция, в то время как смысл – реализация когнитивно-дискурсивной функции знака [2. С. 95]. Преобразование значения в смысл происходит через активацию системным значением необходимой структуры знания, которая является основой для формирования смысла [1. С. 12]. Когнитивные механизмы, управляющие данным процессом и представленные как профилирование, спецификация, перспективизация, инференция, концептуальная интеграция, сравнение, концептуальная метафора, обеспечивают взаимодействие ядерных характеристик концепта с характеристиками областей их осмысления.

В данной статье ставится цель установить номинативное значение абстрактного знака *revenge* и круг его потенциальных дискурсивных смыслов, выявить когнитивные механизмы формирования последних.

Итак, вначале рассмотрим семиотическое значение знака *revenge*, репрезентирующего одноименную семантическую константу. В си-

стеме английского языка она объективирована существенным рядом языковых знаков. Хотя на функцию номинирования могут «претендовать» два знака *revenge* и *vengeance*, в качестве конвенционального имени определен первый, в силу его общесодержательности, стилистической нейтральности, частоты употребления, а также использования в качестве семантического множителя при определении других знаков, репрезентирующих данную константу.

Абстрактная природа рассматриваемого знака диктует преобладание сигнификативного слоя значения над денотативным. Семантические признаки, являющиеся релевантными для их фиксирования в сигнификате знака, представлены: категориальным признаком «активное действие» – *act, action*, признаком «качество действия» – *hurt, injury, harm, offence, wrong*; «интенциональность действия» – (*harm done*) *to another person*; «обусловленность действия» – *for a perceived wrong, in return for harm*. Таким образом, в совокупности имеем прямое значение знака *revenge* – действие, несущее физический/ моральный вред индивиду, каузированное отрицательным действием этого индивида в отношении субъекта мстящего.

Л. О. Чернейко утверждает, что «денотатом множества субстантивов является человек, например, мысль, интеллект, счастье. Десигнат этих субстантивов в одном случае – свойство человека, его способность (мысль, интеллект), в другом – сложное психическое состояние (счастье)» [5. С. 44]. Поскольку субстантив *revenge* связан с действительностью через имя человек – *human being*, то последний будет считаться его денотатом.

Для функционирования языкового знака характерна асимметрия соотношения формы и содержания [3. С. 85], то есть материальный знак имеет тенденцию к передаче более чем одного значения. Кроме того, основным свойством абстрактных имен является то, что их се-

мантика не сводится к суммированию простых идей [5. С. 78; 80]. Рассмотрим, какие смыслы способен актуализировать знак *revenge* в различных контекстах.

Так в высказывании: *My soul cried out for revenge... I determined that the fate which he had given to others should be shared by himself. Either that or I would do justice upon him with my own hand... I told him that I had come both as judge and executioner* (Doyle) знак *revenge*, прежде всего, задает элементы прототипической ситуации мести. Однако далее на фоне этой ситуации герой фокусирует свое внимание на ее качественной характеристике справедливость/ несправедливость. И средствами последующей аргументации актуализируется смысл «справедливость». Герой не утверждает, что желает причинить боль/ вред тому, от кого он либо кто-то другой пострадал (знаковое значение). Он желает именно справедливости для других, так как лично сам он не пострадал. Дублированное выражение личного отношения к ситуации знаками *justice*, *judge* упрочивает статус этого смысла. Таким образом, на основе прямого знакового значения *revenge*, активизирующего прототипическую ситуацию мести, в последней высвечивается один наиболее релевантный для говорящего признак мести «справедливость», который он оформляет в соответствующий смысл.

В следующем эпизоде знак *revenge* объективирует, прежде всего, свое системное значение: *In December 1598, the Acoma learned that one of the conquistadors, Juan de Oate, intended to colonize the region. They ambushed Oate's nephew and a party of his men, killing 11 of them. Brutal revenge followed: the Spanish burned much of the village, killing more than 600 inhabitants and imprisoning another 500, survivors were made to serve as slaves; men over age 25 were sentenced to the loss of their right foot* (Zax). Однако наличие в контексте перечисления конкретных «актов» мести, присутствие численных квантификаторов в совокупности создают образ платежного документа: чем пришлось заплатить герою (Акома) за его дерзкое нападение и, тем самым, создается смысл «расплата». Итак, вновь на базе прямого значения знака *revenge* контекстуальными средствами развивается один из признаков дальнейшей периферии концепта REVENGE, выделенный на уровне синонимии и фразеологизмов [4. С. 133]. И данный контекст позволяет вывести у знака *revenge* модифицированный смысл.

Смысл «*revenge-instinct*» инферируется из следующего контекста: *Getting vengeance is usually negative, and is usually considered to be «bad» and «evil» by the society. It is human nature to get revenge, and not something we need to be taught or given an example to do* (Ronald). В языковой репрезентации знак *instinct* в контексте не появляется, но апелляция к человеческой природе *human nature* как объяснительному механизму, лежащему в основании мести, указание на отсутствие необходимости научения мести, имплицитно формируют смысл «инстинкт». Они выступают в роли имплицитов, ограничивающих концептуальную область, в рамках которой и выводится упомянутый выше смысл.

Следующий контекст, представляя ситуацию мести, делает акцент на Человеке Мстящем и, в частности, на его психоэмоциональном состоянии. На фоне всей ситуации с ее актантами и собственно поступком мести, выделяется сначала фигура «Человек Мстящий», а затем на фоне последней профилируется новая фигура «психо-эмоциональное состояние», репрезентируемое как «бесконтрольный гнев», которое и актуализировано знаком *revenge*: *I could see the urge for revenge build up on his face and his eyes become full of anger. It soon became unbearable for him to control any of his emotions. He started deceitfully planning out his criminal plan. His breath was heavy and visualizing the blood and pain of another seemed to be his ultimate source of happiness. The words that came out of his mouth seemed impossible for any human being to think of, the demonic things he would do for revenge was horrifying... I could see how hard it was for him to control himself. However, at the end he managed to control his revenge and* (Sayaka). Таким образом, реализуемый знаком *revenge* смысл «*revenge-uncontrollable anger*» создается в результате когнитивного процесса двойного профилирования.

В высказывании: *With Charles's body at her feet, revenge rose in her spirit. She raised the rifle, but too late* (Mills) знаком *revenge* активизируется его системное значение, на фоне которого происходит перспективизация отдельного признака «желание», реализуемого необходимыми средствами контекста.

В случае когда желание достигает своей критической точки, ему словно становится тесно в сердце, душе человека, оно невольно отображается внешне и тогда знак *revenge* получает смысл «выражение лица»: *There is an expres-*

sion of despair, and sometimes of revenge, in your countenance that makes me tremble (Shelley).

В процессе адаптации знака revenge к семантике знаков sin и sinner системное значение первого преобразуется и формируется новый смысл «наказание»: *I think that revenge is alright as long as it is revenge towards the sin and not the sinner* (Hanson).

Следующее высказывание иллюстрирует новые возможности анализируемого знака: *Gaining revenge has felt great for me before because of the triumph you get when you take your revenge* (Leung). Говорящий из всей ситуации мести, задаваемой знаком revenge, дважды фокусирует внимание на ее конкретном признаке «сатисфакция», актуализируя соответствующий смысл средствами вербализа feel, имени triumph, фразового сочетания take one's revenge.

Другой пример выявляет новый смысл имени revenge «revenge – plan»: *You've been in exile for a long time. Plenty of time to think about the men who put you there. Given that much time, I'd bet you've worked out your revenge in exquisite detail* (Schroeder). Подобный смысл актуализируется также в сочетаниях: to meditate revenge, to plot revenge, to concert a scheme of revenge, to come up with a revenge, to plan a revenge operation, revenge tactics. Он становится возможным в первую очередь благодаря сопутствующим предикатам, объективирующим возможные характеристики плана.

Любопытный смысл обнаруживается в следующем примере: *Norris: There are more than a few songs on the album ... and it almost sounds like sweet revenge. (Soundbite-of-laugh). Ms. Allen: Yeah. I mean it's not really like revenge in a nasty way. I think of it as just kind of saying what all girls, you know, would say, had said, when their boyfriends have broken up with them* (Upbeat Music). Словосочетание sweet revenge приобретает оттенок гендерно-окрашенной мести – мести девушки бросившему ее бой-френду – и противопоставляется мести в ее прямом понимании.

Итак, выше было показано, что область референции знака revenge не ограничена рамками знакового сигнификата. Помимо своего системного значения субстантив revenge, оказываясь в различных синтаксических условиях, а также будучи участником специфических контекстов, способен актуализировать признаки ближней и дальней периферии и формировать соответствующие смыслы. Заметим, однако,

что смыслы эти конвенциональны, поскольку они составляют концептуально-единое содержательное пространство и могут объективироваться и получать соответствующую интерпретацию в зависимости от дискурсивной реализации. Кроме того, рассмотрение дискурсивного функционирования знака revenge с когнитивной точки зрения позволяет констатировать, что формирование его смыслов эксплицируется действием ряда когнитивных механизмов: перспективизация, инференция, профилирование.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности // Когнитивная семантика: материалы второй междунар. школы-семинара по когнитив. лингвистике / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Ч. 1. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С. 11–17.
2. Болдырев, Н. Н. Проблемы исследования языкового знания // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.: Калуга, 2007. С. 95–108.
3. Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / сост. В. А. Звегинцев // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 85–90.
4. Кузнецова, Н. О. Внутренний мир человека: особенности концептуализации англоязычного смысла REVENGE // Язык как система и деятельность – 4. Материалы международной научной конференции. Ростов-н/Д.: Изд-во Foundation, 2013. С. 132–134.
5. Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. С. 352.

Список источников

6. Doyle, A. C. His Last Bow [Электронный ресурс] // Treasures of The World. М., 1992.
7. Hanson Fok [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.cdnis.edu.hk/teachers/jenniferroot/2010/03/19/revenge-is-sweet/#comment-561>.
8. Hey Leung [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.cdnis.edu.hk/teachers/jenniferroot/2010/03/19/revenge-is-sweet/#comment-561>.
9. Mills, D. A Woman Called Sage. Zondervan, 2010. P. 304.
10. Ronald So [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.cdnis.edu.hk/teachers/jenniferroot/2010/03/19/revenge-is-sweet/#comment-561>.

11. Sayaka [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.cdnis.edu.hk/teachers/jenniferroot/2010/03/19/revenge-is-sweet/#comment-561>.
12. Schroeder, K. Queen of Candescence / Analog Science Fiction & Fact, Vol. 127, 2007. Iss. 4. Pg 92. COCA – Corpus of Contemporary American English.
13. Shelley, M. Frankenstein [Электронный ресурс] // Treasures of The World. М., 1992.
14. Upbeat Music, Cutting Lyrics, NPR_ATC, 2007. COCA.
15. Zax, D. Ancient Citadel Smithsonian / D. Zax. Vol. 39, Iss. 2; pg. 56, 5 pg, 2008. COCA.

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВОЗМОЖНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (с позиции скрытой прагмалингвистики)

Описано понятие речевой стратегии с позиций скрытой прагмалингвистики. На примере текстов немецких национал-социалистических политиков доказывается, что речевая стратегия «вероятностного оценивания автором текста речевого события как реального/ нереального» может рассматриваться как эффективный способ моделирования будущего в политическом дискурсе.

Ключевые слова: *речевая стратегия, план-вариант, скрытая прагмалингвистика, моделирование возможной реальности, политический дискурс.*

Моделирование возможной действительности является неотъемлемой частью политического дискурса. Преследуя свою основную цель – завоевание и удержание власти – политики создают в своей речи альтернативную будущую или прошедшую реальность в определенном фокусе. Так, зачастую создание коммуникативной ретроспективы (прошлого) сопровождается негативным оцениванием оратора, а коммуникативная перспектива (будущее) представляется говорящим в позитивном свете. Тем самым политики оказывают провокационное речевое воздействие на посткоммуникативное поведение избирателей, то есть побуждают к «правильному» с точки зрения говорящего политическому выбору. Изучению оппозиции прошлое–настоящее–будущее и ее варианта прошлое–будущее в политическом дискурсе посвящены современные лингвистические исследования с позиций когнитивистики [9 ; 14], с позиций теории манипулятивной коммуникации [13]; проекция в прошлое и будущее выделяется как важная характеристика политического дискурса в работах Э. Лассан [1], Е. И. Шейгал [16], Т. В. Шмелевой [17]. Настоящая статья призвана продолжить актуальную исследовательскую тематику.

Преследуемой целью является изучение проблематики моделирования будущего в политическом дискурсе с позиции скрытой прагмалингвистики. Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка рассмотреть актуализируемые политиком на неосознаваемом уровне процессы моделирования будущей реальности для избирателей. Следуя заявленной цели, вначале обратимся к понятию речевой стратегии в скрытой прагмалингвистике, затем рассмотрим планы-варианты и способы актуализации стратегии скрытого воздействия «вероятност-

ное оценивание автором речевого события как реального/ нереального», проиллюстрируем данную стратегию на примере предвыборного дискурса немецких национал-социалистов в сравнении с их политическими оппонентами и, в заключении, подведем итоги.

В лингвистике моделирование альтернативной действительности (будущей или прошлой) традиционно рассматривается в рамках когнитивистики и опирается на выявление и описание когнитивных структур (метафорических моделей, концептов и концептуальных систем и так далее) политического дискурса с помощью коммуникативных стратегий и их тактических реализаций. При этом подчеркивается, что такое конструирование возможной действительности является не спонтанным, а осознаваемым и планируемым в соответствии с прагматическими намерениями отправителя политического текста (см. подр. [4]). Однако мы полагаем, что подобное моделирование будущего как альтернативного варианта развития событий возможно и на неосознаваемом уровне, когда выбор грамматических сигналов определенных грамматических категорий осуществляется отправителем текста спонтанно, не мотивированно, не целенаправленно и не обдуманно. В этом случае конструирование будущей действительности в речи осуществляется с помощью речевой стратегии скрытого воздействия. Термин «речевая стратегия скрытого воздействия» (в дальнейшем – речевая стратегия) относится к понятийному аппарату скрытой прагмалингвистики, современному исследовательскому течению, в рамках которого изучается неосознаваемое речевое поведение коммуниканта, а также способы эффективного воздействия отправителя текста на его получателя (см. подр. [2. С. 23–25]).

Под речевой стратегией в скрытой прагматике понимается коммуникативное явление, которое представляет собой совокупность приемов интуитивного, привычного и неосознаваемого выбора адресантом лингвистических единиц, а именно – грамматических или текстуальных категорий для эффективно, но не осознаваемого и адресантом и адресатом воздействия на адресата сообщения [15. С. 43]. Такое понимание речевой стратегии подразумевает ее актуализацию на акциональном уровне, то есть уровне речевых действий и отражает ее динамический характер. Речевую стратегию также рассматривают в качестве единицы исследования, обладающей формой и содержанием [2. С. 128]. В данном случае речевая стратегия представляет собой явление текстуального уровня, поскольку предстает перед исследователями в виде зафиксированного результата описанного выше динамического процесса. Поэтому представляется целесообразным вывести следующее определение речевой стратегии, релевантное для нашей статьи: речевая стратегия представляет собой многоаспектное коммуникативное явление, реализующееся на акциональном и текстуальном уровне, в основе которого лежит привычный, потому и не осознаваемый, выбор лингвистических единиц, грамматических и текстуальных категорий, воздействующий эффект от которого также не осознается реципиентом.

Для речевых стратегий выделяются следующие свойства [7. С. 124]:

- они актуализируются в виде планов-вариантов;
- носят одномоментный характер, то есть актуализируются исключительно в момент речевого акта;
- выбор лексических и грамматических значений, а также текстуальных категорий сопровождается наложением дополнительных нюансов смысла, которые, как и речевые сигналы, возникают и исчезают только в момент речевого акта;
- воздействующий эффект на получателей сообщения оказывают именно дополнительные нюансы смысла. Однако такой воздействующий перлокутивный эффект имеет накопительный характер и ощущается, хотя может и не осознаваться, адресатом через определенный промежуток времени, по достижении определенного порогового уровня речевых сигналов [3. С. 52].

Как видно из вышеизложенного, речевая стратегия является некоей разновидностью речевого поведения говорящего и актуализирует скрытую интенцию его самовыражения в конкретной речевой ситуации [6. С. 28]. Под речевым поведением в данной статье будет пониматься немотивированное, автоматизированное проявление многократно повторяющегося речевого опыта, который, в свою очередь, складывается из речевых поступков. Речевой поступок представляет собой скрытое для отправителя и получателя сообщения действие выбора отправителем текста речевых сигналов для интуитивного оказания эффективного воздействия на получателя текста [5. С. 6; 15. С. 39]. Типы речевого поведения можно описать с помощью речевых стратегий.

В зависимости от ориентации на отправителя или получателя сообщения выделяют эмоционально-ориентированные и конативно-ориентированные речевые стратегии. Такое разделение восходит к отнесению Р. Якобсоном соответствующей функции высказывания к компоненту речевого акта [18. С. 193–230], согласно которому отправителю текста соответствует эмоциональная функция, а получателю – конативная. Эмоционально-ориентированные стратегии можно определить как стратегии самопрезентации говорящего. К ним относятся стратегия «участия/ неучастия коммуникантов в речевом событии», «стратегия уверенного/ неуверенного речевого поведения автора в речевом событии» и стратегия «вероятностного оценивания автором речевого события как реального/ нереального». Конативно-ориентированные стратегии можно назвать стратегиями скрытого формирования установок у получателей текста. Сюда причисляются стратегия «акцентирования отправителем текста элементов высказывания», стратегия «формирования отношения отправителем текста получателя текста путем оценивания речевого события» и стратегия «учета отправителем текста прагматических ожиданий получателя текста».

В данной статье мы подробно остановимся на речевой стратегии «вероятностное оценивание автором события как реального/ нереального» (далее – стратегия «вероятностного оценивания»), поскольку именно эта стратегия позволит нам выявить неосознаваемое стремление коммуникантов смоделировать будущую альтернативную действительность.

Стратегия «вероятностного оценивания» реализуется в речи в виде своих вариантов или

речевых планов. Для данной стратегии выделяются три плана: план реализованного или действительного события; план нереализованного события, который в свою очередь делится на субпланы возможного/ невозможного, обязательного/ необязательного, допустимого/ недопустимого, разрешенного/ неразрешенного, желательного/ нежелательного, объективного/ субъективного события; а также план ирреального (нереализуемого) события. Каждому плану соответствуют определенные маркеры, которые были выявлены Г. Г. Матвеевой [5], дополнены Л. А. Моисеенко [10] и Е. Е. Нужновой [11].

Частое употребление говорящим определенного плана в речи позволяет обнаружить скрытые интенции говорящего и соотнести их с его личностными характеристиками. Так, частая актуализация плана действительного события свидетельствует о рациональном представлении говорящим речевых событий. Частое употребление плана ирреального события говорит о коммуниканте как о человеке, уходящем от реальности, представляющем события как желательные или нереальные. Для нас особый интерес представляют субпланы возможного и обязательного нереализованного события, так как наличие именно этих субпланов в речи отправителей сообщения предполагает оценку будущей ситуации как возможную для реализации либо как неотвратимую, которая непременно случится.

Субплан нереализованного возможного события актуализируется при использовании модальных глаголов, модальных слов и частиц, предикативных наречий, глаголов в будущем времени либо глаголов в настоящем времени, сопровождающихся лексемами со значением будущего времени, например, *morgen, in der Zukunft, künftig* и так далее. Частый выбор этого субплана выявляет стремление адресанта сконструировать описываемое им будущее как возможное для всех участников коммуникации.

Субплан нереализованного обязательного события выражается с помощью модальных конструкций, таких как *haben+zu+Infinitiv, sein+zu+Infinitiv* и др., *um+zu+Infinitiv*, глаголов в повелительном наклонении, инфинитива в императивном значении и так далее. Когда обязательность события сочетается с его нереализованностью, такие речевые действия расцениваются как непосредственное побуждение к действию через призму мнения отправителя текста [5. С. 186]. Таким образом, оценивая ре-

чевое событие как нереализованное обязательное, говорящий неосознанно моделирует будущее как неотвратимое и тем самым оказывает мощный воздействующий эффект на поведение получателей сообщения. Последствиями этого эффекта в политической коммуникации является согласие с мнением политика и осуществление выбора в пользу оратора или его партии.

Предположим, что национал-социалисты чаще, чем представители других партий, неосознанно выбирали план нереализованного обязательного события речевой стратегии скрытого воздействия «вероятностное оценивание автором речевого события как реально-го/ нереального», чем и объясняется их более эффективное речевое воздействие на электорат по сравнению с их политическими противниками в ходе выборов с 1930 по 1933 г.

Был проведен прагмалингвистический анализ речевого поведения национал-социалистов как политической группы в сравнении с деятелями четырех других политических групп Веймарской республики, составлявших политический ландшафт того времени: центристами, коммунистами, беспартийными политиками, представителями социально-демократической партии Германии (СДПГ), в коммуникативных рамках предвыборной борьбы с 1930 по 1933 г. В качестве представителей национал-социалистов (НСДАП) выступили: А. Гитлер, Й. Геббельс, Г. Геринг; центристов: Г. Брюнинг; коммунистов (КПГ): Э. Тельман, В. Пик; беспартийных политиков, принимавших участие в выборах: П. ф. Гинденбург, К. ф. Шлейхер, Ф. ф. Папен, представителей социал-демократической партии Германии (СДПГ): О. Веллс, К. Шумахер.

Анализ проведен методикой модифицированного контент-анализа, суть которой заключается в подсчете и процентном выражении речевых маркеров каждого плана соответствующей речевой стратегии скрытого воздействия. При этом единицей анализа выступает Малая Синтаксическая Группа (в дальнейшем МСГ), под которой понимается минимальная актуализированная предикативно-модальная единица. На синтаксическом уровне – это простое нераспространенное предложение или часть составного предложения.

Полученные результаты представлены в табл. 1.

Табл. 1. состоит из одиннадцати столбцов. В столбце 1 расположены названия политических групп, которые составляли политический

ландшафт исследуемого временного периода. В столбце 2 помещены авторы текстов анализируемых публичных выступлений. В столбцах 3 и 4 представлены показатели выбора малых синтаксических групп (МСГ) и Абсолютных речевых показателей (АРП) каждым автором плана действительного события по исследуемой речевой стратегии. В столбцах с 5 по 8 размещены результаты анализа по плану нереализованного события. Столбцы 5 и 6 содержат показатели выбора МСГ и АРП по субплану нереализованного возможного события. В столбцы 7 и 8 помещены показатели выбора МСГ и АРП по субплану нереализованного обязательного события. Столбцы 9 и 10 обна-

руживают показатели выборами авторами текстов плана ирреального события. В столбце 11 содержится общее количество МСГ, выбранных каждым из политиков.

Согласно методике, разработанной и усовершенствованной прагматистами [8 ; 12], актуализаторами определенных индивидуальных качеств коммуникантов будут являться процентные показатели, выходящие за верхнюю и нижнюю границу доверительного интервала среднеречевых величин.

Табл. 1 демонстрирует, что план нереализованного обязательного события наиболее часто употреблялся представителями национал-социалистической группы по сравнению

Таблица 1

Речевое поведение политиков по скрытой воздействующей стратегии «вероятностного оценивания автором речевого события как реального/ нереального»

Политические группы	Планы	План действительного события		План нереализованного (возможного) события				План ирреального события, %		Количество МСГ
		Авторы	МСГ	% АРП	Субплан возможного события, %		Субплан обязательного события, %			
	МСГ				% АРП	МСГ	% АРП	МСГ	% АРП	МСГ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>Национал-социалистическая партия Германии (НСДАП)</i>	А. Гитлер	669	66,9	228	22,8	58	5,8	45	4,5	1000
	Г. Геринг	560	64,8	218	25,2	48	5,6	38	4,4	864
	Й. Геббельс	723	75,1	145	15,1	60	6,3	34	3,5	962
<i>Партия центра</i>	Г. Брюнинг	676	67,6	225	24,4	26	2,6	80	8	1007
<i>Коммунистическая партия Германии (КПГ)</i>	Э. Тельман	696	69,6	225	22,5	29	2,9	50	5	1000
	В. Пик	682	68,2	223	22,3	45	4,5	50	5	1000
<i>Беспартийные политики</i>	К. фон Шлейхер	153	65,9	66	28,7	4	1,5	9	3,7	232
	Ф. фон Папен	148	70,2	47	22,5	6	2,7	10	4,5	211
	П. фон Гинденбург	213	64,2	76	22,9	27	8,3	15	4,5	331
<i>Социал-демократическая партия Германии (СПДГ)</i>	О. Велс	162	65,9	57	22,9	3	1,3	22	9,7	244
	К. Шумахер	123	69,2	40	23	9	5,1	4	2,5	176
Всего МСГ плана		4805		1550		315		357		
СРВ		68,4		22		4,4		5		
ΔS		1,9		2		1,4		1,3		
доверительный интервал ±		от 66,5 до 70,3		от 20 до 24		от 3,1 до 5,8		от 3,7 до 6,3		
Всего										7027

Где МСГ - малая синтаксическая группа

СРВ - среднеречевая величина

АРП - абсолютный речевый показатель

(ΔS) – шаг отклонения от среднеречевых величин

– доверительный интервал (±) среднеречевых величин

с ораторами остальных партий, за исключением П. фон Гинденбурга. Причем процентные величины А. Гитлера (5,8 %) и Й. Геббельса (6,3 %) примерно вдвое больше величин, обнаруженных в текстах других политиков. Несмотря на то, что АРП Г. Геринга (5,6%) на 0,2 меньше верхней границы доверительного интервала, мы полагаем возможным отнести его к диагностирующим, поскольку он значительно превышает показатели представителей других политических групп, кроме П. фон Гинденбурга. Как мы помним, частый выбор плана обязательного нереализованного события обнаруживает скрытую интенцию говорящего сконструировать будущую действительность как обязательную и спровоцировать аудиторию на определенные действия. Очевидно, что абсолютное большинство национал-социалистов неосознанно позиционирует себя среди своих политических противников как уверенных, убежденных политиков, которые четко представляют, как может (план нереализованного

возможного события) и должна (план нереализованного обязательного события) складываться ситуация. Более того, путем оценивания нереализованного события как обязательного они моделируют «возможный мир», где должна и будет править НСДАП, как однозначный и неотвратимый путь развития событий, воздействуя тем самым на аудиторию на неосознаваемом уровне и побуждая избирателей к выбору «правильной» партии.

Если мы сравним полученные нами данные с результатами выборов с 1930 по 1932 г., то мы увидим, что национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП) во главе с А. Гитлером повысила число своих мандатов в парламенте с 107 до 230, став сильнейшей фракцией. Тогда как коммунистическая партия сумела увеличить количество своих мест с 77 до 89, а центристы с 87 до 97 (см. табл. 2). В 1933 г. на выборах в Рейхстаг НСДАП получила 43,9 % голосов. Это больше, чем любая другая партия по стране [20. С. 65].

Таблица 2

Wahlen zur Nationalversammlung (1919) und zu den Reichstagen

	19. Jan 1919	6. Juni 1920	4. Mai 1924	7. Dez. 1924	20. Mai 1928	14. Sept. 1930	31. Juli 1932	6. Nov. 1932	5. März 1933
NSDAP*	Stimmen in Tausend		1918	907	810	6409	13745	11737	17277
	Mandate	Prozent	32 6,5	14 3,0	12 2,6	107 18,3	230 37,3	196 33,1	288 43,9
DNVP	3121	4249	5696	6206	4381	2458	2177	2959	3136
	44 10,3	71 15,1	95 19,5	103 20,5	73 14,2	41 7,0	37 5,9	52 8,3	52 8,0
DVP	1345	3919	2694	3049	2679	1578	436	661	432
	19 4,4	65 13,9	45 9,2	51 10,1	45 8,7	30 4,5	7 1,2	11 1,9	2 1,1
Zentrum und BVP	5980	5083	4860	5253	4657	5132	5781	5325	5499
	91 19,7	85 18,0	81 16,6	88 17,3	78 15,2	87 14,8	97 15,7	90 15,0	92 13,9
DDP seit 1930 DStP	5641	2333	1655	1920	1505	1322	371	336	334
	75 18,5	39 8,3	28 5,7	32 6,3	25 4,9	20 3,8	4 1,0	2 1,0	5 0,9
(M)SPD	11509	6104	6009	7881	9153	8577	7959	7248	7181
	165 37,9	102 21,7	100 20,5	131 26,0	153 29,8	143 24,5	133 21,6	121 20,4	120 18,3
USPD	2317	5046	235	99	21	-	-	-	-
	22 7,6	84 17,9	- 0,8	- 0,3	- 0,1	-	-	-	-
KPD	-	589	3693	2709	3264	4592	5283	5980	4848
	-	4 2,1	62 12,6	45 9,0	54 10,6	77 13,1	89 14,3	100 16,9	81 12,3
Sonstige	483	869	2518	2365	4298	4821	1126	1176	634
	7 1,6	9 3,0	29 8,6	29 7,8	51 14,7	72 13,9	11 3,1	12 3,3	7 1,6
Wahlbeteiligung	83,0	79,2	77,4	78,8	75,6	82,0	84,1	80,6	88,8
Abgeordnete	423	459	472	493	491	577	608	584	647

Parteien: NSDAP = Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei; DNVP = Deutschnationale Volkspartei; DVP = Deutsche Volkspartei; Zentrum = Deutsche Zentrumspartei; BVP = Bayerische Volkspartei; DDP = Deutsche Demokratische Partei; DStP = Deutsche Staatspartei; (M)SPD = (Mehrheits-)Sozialdemokratische Partei Deutschlands; USPD = Unabhängige Sozialdemokratische Partei Deutschlands; KPD = Kommunistische Partei Deutschlands

* 1924: NS-Freiheitsbewegung

nach Heinz Höhne, Die Machtergreifung, Rowohlt, Reinbek bei Hamburg 1983, S. 39 und Eberhard Kolb, Die Weimarer Republik, Oldenbourg, München 2002, S. 308

(из Sturm 2011: 65)

Табл. 2 иллюстрирует результаты выборов в национальное собрание и рейхстаг с 1919 по 1933 г. В крайнем левом столбце помещены партии, участвовавшие в выборах: NSAP – НСДАП (национал-социалистическая рабочая партия Германии), DNVP – НННП (немецкая национальная народная партия), DVP – ННП (немецкая народная партия), Zentrum und BVP – Партия Центра и БНП (Баварская народная партия), DDP seit 1930 DStP – НДП (немецкая демократическая партия) с 1930 г. НГП (немецкая государственная партия), (M)SPD – СДПГ (социал-демократическая партия Германии), USPD – НСДПГ (независимая социал-демократическая партия Германии), KPD – КПГ (коммунистическая партия Германии), Sonstige – прочие, а также Wahlbeteiligung – количество участников, Abgeordnete – депутаты. В верхней строке расположены даты выборов. Числовые обозначения в остальных графах означают количество голосов в тысячах, количество мандатов и процентное соответствие полученных мест.

Среди оппонентов национал-социалистов явно выделяется П. фон Гинденбург. Его абсолютный речевой показатель плана нереализованного обязательного события является самым высоким не только в группе беспартийных политиков (то есть баллотировавшихся на выборы самостоятельно, а не от какой-либо партии), но и среди всех исследуемых ораторов (8,3 %, ср. у Геббельса – 6,3 %, СРВ – 4,4 %). Актуализируя в своей речи данный субплан, Гинденбург активнее других исследуемых политиков моделировал будущее в своих выступлениях. Сопоставив полученные нами данные с результатами выборов рейхспрезидента в 1932 г., на которых наиболее сильными кандидатурами считались П. фон Гинденбург, А. Гитлер и Э. Тельман, мы увидим, что П. фон Гинденбург занял первое место, набрав 53,1 % голосов. За ним последовал Адольф Гитлер – 36,7 %, а третье место занял Эрнст Тельман с 10,1 % голосов [19].

Итак, выяснилось, что моделирование будущей действительности в речи происходит не только на осознаваемом, но и на неосознаваемом уровне при помощи речевых стратегий скрытого воздействия. Речевая стратегия, рассматриваемая в рамках скрытой прагмалингвистики, понимается как сложное многоаспектное коммуникативное явление, реализующееся на акциональном и текстуальном уровне, в основе которого лежит интуитивный выбор лингвистических единиц, грамматиче-

ских и текстуальных категорий. Осуществление этого выбора не осознается ни адресантом, ни адресантом, так же, как и воздействующий эффект этого выбора не осознается ими. Для исследования моделирования альтернативной будущей действительности на неосознаваемом уровне продуктивной является стратегия «вероятностное оценивание автором речевого события как реального/ нереального». Прагмалингвистический анализ речевого поведения национал-социалистических политиков Германии по данной стратегии подтвердил нашу гипотезу о том, что, немецкие национал-социалисты активнее конструировали будущую действительность в речи как неотвратимую и транслировали ее на интуитивном уровне, выбирая в своих выступлениях речевые маркеры субплана нереализованного обязательного речевого события чаще, чем представители других политических групп в период 1930–1933 г. Тем самым они, как отдельная политическая группа, оказывали мощный воздействующий эффект на политические взгляды избирателей.

Список литературы

1. Лассан, Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995. 232 с.
2. Матвеева, Г. Г. Основы прагмалингвистики / А. В. Ленец, Г. Г. Матвеева, Е. И. Петрова. М., 2013. 232 с.
3. Лесняк, М. В. Перспективы исследования «языка национал-социалистов» или прагмалингвистический подход к изучению речевого поведения национал-социалистических политиков // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2013. № 2. С. 49–55.
4. Лесняк, М. В. Тактика «Создание светлого будущего» в политической коммуникации // Полит. лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 117–123.
5. Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 1993. 264 с.
6. Матвеева, Г. Г. Нюансы смысла в скрытой прагмалингвистике // Филолог. вестн. Ростов. гос. ун-та. 1998. № 2. С. 28–32.
7. Матвеева, Г. Г. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя // Личность, речь и юридическая практика : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. Ростов н/Д., 2003. С. 122–128.

8. Матвеева, Г. Г. Современное состояние прагмалингвистики / Г. Г. Матвеева, И. В. Самарина, Л. Н. Селиверстова // Диагностирование языковой личности и речевое поведение политика. Ростов н/Д., 2009. С. 7–51.
9. Миронова, П. О. Стратегия редуционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. 184 с.
10. Моисеенко, Л. А. Речевое поведение авторов военных мемуаров и диагностирование их индивидуальных свойств : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2000. 165 с.
11. Нужнова, Е. Е. Прагмалингвистический аспект речевого поведения специалистов в области компьютерной техники : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2003. 163 с.
12. Пишкова, Е. Ю. Прагмалингвистическое диагностирование речевого поведения кандидатов в президенты США (на материале предвыборного дискурса) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2007. 195 с.
13. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004. 293 с.
14. Солопова, О. А. Метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе Великобритании // Полит. лингвистика. 2005. № 16. С. 102–115.
15. Чуриков, М. П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2005. 168 с.
16. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.
17. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 88–99.
18. Якобсон, Р. Избранные работы. М., 1985. 455 с.
19. Reichspräsidentenwahl 1932 [Электронный ресурс]. URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Reichspr%C3%A4sidentenwahl_1932.
20. Sturm, R. Informationen zur politischen Bildung 261 Weimarer Republik [Электронный ресурс]. URL: www.bpb.de/.../bpb_Informationen_Weimarer%20Republik_barrierefrei.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-34-01256

Анализируются виды электронных ресурсов, позволяющих ученому всесторонне исследовать уникальные источники русской письменности XI–XX вв.

Ключевые слова: *источниковедение, лингвистические электронные источники, использование электронных ресурсов в научных исследованиях.*

Новым направлением в лингвистическом источниковедении в начале XXI в. стало создание электронных ресурсов, на которых размещаются древние тексты, исторические словари и представлено научное освещение памятников письменности как в синхронии, так и в диахронии. Современный ученый-историк русского языка и славянских языков в целом при исследовании материалов памятников письменности сталкивается с проблемой выбора варианта текста, позволяющего наиболее адекватно сделать достоверные выводы о том или ином языковом процессе:

– анализировать транслитерированный и опубликованный другим ученым текст, в котором могут быть фактические ошибки при передаче текста, пропуски слов, букв и др.;

– изучать фотокопии/ ксерокопии, часто невысокого качества из-за запрета включать вспышку, из-за цвета бумаги памятника, пятен, выгоревших чернил;

– рассматривать цифровую копию текста, выложенную в Интернете в подлинном виде, без перевода, деления на слова и предложения и пр.

В основном именно современные электронные ресурсы Академии наук РФ, Института русского языка им. В. В. Виноградова, Пушкинского дома, Института лингвистических исследований являются источником изучения русской письменности, так как древний текст приводится в оригинальном виде, что обеспечивает правильность его прочтения независимо от типа письма (устав, полуустав, скоропись), почерка писца, дает возможность сопоставить текст с другими списками, выявить разночтения, особенности орфографии и графики, установить количество авторов. Качество изображения листов, работа над трудночитаемыми местами в графических редакторах, доступность для ученого любого уровня

делает электронные библиотеки текстов уникальнейшими лингвистическими источниками для описания феномена русской культуры от момента появления русской письменности до сегодняшних дней. Самое главное, нивелируются проблемы, многие годы мешавшие изучению древних текстов: удаленность ученого от центральных архивов и библиотек, сложности в получении допуска к уникальным, единичным текстам ранних периодов.

В современном информационном Интернет-пространстве можно выделить следующие виды электронных ресурсов:

1) цифровые варианты целых текстов разных веков, отдельные иллюстрации из памятников письменности;

2) справочная литература: этимологические, исторические, тематические словари, энциклопедии разных периодов и авторов;

3) научная литература: статьи, монографии, учебники, итоги полевых работ и пр.

4) официальные сайты научных организаций, на которых публикуются новости, ведется дискуссия по отдельным вопросам, работает «Служба языка», существует научный форум.

Так, использование Интернет-ресурсов облегчило процесс прохождения архивной практики студентами-филологами. Овладение культурой чтения скорописных текстов, их транслитерация и накопление знаний для последующего лингвистического анализа и первых научных выводов проходит без посещения архивов, многие фонды которых закрыты. Материалом для практических занятий служат электронные варианты центральных и провинциальных памятников письменности, подобранные так, чтобы дать представление о времени их создания и диалектной принадлежности их писцов. Знакомство с подлинниками устраняет обезличенность исторического текста. Студенты, аспиранты, ученые могут легко

представить человека, создавшего уникальный древний текст: мы видим почерк писца, пометки, исправления, использование цвета и иллюстраций, особенности писчего материала, например, Радзивилловская летопись: <http://radzivil.chat.ru/>; Миниатюры из Радзивилловской летописи: <http://www.mmedia.nsu.ru/art/>.

Использование одновременно материалов разных архивов и книгохранилищ как в России, так и за рубежом, сравнение списков одного и того же текста, дословные переводы делают современные научные работы особенно ценными и более объективными. Эффективным при изучении древних языков является обращение к следующим порталам и сайтам:

– Санкт-Петербургское Общество византийско-славянских исследований Βυζαντινιστικα: http://byzantinorossica.org.ru/PS_Publications.html;

– Сборники древних текстов «Titus»: <http://titus.uni-frankfurt.de>;

– Славянское письменное наследие «Манускрипты»: <http://mns.udsu.ru/>;

– Тексты на греческом, коптском, латинском языке, параллели со славянскими текстами: <http://rosetta.reltech.org/TC/Ebind/docs/TC/>.

Привлечение древних текстов разных веков в полном объеме помогает языковедам выявить особенности текстообразования, влияние узаконенных норм на узуальные нормы языка, пути формирования функциональных стилей и жанров текстов, уточнить лексическое значение слов в контексте, способы выражения мыслей и чувств человека, способы описания окружающего мира, представить феномен славянской культуры и азбуки, код нации.

Многие региональные архивы и библиотеки в связи с плохим состоянием текстов, поражением их грибок создают библиотеку электронных дореволюционных рукописных и печатных изданий, что, конечно, облегчает доступ к лингвистическим источникам. При этом технические возможности компьютера помогают прочитать нечетко написанные слова, зачеркнутые слова. Знакомство с местными памятниками письменности и их анализ воспитывают чувство приобщенности к истории родного края. Регулярно пополняется электронная библиотека сайтов Челябинской областной научной библиотеки <http://chelreglib.ru/ru/>, Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской <http://orenlib.ru/>. Студенты, краеведы, филологи, историки читают дореволюционные до-

кументы, периодические издания, привлекают аудиовизуальные документы разных лет и др. Региональные тексты все больше и больше становятся объектом исследования в научных работах разных ученых, в курсовых и дипломных работах студентов. Подобные научные электронные библиотеки древних текстов, научной, военной литературы, карт, схем, газет, журналов оказались востребованы не только узкими специалистами, но и людьми, интересующимися историей России и своего региона, семьи, формированием русской письменности. Появилось огромное количество сайтов, на которых люди выкладывают материалы, хранящиеся в семейных архивах, в краеведческих музеях и маленьких архивах огромной страны, что делает этот единственно сохранившийся экземпляр текста доступным для всех¹.

Использование электронных версий памятников позволяет находить не только отдельные лингвистические источники, но и группы подобных источников. Анализ названий и материалов сайтов в поисковых системах демонстрирует достаточную полноту выборки, помогает составить информативную характеристику². Так, портал «Национальный корпус языка и преподавание» представляет язык во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов с XVIII в. по настоящее время.

Библиотеки словарей, недоступные еще семь лет назад в провинции в полном объеме (отсутствие денежных средств у библиотек на их приобретение, нерегулярное издание томов, несохранившиеся издания XVIII–XIX вв.), сегодня дают возможность сконструировать языковую картину мира XI–XXI вв. в динамике, провести семантический и этимологический анализ слов по всем существующим словарям, проследить развитие деэтимологизации в русском языке, выявить словообразовательные связи слов и их изменение во времени и др.

Интернет-публикации оперативно оповещают мир об открытиях, современные технические средства помогают показать находку всему миру в первоизданном виде. Ученые разных стран получают доступ к уникальным памятникам письменности, вступают в дискуссии, к которым может быть привлечен любой участник Интернет-общения. Так, сообщение о находке в Новгороде 13 июля 2000 г. в пластах первой четверти XI в. трех деревянных (липовых) дощечек размером 19x15x1 см., перевернувшей всю теорию о появлении русской пись-

менности, сразу же появилось в Интернете. По мере научного изучения «Новгородского кодекса (псалтыря)», или «Воскового кодекса», на официальных сайтах о новгородских грамотах, Академии наук РФ сообщались новые данные. «Результаты дендрохронологического анализа, радиоуглеродный анализ воска в Швеции подтвердили: дата создания книги не позднее 1010 г. (1015 г. ± 35 лет)»; установлен автор этого самого первого древнерусского памятника – монах Исаакии, причем принадлежащий к еретическому религиозному направлению, выявлены лингвистические особенности самого раннего древнерусского текста.

Электронные библиотеки текстов разных веков, этимологических и исторических словарей, научных работ представителей разных исследовательских школ как России, так и других стран позволяют современным ученым на каждом этапе изучения становления русского национального языка, оформления его языковых черт, нормализации, стилистической дифференциации, жанрового расслоения выбирать новый аспект исследованиям славянской культуры и письменности.

Примечания

¹ Раздел «Хранители и антиквары» [Электронный ресурс]. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4126653>

² Параллельный корпус переводов «Слово о плъку Игореву» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nevmenadr.net/slovo/> ; Сборникъ. Собрание книг кирилловской печати [Электронный ресурс]. URL: www.sobornik.ru/index.htm ; Электронный сводный словарь древнерусских памятников для дополнения базы данных Словаря русского языка XI–XVII вв. [Электронный ресурс]. URL: www.eslovvnik.ru ; Электронный «Theasaurus Linguae Graecae» [Электронный ресурс]. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu> ; Образовательный портал Слово. Филология. История языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/> ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Этимология и история слов русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://etymology.ruslang.ru>.

³ Зализняк, А. А. 1) Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси / А. А. Зализняк, В. Л. Янин // *Вопр. языкознания*. 2001. № 5. С. 3–25 [pdf 2 Mb: основной текст и исследование]; 2) Тетралогия «От язычества к Христу» из Новгородского кодекса XI в. // *Рус. яз. в научном освещении*. 2002. № 2 (4). С. 35–56 [pdf 421 kb, OCR: скрытые тексты], Фотокопия 1-й страницы [857 kb, 300 dpi, серый].

ТРАДИЦИОННЫЙ СТИЛЬ, СЮЖЕТ И ЭПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНИЧЕСКОМ КНИЖНОМ ДАСТАНЕ О ТАХИРЕ И ЗУХРЕ

Раскрывается промежуточное положение книжного дастана о Тахире и Зухре между фольклором и литературой, рассматривается роль и значение эпических сюжетов и мотивов в произведении.

Ключевые слова: сюжет, произведение, стиль, мотив, традиция, вариант, дастан «Тахир и Зухра», письменный, фольклор.

«Тахир и Зухра» – один из любимых эпических сюжетов среди тюркских народов. Любовно-романические произведения на этот популярный сюжет в нескольких вариантах имеются у узбекского, уйгурского, балкарского народов; азербайджанцы, турки, казахи, туркмены, башкиры гордятся своими версиями дастана.

Произведение широко распространено и у татар. На сегодняшний день количество известных вариантов татарской версии превышает более десятка. Интересен тот факт, что в местах проживания татар рукописи дастанных текстов на сюжет «Тахир и Зухра» археографами обнаруживаются и сегодня, и этот факт лишний раз доказывает, что дастан в свое время был весьма популярным. Рукописи татарских вариантов дастана, посвященных Тахиру и Зухре, хранятся в архивах Казанских научных центров, в том числе в Центре письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ [1]. Этот сюжет существует уже несколько веков в Поволжье и Сибири, где живут носители эпической культуры татар.

Главная особенность татарской версии в том, что дастан в Поволжье сохранился в основном в рукописной форме. Справедливости ради надо отметить, что отрывки из дастана (в основном они зафиксированы фольклористами как «Песнь Тахира» или же «Песнь Тахира и Зухры» [2. С. 381]) среди татарского народа бытовали и в устной форме. Естественно, такие образцы устно-поэтического творчества очень важны при изучении дастана в целом. Эти краткие образцы являются примером переосмысления, перенаправления эпического стиля и сюжета в духе лирического. Они свидетельствуют о том, что содержание сказания о Тахире и Зухре татарам Поволжья было известно с давних времен. Но в отношении полного исполнения дастана на сюжет «Тахир и Зухра» в Поволжье нет ни одного факта или источника,

утверждающего обратное. Здесь этот сюжет не зафиксирован как запись от того или иного информанта в виде объемного произведения устного народного творчества. Среди татарского населения Поволжья сюжет о Тахире и Зухре существует как письменный текст в различных вариантах. В то же время у сибирских татар вариант этого же дастана записан В. Радловым полностью из уст народа, следовательно, среди сибирских татар он полностью бытовал и устно. Такая разнородность формы бытования сюжета у одного и того же народа – это и есть обратная связь с фольклором в отношении данного сюжета. А преобладание письменного распространения дастана – результат развития книжного вида [3. С. 76–80] в эпическом жанре среди поволжских татар.

Неизвестна точная дата возникновения этого сюжета. Считается, что легенды о трагической судьбе Тахира и Зухры впервые обработаны поэтом, известным под псевдонимом Саяди. Сведения об этой личности не сохранились. Информацию о нем можно узнать лишь по скудным сведениям, сохранившимся в стихотворных строчках самого дастана. Не сохранились также и собственноручно написанные рукописи самого Саяди, текст дошел до наших дней в списках других творческих личностей, которые занимались списыванием и переписыванием дастанных текстов [4. С. 337–340]. В данной статье обратим внимание на вариант Саяди с точки зрения соотношения в нем устно-поэтических и литературно-письменных традиций.

Произведение, известное под авторством Саяди, написано на древнем общетюркском языке. Сюжетный состав произведения является традиционно-народным. Это удивительно поэтичный, выразительный роман в стихах, посвященный искренне полюбившим друг друга Тахиру и Зухре. Произведение разделено на главы, названия которых охватывают пол-

ную информацию о содержании раздела. Всего таких поэтических глав более ста.

В первой главе автор обращается к Аллаху, дает сведения о себе, извещает читателя о том, что расскажет кыссу о славном хане Бабахан. Автор будто созывает слушателей, собирает аудиторию, меняя при этом стиль своего рассказа. Первые строчки при обращении к Аллаху, рассказе об авторе даны стихами размером 15x15:

Сайади мин, билгеледер, догам дэрткэ дэрмандыр,

Эчемдэ мең татлы хыял, бер балам-жанашым юк.

(Я – Саяди, известно, что мои молитвы мне дают силу,/ во мне тысяча сладких мечтаний, нет у меня любимого дитя. – Здесь и далее перевод автора – Л. М.).

А призыв послушать кыссу о Бабахане приводится уже совершенно другим размером стихосложения – 11x11:

Ай-хай, дуслар, ишетик бер хикэйэт,

Эчендэ сүзләре бар чиксез гаять.

Бабахан дигән бер шаһ бар иде,

Аның иле-шәһәре Татар иде.

(Эй, друзья, давайте послушаем хикаят./ В содержании которого есть бесчисленное количество слов./ Был один шах, которого звали Бабахан./ Его страна и город имели название Татар).

Такой резкий переход от одного стиля к другому не свойственен литературным поэмам, подобная структура текста скорее всего встречается в фольклоре. Обособленность в дастане отдельной части произведения как «хикайят», передача диалогов и монологов с предисловием («Таһирның хикэйәте (Хикайят Тахира)», «Ул жырлап эйтте (Он (она) песнью сказывал(а))... – и так далее) также приближает творчество Саяди к дастанным эпическим текстам татарского народа. «Обособление определенной части сюжета под наименованием «хикайят» – элемент общетюркского эпоса...» [5. С. 63]. Таким образом, стиль произведения подсказывает, что дастан основывается на фольклорных традициях.

Фольклор в данном варианте дастана проявляется и в преобладании в сюжете эпических мотивов. Например, важную роль в построении сюжета играет весьма популярный в эпосе мотив бездетности. У Бабахана большое горе – нет ребенка. Преданный везирь Бабахана Бахир просит у Аллаха ребенка для своего хана. Заодно просит и для себя. В тот же день

он видит вещий сон, по которому узнает, что милостивый Аллах удовлетворил его просьбу, и у хана, и у него самого в скором времени жены родят детей.

Сновидения, гадание снов – мотив, также широко распространенный в фольклоре. Можно было бы привести множество примеров из сказочного и дастанного эпоса татарского народа, где богатырское будущее героя предсказывает сон; с помощью сновидений герой выходит на поиски невесты и так далее. Этот древний мотив в народном творчестве обычно используется с целью создания интриги вокруг событий, связанных с героем, сопровождается магическими элементами и глубоко связан с мифологией, с желанием человека получить весть из будущего.

В данном же дастане мотив о сновидениях и гаданиях снов всегда находится под строгим распоряжением Аллаха, то есть смешан с традицией ислама; приводится не как магический элемент, а как предначертанность судьбы Всевышним [6. С. 19] и играет эмоционально-эстетическую роль в развитии сюжета. Сновидение и гадание через сны, затем беспрекословное подчинение предсказанному в снах – такое решение сюжета весьма распространено в письменных памятниках древней и средневековой общетюркской литературы. Множество примеров тому можно найти в творчестве Кул Гали, Сайф Сараи, Кутб и др.

Следовательно, сновидение и все действия героя, связанные со сновидением – общий мотив и для эпического фольклора, и для древневосточной литературы. В дастане о Тахире и Зухре этот известный мотив участвует не в чисто архаико-эпичном виде, здесь он встречается несколько видоизмененным. Это результат усвоения книжными дастанами не только литературных сюжетов, но и литературных средств [7. С. 137–141], а также преобразование народного эпоса на письменно-литературный лад, включение в эпический текст литературных коллизий.

В произведении совершенна система образов. Остановимся на образе Саяди, имя которого упоминается в нескольких местах и тем самым занимает достойное место в дастане. С одной стороны Саяди – автор, с другой – лирический герой, приглашающий на беседу. Своим явным участием в дастане образ Саяди играет роль передатчика дастанных событий слушающей аудитории, то есть приобретает роль сказителя:

Кил, и Сайад, син башла бу дастаның,
Кыш алдыннан ачылганын бакчаның.
(О, Саяд, иди и начни свой дастан,/ Открой
нишу событий, как зимой открывается летний
сад).

Саяди при каждом возможном случае выражает свое отношение к событиям, которые происходят в дастане. Такой прием служит определенной рамкой для построения сюжета дастана в варианте автора, обеспечивая устойчивость структуры произведения.

Сюжет дастана Саяди следует к более древнему народно-эпическому сказанию «Кузы Курпяч и Баян-сылу», широко известному в башкирском, татарском и другом народном творчестве. В некоторых эпизодах эти два дастана буквально перекликаются. Отличие вот в чем: если в устном сказании речь идет о жизни кочевых ханов, в книжном дастане Саяди все события происходят в условиях средневекового феодального города; дастан о Кузы в основном бытует в прозаической форме, а Саяди свое произведение представляет в поэтической форме, используя при этом эпические мотивы в переработанном письменном виде в соответствии с литературными требованиями своего времени.

Итак, дастан Саяди написан в духе традиционного тюркского эпоса. Произведение основывается на эпических мотивах, которые бытовали в устных народных сказаниях. Однако сюжет дастана тщательно выверен рукой творческой личности. По переработанному стилю, композиции произведения, построению сюжета, литературной интерпретации эпических мотивов следует сделать вывод, что автор хорошо знаком и с литературно-письменной традицией. Произведение имеет и фольклорные, и литературные корни. В нем гармонично сочетается индивидуальное и традиционное. Вариант

Саяди – это полуфольклорное, полулитературное творчество, где учтены и фольклорные, и литературно-письменные закономерности.

Список литературы

1. См.: Фонд Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, колл. 39, ед. хр. 4896, 1861, 2811, 2016 и др.
2. См.: Татар халык ижаты. Дастаннар. Казан, 1984.
3. См.: Мухаметзянова, Л. Х. Соотношение индивидуального и традиционного в романтическом книжном дастане татар «Лейля и Маджнун» // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 76–79.
4. См. подробнее о переписчиках дастанных текстов: Мухаметзянова, Л. Х. Роль информанта – носителя эпической традиции в книжных дастанах татар Поволжья в популяризации национального эпоса // Вестн. Чуваш. ун-та. 2012. № 2. Гуманитарные науки. С. 337–341.
5. Мухаметзянова, Л. Х. Книжные дастаны поволжских татар: проблема «границы» жанровых названий в народном творчестве // Вестн. Адыг. гос. ун-та. 2012. Серия 2. Филология и искусствоведение. Вып. 1. С. 42–46.
6. См.: Закирова, И. Г. Мотив «написанной» судьбы в тюркском фольклоре // Вестн. Адыг. гос. ун-та. 2010. Серия 2. Филология и искусствоведение. Вып. 4. С. 16–19.
7. См. подробнее о традиции преемственности в татарской поэзии: Хасанова, Ф. Ф. Традиции и преемственность в татарской поэзии // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 16 (307). Филология. Искусствоведение. Вып. 78. С. 137–141.

ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ РАЗГОВОРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Рассматривается наиболее значимый стилистический пласт – разговорная фразеология в английском, немецком, языках. Предпринимается попытка анализа функционирования разговорной фразеологии в языке художественных произведений.

Ключевые слова: разговорная фразеология, стилистический пласт, устная речь, экспрессивность, окрашенность.

Анализ научной литературы о фразеологии различных языков приводит к утверждению о том, что большая часть фразеологизмов относится к пласту разговорного стиля. По мнению исследователей фразеологии, область применения таких фразеологизмов – «бытовое общение, устная форма диалогической речи» [3. С. 65].

В функционально-стилистическом аспекте мы ограничиваем рамки исследования разговорных ФЕ в зависимости от употребления их в различных ситуациях, то есть рассматриваем данные ФЕ, классифицируя их на тематико-ситуативные группировки, что позволяет шире и полнее описать экспрессивно-эмоциональную окрашенность фразеологизмов.

Разговорная фразеология и ее разнообразные признаки исследованы слабо. Ф. П. Филин еще в 70-е гг. писал: «как разговорно-литературная речь, так и просторечие, в отличие от письменно-литературного языка и местных говоров, изучены очень плохо» [5. С. 48].

К разговорным относятся несколько сниженные фразеологические единицы, преимущественно свойственные устной речи и языку художественных произведений и отличающиеся непосредственностью, неофициальностью, непринужденностью. Литературная сниженность, свойственная разговорным фразеологизмам, является их семантическим признаком. Для различных групп разговорных фразеологических единиц характерны такие семанτικο-стилистические признаки, как бытовой характер, обыденность, фамильярность, незначительная развязность, резкость. Примеры:

Англ. *nutty as a fruitcake* – чокнутый, с приветом. *She's nutty as a fruitcake. If she gets in here we won't get out for two ours* (F. Knebel). «Она “с приветом”. Если она зайдет сюда, нам не выйти на два часа». *Knock into a cocked hat* – разнести в пух и прах. *Your plans for the summer have knocked my plans into a cocked hat* (M. Wilson). «Твои планы на лето разбили мои планы вдребезги».

Нем. *Es geht j-m an den Kragen* – дело плохо: *Wer kann da lustig sein, wenn es einem an den Kragen geht* (Gebr. Grimm). «Попробуй-ка быть веселым, когда рискуешь головой». *J-n hinwünschen, wo der Pfeffer wächst* – посылать кого-л. куда подальше: *Wegener war ungeduldig. Er wünschte der Mann dahin, wo der Pfeffer wächst* (St. Hermlin). «Вегенеру стало невтерпез. Мысленно он посылал этого человека ко всем чертям».

Непринужденность, понимаемую очень широко, П. Г. Черемисин считает основным показателем разговорности [6. С. 33]. Однако с этим трудно согласиться. Основное в разговорных фразеологизмах – это литературная сниженность, непринужденность, как и некоторая вольность, фамильярность и т. п.

Одна из особенностей разговорного стиля заключается в избыточности, что не раз отмечалось лингвистами, в частности, Ю. Ю. Авалиани. Избыточность во фразеологизмах при общей сжатости выражения мысли проявляется в основном в повторах: *ой, ой, ой; ну и ну*. Характерную особенность многих разговорных фразеологизмов составляет эллиптичность, которая вообще свойственна разговорному стилю, на что уже обращали внимание языковеды [1. С. 78].

Характерная особенность разговорных фразеологизмов состоит также в выражении различных оценок – ласки, шутки, иронии, пренебрежения и т. п. Оценочная функция – одна из существенных стилистически окрашенных функций. На эту особенность указывали акад. В. В. Виноградов, В. Л. Архангельский и др. В. П. Жуков писал: «Основным, существенным элементом фразеологического значения является оценочное значение, посредством которого передаются постоянные устойчивые признаки и свойства лица или предмета. ... Первичной функцией фразеологизма является не номинативная, а оценка действительности, тогда как слову в первую очередь при-

суща функция наименования вещей, явлений, свойств» [3. С. 53].

Как и другие стилистически значимые пласты, разговорный фразеологический пласт обладает образностью, но в отличие от них эта образность – предметная, вещная, конкретная. Образность разговорных фразеологизмов основана на представлении о животных, птицах, насекомых, растениях, органах человеческого тела, бытовых предметах, явлениях окружающей действительности и т. п.

Для наименования разговорной фразеологии существует немало терминов: устно-фамильярная, литературно-разговорная, разговорно-бытовая, устно-разговорная, разговорно-народная, разговорно-просторечная и т. п.

Многие из них свидетельствуют о не разграничении разговорной и просторечной фразеологии. Разговорная фразеология представляет собой наиболее распространенный стилистический пласт фразеологизмов, что отмечалось рядом исследователей. Развитие языка происходит в живой речи, поэтому естественно, что разговорные фразеологизмы, возникшие и функционирующие в этой речи, наиболее распространены и по сравнению с другими пластами. Чрезвычайную продуктивность исследуемой фразеологии можно объяснить и тем, что краткие мелкие изречения, фразеологизмы представляют собой отличительную особенность народной речи.

Анализируемая разновидность фразеологии – существенная составная часть разговорной речи, понимаемая как непринужденная речь носителей литературного языка. Это четвертое значение термина «разговорная речь» в трактовке Е. А. Земской [4. С. 51].

Разговорные фразеологизмы обладают самыми многочисленными признаками, что объясняется их исключительной распространенностью. Для разных структурных и тематических групп разговорных фразеологизмов характерны своеобразные признаки. Все признаки рассматриваемых фразеологизмов делятся на лексические, структурно-синтаксические, морфологические, фонетические и семантические.

Весьма существенны многочисленные лексические признаки разговорных фразеологизмов. Среди них разговорные и просторечные слова, бытовые слова и близкие к бытовым профессиональные слова, наименования растений и животных [2. С. 17]. Слова этих стилистических и тематических групп образуют семантическое ядро разговорных фразеологизмов.

Характерный признак анализируемых фразеологизмов состоит в том, что в их состав обычно входят слова с конкретным значением.

К данной группе фразеологизмов относится большой спектр распространенных в бытовой сфере жизни фразеологизмов. Таким образом, фразеологические единицы, принадлежащие к данному классификационному полю, образуют большую группу выражений, имеющих специфическую стилистическую, лингвокультурную, семантическую особенность.

Разговорно-бытовым фразеологизмам присущи экспрессивность, национальная окрашенность, поэтому они широко используются в языке художественной литературы, особенно в речи того или иного персонажа для создания живого, яркого эмоционального языка и определенной речевой характеристики действующего лица. Например:

Англ. *dull as ditch water* – невыносимо нудный, скучный. You gave me books to read. But I couldn't read them: they are as *dull as ditch water* (G. B. Shaw). «Книги, которые ты отдал мне, я не смог прочитать: они невыносимо скучные». *Get into hot water* – запутаться, «влипнуть». The young ladies'll *get into hot water* if they go round with Bill Gough (K. S. Prichard). «Барышни попадут в беду, если свяжутся с Биллом». *Break the bank* – сорвать большой куш. Haven't seen him for ages. Last time he *broke the bank* at the casino and walked away with a lot of money. «Сто лет его не видывал. В прошлый раз он сорвал большой куш и ушел отсюда с карманами, полными денег».

Нем. *den Kopf hängen lassen* – повесить голову: ... und wäre das verdammte Geld nicht, so hätte ich *den Kopf noch weniger hängen lassen*, als ich getan. (Th. Fontane). «... и не будь этих проклятых денег, я бы тогда не пришел в такое уныние». *Aus der Fassung geraten* – потерять дар речи: Als er mir dann noch sagte, dass er in 14 Tagen heiraten will, und dass seine Freundin schon ein Kind von ihm erwartet, da *geriet* ich völlig *aus der Fassung*. «Когда он мне сказал, что через две недели женится, и что его девушка ждет от него ребенка, я потерял дар речи».

Фразеологизмы разговорно-бытового характера являются наиболее широкой, наиболее универсальной разновидностью литературного языка. Как отмечает Ю.Ю. Авалиани, к фразеологизмам разговорно-бытового характера относятся, в первую очередь, фразеологические обороты, которые возникают в условиях непринужденного и постоянно возобновляю-

щего, непосредственного общения между членами коллектива в повседневных ситуациях. Сходные ситуации этого общения порождают одинаковые реакции говорящих индивидуумов, закрепленные в устной речи [1. С. 51].

В произведениях многих писателей обнаруживаются обычно яркие, стилистически окрашенные фразеологизмы. Оценочные суждения чаще содержатся в высказываниях героев. Герои многих произведений – люди из народа, простые, порой грубоватые. В их разговоре используются фамильярно-просторечные, порой арготические выражения. Писатели употребляют разговорно-бытовую фразеологию для стилизации авторской речи, под речь народа той среды, которую они изображают в своих произведениях. Они выбирают из народно-разговорной речи наиболее типичные и национально-самобытные фразеологические выражения. Разговорно-бытовая фразеология занимает основное место в творчестве писателей, так как является сферой реализации глубинных возможностей, заложенных в системе языка.

Большинство разговорных фразеологизмов употребляются в диалогической речи персонажей, поскольку диалогическая речь является одной из важных форм реализации речевой коммуникации носителей того или иного языка.

Англ. *get off smb.'s back* – оставить кого-либо в покое. ‘Say, whose side are you on? ‘Your side, Colonel, what other side could I be on?’ ‘Then stop picking on me. *Get off my back* (J. Heller). «Скажи-ка, на чьей ты стороне?» «На вашей стороне, полковник; на чьей же стороне я могу быть?» «Тогда не придирайся. Оставь меня в покое». *I'm your man* – я к вашим услугам: ‘I'm going to town tonight, Prew,’ he said. ‘You want to go alone?’ ‘Buddy,’ Prew said. ‘*I'm your man.*’ (J. Jones). «Сегодня вечером я собираюсь в город, Прю», – сказал он. «Хочешь ехать один? Дружище, я в твоём распоряжении».

Нем. *alle Mingen springen lassen* – пустить в ход все средства: *Wehren Sie sich, so gut Sie können!* – *Ich lass alle Mingen springen* (F. Schiller). «Защищайтесь, как можете... Я ни перед чем не остановлюсь!» *Den Mund halten* – держать язык за зубами: „Nicht von der Stelle“, rief Bolnau...“sagt mir zuvor, was das Mädchen noch gesagt hat.“ Nun ja, aber *reinen Mund halten, Bolnau!*“ (W. Zauff) «Ни с места! – вскричал Больнау... – Прежде всего, сообщите мне, что еще эта девушка сказала». – «Ну хорошо, Больнау, только никому ни слова».

Интересен ряд фразеологических оборотов разговорно-фамильярного характера, исторически связанных с той или иной областью человеческой деятельности и восходящих к профессиональным терминам. Многие фразеологизмы, обозначающие в прямом значении те или иные сферы производственной деятельности людей, впоследствии развили образно-переносные значения и вошли в общенародный язык. Например, англ. *set a trap for smb.* – нем. *seine Netze nach j-m auswerfen* – ставить сеть; англ. *put a line out* – нем. *auf den Busch klopfen* – закинуть удочку и так далее.

Широко используются разговорные фразеологизмы различной структуры для характеристики отношений между персонажами через качественную оценку, которую они дают друг другу. Большею частью это – отрицательная оценка. Например: англ. *have a screw loose* – нем. *j-d hat nicht alle Tassen im Schrank* – не все дома, винтиков не хватает. Примеры:

Англ. *I don't go much with anarchists. It's my judgement they nearly always have a screw loose* (U. Sinclair). **Я больше – не заодно с анархистами.** На мой взгляд, у них – «не все дома».

Нем. «Sind Sie verrückt!» rief Lehmgruber empört. „Ist das hier etwa die angegebene Adresse? Mann, Sie *haben wohl nicht alle Tassen im Schrank!* Schwirren Sie hier ab – ehe ich Ihnen Schwierigkeiten bereite“ (H. Kirst). «**Вы спятили!** – возмутился Лемгрубер. – Разве это тот адрес? Винтиков у Вас не хватает, вот что! Убирайтесь отсюда куда-то!»

Собственно фразеологизмы, отмеченные характерной для разговорной речи стилистической окраской пословицы, поговорки мы также относим к разговорным фразеологизмам. Значительную часть фразеологического фонда составляют провербиальные фразеологизмы (пословицы и поговорки). Сферой их употребления является разговорная речь. Глубокое знание народной жизни, устной разговорной речи дало возможность писателям широко использовать народную разговорную провербиальную фразеологию в речи различных персонажей.

Являясь сгустком народной мудрости, житейским обобщением целых поколений, свидетельствующим о меткой наблюдательности, сметливости и сообразительности народа, пословицы чеканились среди трудовых масс. Эти древние жанры народного творчества охватывают почти все области человеческой деятельности, органически связаны с его историей,

психологией, буднями и устремлениями народа.

В пословицах ярко отразились быт и нравы, психология, семейные отношения, общественно-трудовая практика, национальный характер, идеалы и чаяния народа, его жизненное глубокомыслие и острая наблюдательность. Они используются писателями для раскрытия мировоззрения персонажей, морального и духовного облика героев, раскрытия основных качеств их характера. Примеры:

Англ. *Sink or swim* – (либо) пан либо пропал: *My partner... and I, we work like hell. We expect everybody else to do the same. Sink or swim* (Y. B. Priestley). «Мой компаньон и я работаем изо всех сил. Мы думаем, что все поступают так же. Пан либо пропал!» *The proof of the pudding is in the eating* – «Чтобы судить о пудинге, надо его отведать», **все проверяется на практике**: *They will tell you that the proof of the pudding is in the eating and they are right* (B. Shaw). «Они говорят тебе, что все проверяется на практике, и они правы».

Нем. *Alle(r) guten Dinge sind drei* – Бог троицу любит: *Alle(r) guten Dinge sind drei*“, *hörte ich den Besitzer sagen. „Schenken Sie noch einmal ein“* (B. Uhse). «Бог троицу любит, – услышал я голос хозяина, – налейте-ка еще рюмочку!» *Aller Anfang ist schwer* – лиха беда начало: *So saß ich denn da und dachte mir mancherlei hin und her, wie aller Anfang schwer ist* (J.v. Eichendorff). «Так я сидел себе и раздумывал, как трудно начинать любое дело».

Анализируя картину мира, создаваемую пословицами и поговорками, в качестве основного признака можно назвать антропоцентричность. Конденсируя народный опыт, пословицы ориентированы своим содержанием почти исключительно на человека – черты его характера, поступки, отношения в семье, коллективе, обществе и т. п.

Таким образом, наблюдения, проведенные над фразеологией произведений писателей и ее функционально-стилистическим составом, позволяют нам сделать вывод о том, что в общенародном языке фразеологизмы разговорно-бытового характера преобладают над фразеологизмом других типов. Писатели используют разговорные фразеологизмы как особый лингвистический прием для выявления характера и состояния персонажей, их отношения к событиям, фактам действительности. Авторы употребляют разговорные фразеологизмы с целью индивидуализации своих персонажей.

Разговорная фразеология составляет самый большой стилистический пласт. Разговорные фразеологизмы образны, что придает им особую экспрессивность, живость; употребление их в речи служит противодействием штампам, канцеляризмам.

Благодаря лаконичности и выразительности разговорные фразеологизмы являются особенно доходчивыми и представляют собой важное средство воздействия на сознание и поведение людей.

Список литературы

1. Авалиани, Ю. Ю. К изучению разговорной фразеологии. Самарканд, 1971. 156 с.
2. Васильева, А. Н. Пособие для изучения связных сочетаний. М., 1968. 234 с.
3. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978. 367 с.
4. Земская, Е. А. О понятии «разговорная речь». М., 1973. 116 с.
5. Филин, Ф. П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке. М., 1979. 98 с.
6. Черемисин, П. Г. Русская стилистика. М., 1979. 387 с.

ТЕЛЕКОМПАНИИ «ФИНАНСИСТ» И «ДЕЛОВОЙ УРАЛ» КАК ОСНОВНЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛИ ДЕЛОВОГО ТЕЛЕКОНТЕНТА В УрФО

Анализируется и сравнивается профессиональная деятельность екатеринбургской телестудии «Финансист» и челябинской телекомпании «Деловой Урал» как единственных постоянных производителей программ с экономическим контентом на Урале. Характер деятельности обеих компаний позволяет им обеспечивать бизнес-коммуникацию между предпринимателями, властью и простыми телезрителями.

Ключевые слова: деловые телепрограммы, Уральский федеральный округ, профессиональная этика, скрытая реклама, бизнес-коммуникация.

Телевизионные деловые медиа появились в России в начале 2000-х гг. Первый в стране деловой канал «РБК-ТВ» начал вещание в 2003 г. В это же время, в 2003 г., в Челябинске стали транслировать передачу «Деловой Урал», создатели которой спустя два г. зарегистрировали одноименную телевизионную студию по созданию делового телеконтента. В 2004 г. вышла в эфир первая деловая программа студии «Финансист» в Екатеринбурге. И только в 2008 г. появился второй общероссийский нишевой бизнес-канал «Эксперт-ТВ».

Развитие рыночных отношений, возможность коммерциализации телевещания и всплеск информационной активности в регионах – основные внешние факторы появления регионального делового телевидения в России на рубеже веков. Возникновение и успешное развитие делового телевещания на Урале – следствие еще одного важного фактора: экономика округа носит промышленный характер, поэтому здесь высокоразвиты деловые отношения. Результатом высокой экономической активности региона является высокий уровень жизни населения, а значит, и наличие образованной, «экономически подкованной» аудитории, лояльной к деловой информации.

Источником материала для исследования послужили тексты сюжетов деловых телепрограмм производства екатеринбургской телекомпании «Финансист» («Финансист», «Бизнес сегодня») а также челябинской телекомпании «Деловой Урал» («Бизнес большого Урала», «Деньги Челябинска»). Наша картотека собрана в период с сентября 2012 г. по март 2013 г., куда вошли по 50 выпусков каждой из перечисленных программ.

В исследовании используются методы включенного наблюдения, опроса и описа-

ния, которые позволили выявить специфику функционирования и внутреннего устройства редакций деловых телекомпаний. Методом контекстуального анализа в текстах программ выявлены некоторые стилистические особенности (использование скрытой рекламы).

Функционирование делового телевидения в крупнейших городах Уральского федерального округа, Екатеринбурге и Челябинске, базируется на исторически сложившихся социально-культурных ценностях и на характере территориальной экономики. Этот процесс закономерен. «Территория формирует восприятие социальных и политических проблем через систему ценностей и культурных норм, которые укоренены в региональном сообществе. Территория как система коммуникации воспроизводит эти ценности, распространяет их через свои локализованные медиа и включает новые проблемы в систему ценностных координат» [3. С. 7].

Административный центр Свердловской области – Екатеринбург – один из крупнейших индустриальных центров России. Это четвертый по численности населения (после Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска) город. По объемам торговли он занимает третье место в стране. Это служит информационным полем для деловых программ телевизионной студии «Финансист», которая работает на медиа-рынке Екатеринбурга с 2004 г.

«Финансист» представляет собой частную студию по производству телевизионных программ, которые транслируются на разных каналах Екатеринбурга. В общей сложности «Финансист» выпускает 6 телепрограмм с экономическим уклоном, две из которых являются непосредственно деловыми. Локомотивом среди них выступает еженедельная программа

«Финансист», которая представляет собой экономический практикум, посвященный бизнесу. В ней дается анализ рынков, событий и процессов, происходящих в различных отраслях экономики, а также звучат мнения бизнесменов по актуальным экономическим вопросам.

Оперативную деловую информацию телестудия «Финансист» выпускает в программе «Бизнес сегодня». Ежедневно в новостном формате журналисты программы информируют зрителей о последних событиях в экономике, бизнесе и сфере финансов, которые произошли в Свердловской области.

В настоящее время студия «Финансист» является единственным постоянным производителем деловых программ в Екатеринбурге.

Челябинская область – также один из наиболее экономически развитых субъектов Российской Федерации. Южный Урал занимает 4-е место в стране по объему промышленного производства, 9-е по строительству жилья и продукции сельского хозяйства, 10-е – по рознично-торговому обороту [7].

Телекомпания «Деловой Урал» зарегистрирована в Челябинске с 2005 г. и в настоящее время выступает производственной площадкой для двух экономических передач: «Бизнес Большого Урала» и «Деньги Челябинска».

«Бизнес Большого Урала» в течение 40 минут эфира анализирует общую ситуацию в экономике Челябинской области и Уральского федерального округа. У зрителя складывается максимально полное и объективное впечатление о связях и перспективах местного бизнеса. Программа «Бизнес большого Урала» предлагает полноценный анализ тенденций бизнеса, рассказ о важных событиях в экономической жизни региона, их экспертную оценку, а также оказание помощи менеджменту в выработке управленческих стратегий.

Программа «Деньги Челябинска» занимает 25 минут эфирного времени. Все темы в программе рассматриваются через призму финансов: реальный сектор, инвестиционные проекты, социальная сфера и банковские услуги. В «Деньгах Челябинска» преимущественно рассматриваются ситуации и события на финансовом и фондовом рынках Челябинской области.

Также как и студия «Финансист», телекомпания «Деловой Урал» является единственным постоянным представителем делового телевидения в своем регионе. Структура деятельности обеих компаний имеет ряд сходств и отличий,

которые обусловлены внешними территориальными факторами.

Отличительными чертами деятельности компаний являются:

1. Производственный масштаб

Студия «Финансист» выпускает в эфир 6 программ, общая численность сотрудников порядка 25 человек. «Деловой Урал» выпускает 2 передачи, которые в эфире ведет один человек, а над их созданием трудятся 3-4 корреспондента. Разные производственные возможности – следствие того, что в Екатеринбурге деловые отношения протекают более интенсивно, чем в Челябинске: программы с экономическим уклоном здесь высоко востребованы аудиторией и лучше окупаются спонсорами.

2. Отраслевая специфика программ

Ведущая тема в программах «Делового Урала» – металлургия, поскольку в Челябинской области высока концентрация предприятий, где работает большинство регионального населения. Эта тема востребована аудиторией. В Екатеринбургском «Финансисте» ведущие темы: оптово-розничная торговля и строительство. Неслучайно строительство и смежные с ним рынок недвижимости и сфера ЖКХ выведены как темы для отдельных передач («Наше достояние», «ЖКХ для человека»), а тема оптово-розничной торговли и рынка услуг подробно освещаются в программах «Отдел товарного качества» и «Жизнь в стиле WELLNESS».

Оптово-розничная торговля, рынок недвижимости и строительство являются в Екатеринбурге ведущими отраслями по объемам валового регионального продукта после обрабатывающей промышленности [6]. В результате программы, посвященные этим отраслям экономики, являются наиболее окупаемыми. Следует отметить, что в период экономической стабильности с 2006–2008 и с 2011–2012 гг. «Деловой Урал» также выпускал коммерческую передачу о строительной отрасли – «Стройплощадку». В настоящее время программа закрыта в связи с монополизацией рынка недвижимости.

В целом, отличия в деятельности «Финансиста» и «Делового Урала» не являются существенными. К общим чертам функционирования относятся:

1. Временные рамки

Обе компании официально образовались в начале 2000-х: «Финансист» в 2004 г., «Деловой Урал» в 2005 г.

2. Правовая форма

«Деловой Урал» и «Финансист» представляют собой частные компании. По форме собственности – это общества с ограниченной ответственностью. Финансирование деятельности обеих компаний осуществляется за счет продажи рекламных возможностей и спонсорской поддержки коммерческих структур.

3. Формирование по модели преемственности

Телевизионная студия «Финансист» образовалась на базе газеты «Капитал», телекомпания «Деловой Урал» выросла из газеты «Деловой Урал». Обе компании специализируются на деловой журналистике, наследуя некоторые традиции газет-предшественниц, к которым относятся:

- а) освещение всех отраслей региональной экономики;
- б) профессиональный подход к созданию журналистских материалов при участии одного кадрового состава;
- в) привлечение специалистов из области экономики и финансов;
- г) языковые и стилевые характеристики текстов.

4. Формат телевизионных программ

Программы производства обеих телевизионных компаний представляют собой набор сюжетов и рубрик, разделенных между собой подводкой ведущего в студии. Такой формат наиболее приемлем для деловых программ, поскольку облегчает зрителю восприятие сложной информации и аналитики: сначала ведущий подготавливает аудиторию к сюжету в подводке, а затем корреспондент передает подробности.

5. Взаимодействие с каналами трансляции

«Финансист» и «Деловой Урал» специализируются на производстве деловых программ, которые транслируются в эфирах разных каналов: «Россия 24», «Россия 2», «ОТВ-Звезда», «4 канал» и др. Обе компании используют одинаковый механизм трансляции, закупая у каналов эфирное время. Производство окупается за счет разницы между покупкой эфирного времени и продажей рекламных возможностей. Эти средства идут на аренду помещения, зарплату сотрудников и модернизацию оборудования.

6. Принципы журналистской этики

Традиционно деловую журналистику принято считать качественной, поэтому в деловых

телепрограммах работают опытные журналисты с профессиональными навыками в области экономики. «К основным чертам деловых электронных СМИ, помимо оперативности и значительного объема информации, следует отнести высокий профессионализм журналистской команды и вполне конкретного потребителя информации» [5]. Метод включенного наблюдения позволил установить, что боясь потерять деловую репутацию компании, сотрудники «Финансиста» и «Делового Урала» придерживаются в работе следующих принципов журналистской этики:

- а) использование только надежных и правдивых источников информации. Цифры и факты тщательно проверяются. Тексты программ перед выходом в эфир нередко просматривают эксперты в той или иной экономической отрасли;
- б) политическая нейтральность и непредвзятость при создании материалов;
- в) честные и уважительные отношения со всеми участниками съемочного процесса;
- г) недопустимость использования своей работы для клеветы;
- д) недопустимость использования негативных комментариев в материалах, затрагивающих конкретных лиц или организации.

С одной стороны, соблюдение данных принципов журналистской этики позволяет компаниям «Финансист» и «Деловой Урал» поддерживать статус качественных СМИ. Но, с другой стороны, вызывает противоречие специфика функционирования обеих компаний как частных структур, не имеющих финансовой поддержки от государства или общественности. Поэтому нарушается такой важный принцип журналистской этики, как неангажированность материалов. Из-за финансового влияния коммерческих корпораций деятельность обеих компаний обеспечивается посредством включения в тексты программ скрытой рекламы.

7. Включение скрытой рекламы

Под скрытой рекламой сегодня подразумевается общее название материалов в прессе и художественных произведениях, содержащих положительную, коммерчески важную для определенной фирмы информацию [1]. Такой формат функционирования сложился по объективным причинам. После кризиса 2008 г. в работе деловых СМИ наметились две тенденции: первая – это стремление заработать, а вторая – разнообразить линейку информационных продуктов и этим привлечь аудиторию.

В результате деловые СМИ приобрели особую значимость в создании новой экономической парадигмы. «В период кризиса деловые средства массовой информации стали наиболее востребованы обществом как источник полноценной, достоверной экономической информации. Этому способствовало осознание журналистами ответственности перед обществом в повседневном творческом процессе, в подготовке выпусков периодических изданий, во взаимодействии с источниками информации и аудиторией» [2. С. 3]. На фоне роста доверия зрителей к деловым СМИ растет степень их ангажированности в стремлении заработать и остаться «на плаву». В условиях коммерциализации на смену открытой пропаганде пришло «глубоко запрятанное» манипулирование массовым сознанием посредством скрытой рекламы.

Сегодня региональное деловое телевидение выступает инструментом общественных, социальных и экономических перемен, но в то же время является объектом воздействия общественно-политических структур, социальных институтов и экономического истеблишмента. «Главные проблемы, оказывающие существенное влияние на деятельность регионального тележурналиста. Первая – материальная зависимость телевидения от власти или крупных коммерсантов; вторая – все меньший учет интересов зрителя, отход от важнейших нравственных ценностей. Вторая проблема не является независимой, она связана с первой, часто являясь ее следствием» [4. С. 148].

Деятельность регионального делового телевидения заключается в тщательно продуманной подаче материалов, характеризующих политико-экономический процесс в регионе с выгодной для представителей местного бизнеса позиции. Таким образом, посредством скрытой рекламы, представители делового телевидения лоббируют интересы бизнеса и формируют положительный имидж частных компаний и корпораций. Но с другой стороны, прямым результатом этого процесса является не только увеличение цен на акции компаний, но и рост доверия к ее профессиональной деятельности. Благодаря материалам делового телевидения, формируется лояльность к местному бизнесу. Во-первых, со стороны обывателей, которые могут выступать потенциальной рабочей силой. А это значит, что предприятию не будет угрожать кадровый голод и продукция будет

конкурентоспособной. Во-вторых, формируется лояльность со стороны коллег предпринимателей, которые потенциально могут стать партнерами по бизнесу. В-третьих, растет доверие со стороны региональных властей, которые, видя потенциал предприятия, могут предоставить ему для развития ряд налоговых и других преференций. В итоге материалы делового телевидения повышают степень доверия к предприятию на всех уровнях взаимоотношений. И это является основой бизнес-коммуникации, необходимой местным корпорациям для развития.

Региональное деловое телевидение на Урале только формируется в общественный социальный институт. Этот процесс напрямую зависит от общего уровня развития экономики и от гражданской позиции общества. Пока у зрительской аудитории не возникнет потребность в общественном деловом телевидении без скрытой рекламы и рекламы вообще, но за абонентскую плату, заказчики имиджевых материалов останутся единственными спонсорами делового телевидения, которое в силу политической непредвзятости свободно от государственных дотаций.

Список литературы

1. Адвести [Электронный ресурс]. URL: <http://www.advesti.ru/glossary/desk/1049>
2. Виноградова, К. Е. Социальная ответственность деловых СМИ: опыт взаимодействия с властью и бизнесом в условиях экономического кризиса : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010. 22 с.
3. Ершов, Ю. М. Региональное телевидение в российской медиасистеме : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 44 с.
4. Зверева, Н. В. Специфика деятельности регионального тележурналиста: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 173 с.
5. Зиновьев, И. В. Новая журналистика в деловых электронных СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://publishing.ludidela.ru/articles/633704>
6. Свердловскстат [Электронный ресурс]. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/grp
7. Челябинская область [Электронный ресурс]. URL: http://chelindustry.ru/left_prom2.php?rr=1

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (на материале словаря русских говоров Башкирии)

Рассматриваются диалектные слова, характеризующие человека в русских говорах Башкирии. Анализируются этнолингвистические и словообразовательные особенности диалектизмов, дается их словообразовательная классификация

Ключевые слова: *русские диалекты Башкирии, диалектная лексика, умственные способности человека, словообразование диалектизмов.*

Изучение народного русского языка является одной из приоритетных задач современного языкознания, поскольку здесь содержится богатейший материал для решения целого комплекса проблем: языковедческих, этнографических, исторических. При этом необходимо помнить, что диалектная речь в последнее время стремительно утрачивает свою специфику под влиянием литературного языка, средств массовой информации, образования.

Материалом статьи являются диалектизмы, собранные в различных районах Башкирии. Предметом нашего анализа стали имена существительные, характеризующие человека по умственным способностям.

На кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания БашГУ в течение нескольких десятилетий (с 80-х гг. и по сей день) ведется работа по изучению русских народных говоров в разных направлениях. Это важная региональная и федеральная научная тема. По «Всероссийской программе собирания сведений» для составления «Диалектологического атласа русского языка» использован материал более чем 200 населенных пунктов Республики Башкортостан. На его основе создан ряд исследований, в том числе атлас говоров, словари, монографии, диссертации, статьи; защищаются курсовые и дипломные работы¹.

Языковые особенности диалектной лексики вплоть до XIX в. рассматривались как отклонения от нормы. К концу XIX в. по многим языкам накоплено большое количество данных, и начинается новый этап развития диалектологии: возникает лингвистическая география. В XX в. создаются диалектологические атласы разных национальных языков и региональные атласы, ведется работа над атласами близкородственных языков, разрабатываются вопросы теории лингвистической географии, начинается обобщение нового

большого диалектного материала, представленного в атласах.

Создаются лексические атласы, объектом картографирования которых является слово, его семантика, словообразование.

Следует отметить и работу над Общеславянским лингвистическим атласом.

Диалектные материалы для него были собраны в основном в 1965–1975 гг. Впервые в истории славянского языкознания по единой программе и по единой транскрипции были исследованы все славянские языки и диалекты на огромной территории, занимаемой ими в Европе (а в России картой этого атласа охвачена только европейская часть).

Объектом общеславянского лингвистического атласа является группа славянских языков в их совокупности, а не отдельный язык. Общеславянский лингвистический атлас выпускается в двух сериях: первая охватывает лексику, словообразование, семантику; вторая – грамматику, фонетику и фонологию. Выпуски каждой из этих серий имеют свою нумерацию.

По международной программе Общеславянского лингвистического атласа диалектологии собран материал в 20 районах Российской Федерации.

Вместе с тем русская диалектная лексика такого большого региона, как Республика Башкортостан, остается недостаточно исследованной. На это указывает и З. П. Здобнова в своей статье «Очередные задачи русской диалектологии в Республике Башкортостан»², называя в качестве одной из таких задач «описание не охваченных исследованиями говоров, отдельных процессов, явлений на основе имеющихся и вновь получаемых материалов, особенно по лексике». Так, недостаточно представлена в материале тематическая группа «человек», и на кафедре ведется работа над созданием тематического словаря русских говоров

Башкирии. Наша работа выполняется в русле именно этой темы.

Обращаясь к проблеме диалектного членения еще раз, примем во внимание, что «... система языка в разных пунктах картографируемой территории, – обычно оказывается тождественной в одних своих звеньях (элементах) и различающейся в других. Это дает право говорить о языке народа в аспекте территориальном как о сложной системе или системе частных систем, включающей в свой состав черты общие, тождественные в любой частной системе, и черты различительные, специфические для разных частных систем»³.

Интенсивный сбор диалектной лексики и его изучение во второй половине XX в. привело к пониманию того, что по говорам здесь существуют различия, которые касаются звуковой материи языка, его грамматического строя, лексико-семантической системы (включая и словообразование), а также синтаксиса. Все или почти все слова говора не совпадают полностью с соответствующими словами литературного языка: у них могут отсутствовать некоторые значения, свойственные этим словам в литературном языке, либо эти слова могут обладать такими значениями, которых нет в литературном языке, а также может быть иная сочетаемость с другими словами или иная стилистическая характеристика⁴.

Обратимся к рассмотрению материала. Как и в других вариантах языка, в лексике диалектов имеются различия в системах плана содержания и плана выражения ее единиц. Различия в плане выражения у соотносительных слов, тождественных по значению, обнаруживаются в звуковом составе или в грамматической характеристике. Здесь выделяются:

- 1) собственно диалектные слова (кардинальное различие);
- 2) варианты одного слова (некардинальные различия);
- 3) устойчивые фразеологические сочетания.

Среди собственно лексических диалектизмов можно выделить две группы: а) с неизвестными литературному языку корневыми морфемами; б) лексические диалектизмы, образованные от известных литературному языку основ (корневых морфем).

Слова с неизвестными корневыми морфемами могут характеризовать и противопоставлять друг другу самые крупные территориальные величины – наречия: севернорусские и южнорусские. При этом соответствующее сло-

во в другом наречии может быть известно и литературному языку. Некоторые слова известны лишь отдельным говорам. Например: *рябой-суворый-щидровитый-шадра; недобай-заика*.

По своему происхождению собственно диалектизмы различны. Среди них немало заимствований, особенно из татарского, башкирского языков. Есть заимствования и из других источников. Многочисленна группа собственно лексических диалектизмов, образованных от известных литературному языку основ.

Отмечается, что для рассматриваемого пласта лексики характерна детализация особенностей номинируемых признаков. Это, например, называние ребенка по возрасту (*годови'к, годово'й, пого'док, бладе'нец*). Аналогичная ситуация наблюдается и при номинации детенышей животных по времени рождения (*зимник, зимух, подкапельник, осенник, поздыш*)⁵.

Принято считать, что лексические изоглоссы при диалектном членении языка имеют соподчиненное значение, а основная роль здесь принадлежит явлениям фонетическим во главе с системами безударного вокализма, определяющими облик говора. Однако по ряду лексических явлений достаточно четко выделяются основные территориальные величины – наречия (северное и южное) – и более мелкие единицы диалектного членения русского языка. Изучению структуры русских говоров Башкирии, их диалектному членению и определению путей развития в условиях междиалектного общения по данным атласов посвящен ряд работ и докторская диссертация З. П. Здобновой. Однако вопрос о составе и характере лексических диалектных различий в русских говорах Башкирии, их роли, степени участия при диалектном членении языка, степени устойчивости в сравнении с фонетическими и грамматическими различиями требует специального изучения.

В настоящее время в рамках Всероссийской программы многие вузы РФ участвуют в сборе материалов для Лексического атласа русских народных говоров (ЛЯРНГ), составление которого, как отмечают авторы Введения его Проекта, «является актуальной задачей русской диалектологии, так как до сего времени не определены ареалы для большей части словарного состава говоров»⁶. Представленные в нем материалы будут иметь серьезное научное и культурно-историческое значение. Они помогут глубже познать процессы формирования и развития словарного состава русских народ-

ных говоров, связь русской диалектной лексики с лексикой других славянских и неславянских языков, процессы заимствования многоязычной лексики русскими говорами, распространение ее на территории русского языка.

Первая часть «Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» содержит несколько разделов.

На кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания БашГУ имеются материалы полевых записей преподавателей и студентов по разделам «Природа» и «Человек».

В программе по сбору материалов к Лексическому атласу русских народных говоров определены основные параметры темы «Человек»: 1) анатомические названия; 2) физиологические особенности человека, характеристика личности, социальные отношения; 3) народная медицина; 4) семья, семейные отношения; 5) традиционная народная духовная культура⁷. Каждая подгруппа делится на микрогруппы, где названы ключевые лексемы, которые, по мнению составителей «Программы», являются наиболее продуктивными для различных регионов. Важным признаком языковых комплексов наречий является представленность в них всех уровней языка: фонетики, грамматики, лексики, а также наличие таких явлений, которые представляют собой целостные закономерности, реализующиеся в принципе на неограниченном языковом материале.

Состав лексем, характеризующих человека, многообразен. Большое количество диалектных слов отражает различное видение диалектоносителями окружающего мира, в том числе в облике и характеристике человека.

Тысячи лет человек, оставаясь в своей природной и социальной субстанции, выступает объектом научного и вненаучного изучения, литературы, всех видов искусства и человековедения в целом. «В человеке остается невероятно много скрытого, таинственного. Он – загадка из загадок, в том числе и по отношению к языку, который формирует его и на который он, в свою очередь, оказывает воздействие»⁸. Поэтому целесообразно дополнить научное представление о человеке изучением его языкового словотворчества, непосредственного развития его языковой диалектной культуры как естественной и наиболее близкой исторической природе.

Что касается рассматриваемой нами тематической группы «Человек», то здесь наблюдается вытеснение их за счет просторечной и

литературной лексики в рамках одного национального языка. Интересно, что остальные тематические группы, например, с наименованием лексики одежды, ремесел, бытовой утвари, обрядов, входят в основной словарный фонд, носят архаичный и, в связи с этим, устойчивый характер.

Большое количество диалектных слов отражает различное видение диалектоносителями окружающего мира, в том числе в облике и характеристике человека. И здесь, прежде всего, представлена оценочная лексика. «Оценка – один из важнейших моментов в структуре отражательной деятельности сознания, по своему методу и уровню (характеру) познания мира наше мышление является по преимуществу оценочным, то есть мыслительная деятельность в большей своей части совершается на уровне и в форме оценок»⁹.

Ученые отмечают, что оценочное значение моделируется при помощи квалификативной структуры, которая включает оценочную шкалу, оценочный стереотип, объект и основание оценки, субъекта оценки, оценочные модулы, аксиологические предикаты, мотивировку оценки¹⁰.

Объектом оценки выступает любой объект, попадающий в естественный класс сравнения по своей обычной или возможной деятельности, пригодности или по своему поступку. Речь идет об основании оценки. Объект оценивается по своим качествам, которые могут быть противоречивы. Сознание человеком ценностных отношений находит свое отражение в оценочном высказывании и закреплено в языке в семантических и синтаксических структурах. Оценочная лексика, характеризующая внешность человека, делится на ряд групп, единицы которых содержат указание на семантические особенности, например: «красивый» – «некрасивый», «молодой» – «старый», «высокий» – «низкий».

Исследуемые слова составляют две группы: положительно-оценочные и отрицательно-оценочные. Группа единиц с отрицательной оценкой внешности человека составляет большую часть слов в речи носителей говоров, отличается эмоциональной насыщенностью, экспрессией, выразительностью.

Выделяются разные признаки предмета, мотивирующие его название. Внешний вид человека, особенности его речи связываются с разными понятиями, предметами, а слово – с разными родственными словами. В диалектах

продуктивно метафорическое употребление известных литературному языку и диалектам слов. При этом высокий человек, например, ассоциируется с такими предметами, как *верста*, *же'рдь*, *оря'сина*, *колоко'льня*, *акаля'вина*, *аргама'к*, *весё'лка*, *веха*. Невысокого человека назовут *опё'нок*, *вершо'к*, *козано'к*, *малозё'м*, *отру'бок*, *шпо'нька*. Полного – *лепё'шка*, *пузы'рь*, *квашня*, *каду'шка*, *мя'кушка*; худого – *сухосто'й*, *суха'рь*, *поскре'быш*.

Интересна лексика, характеризующая человека по умственным способностям. При характеристике умного человека в названиях используются корневые морфемы, указывающие на наличие у него в высокой степени ума (*у'мник*, *умня'к*, *зау'мник*, *многоу'мный*, *разу'мливый*, *голова'н*, *голови'ще*, *голова'стик*, *голова'стый*, *башкови'чка*), умственных способностей (*мозга'ль*, *мозгови'тый*, *мозгова'тый*), разума (*досу'жий*), догадливости, сметливости (*дога'душка*, *чукавый*), быстрого усвоения информации (*дотё'пистый*, *дотя'пистый*)¹¹, понятливости (*поня'тный*, *заглумистый* – от «глум» – «шутка, насмешка»)¹².

Лексемы со значением «глупый человек» и атрибутивных форм со значением «глупый» имеют нередко те же корневые морфемы: -ум, -мысль, -дум, -мозг, -догад, -голов, -теп (морфема чук- в этой группе отсутствует), которые осложняются приставками со значением отсутствия признака, обозначенного в корневой морфеме: *не'ум*, *недоу'м*, *неу'ма*, *полоу'мок*, *малоу'мок*, *недоу'мный*, *тупоу'мный*; *несмыслённый*; *безду'мный*; *безмозга'рь*, *безмо'зглый*, *безмозга'тый*, *безмозга'стый*; *недога'дный*, *недотёпа*, *безголо'вый*, *безголо'вик*, *недосу'жий*.

Кроме того, в эту группу входят лексемы с корневыми морфемами *дур* (*дурь* – «вздор, чепуха»): *дуры'нда*; *толк-* («смысл, значение, суть»): *бестолку'ша*; *туп-*: *тупа'к*. Используются названия таких предметов как то: *дуб-*: *дубо'к*, *дубови'к*, *дуба'с*, *дуболо'м*; *осина-*: *осина*, *пень-*: *пе'ньтюх*, *чурка-*: *чу'рка* (в словаре В. И. Даля *чурка*, *чурак* – «глупый, неповоротливый человек»), *чурба'н*, *пил-*: *бестилу'ха* (пиленъ – «усердный»)¹³.

Встречаются и заимствованные слова: *дурма'к* (*durmak* в переводе с турецкого «сидеть, становиться, останавливаться»), *бельме'с* (в переводе с татарского «балбес, дурень, болван, ничего не смыслящий»), *башка'* (переоформление с тат. *баш* «голова» с помощью суф. -к(а) (по аналогии со словами *голова*, *рука*, *нога*).

Схематически этот материал можно представить в виде рядов синонимов и антонимов.

Как и в литературном языке, в говорах представлены следующие способы словообразования: суффиксальный, префиксальный, суффиксально-префиксальный и словосложение. В качестве производящих выступают слова различных частей речи, доминирующими являются существительные и прилагательные.

Суффиксальный способ. Суффиксальный способ словообразования является одним из самых продуктивных в общенародном русском языке. Наш материал также подтверждает это положение. Круг словообразовательных суффиксов, принимающих участие в образовании анализируемых слов, достаточно широк и представлен следующими формантами:

1) *-няк-*, *-ник-*: *ум-ня'к*, *у'м-ник*. В говорах суффикс *-няк-* продуктивен, в отличие от литературного языка. В современном русском языке суффикс *-ник* (*-ик*) может выступать как суффикс субъективной оценки;

2) *-аль-*: *мозг-а'ль*. В словаре Т. Ф. Ефремовой *-ал-* – это словообразовательная единица, выделяющаяся в именах существительных со значением лица мужского пола – носителя признака, названного мотивирующим именем существительным (*провинциал*, *театрал*)¹⁴. В наших материалах в данном случае суффикс выступает в форме *-аль-*;

3) *-ынд-*: *дур-ы'нда*. Проф. А. М. Селищев говорит о том, что в слове *дурында* буквосочетание «да» является суффиксом. Нам представляется более приемлемым толкование этого слова, предложенное А. Н. Тихоновым: *дур-ында*¹⁵;

4) *-ас-*: *дуб-а'с*. В современном литературном языке данный суффикс встречается у слов с экспрессивным значением, например, *выкрутасы*. Оттенок экспрессивности имеет место и в названном диалектизме.

Известно, что основным принципом, контролирующим отклонения от нормы в сторону положительного или отрицательного полюса шкалы в пределах отдельной антонимической пары, является семантика мотивирующего слова¹⁶. Такие «отклонения» могут быть выражены дериватами с суффиксом *-оват-* (*мозг-ова'т-ый*, *при-дур-к-ова'т-ый*), которые в разных контекстах способны обозначать низкую степень признака («немного»), близкую к норме, значительную степень («довольно») и избыточную степень признака («слишком»). Адъективный суффикс *-оват-* (*-еват-*) явля-

Корневая морфема	Умный человек	Умный	Глупый человек	Глупый
Ум-	у'мник, умня'к, зау'мник, нау'мник	мног ^о у'мный,	не'ум, недоу'м, неу'ма, не'ум, полоу'мок, малоу'мок, легкоу'м, тупоу'м, худоу'м, худоу'мок, полоу'мок	недоу'мный, тупоу'мный, худоу'мный, легкоу'мный
Разум-	разумник, разуме'ц	разу'мливый.		
Голов-а	голова'н, голови'ще,	голова'стый, голова'тый	безголо'вик	безголо'вый, пустоголо'вый, дубоголо'вый
Баш-ка	башкови'чка	башкови'тый	пустоба'ш	безба'ший пустоба'ший
Мозг-	мозга'ль	мозгови'тый, мозгова'тый, мозгли'вый	безмозга'рь	безмо'зглый, без-мозга'тый, безмозга'стый
Дум-		наду'мистый		безду'мный, неду'мчивый
Мысль-		замы'слистый, мышля'вый, здравомы'слимый, здравомы'сленный, смы'слистый	несмысля'й	несмыслённый, несмышля'вый, безмы'сленный, несмы'слистый
Догад-	дога'душка, дога'дчик, дога'да	дога'дный	недога'д, недога'да	недога'дный
Смёт-		досмё'тливый		несмё'тливый, недосмё'тливый
Дотёп-		дотё'пистый	недотё'па	недотё'пистый, недотё'па
Досуж-		досу'жий		недосу'жий.
Долмат-		долма'тистый		
Навыч-		навы'чливый		
Уч-		нау'чный		неучё'ный
Хват-		нахва'тный		нехва'тистый
Глум-		заглу'мистый, глумя'ный		глумно'й
Знат-	зна'тчик			
Глуп-			глу ^п а'к, глупя'ш, глупендя'й	
Удел-		уде'льный		неуде'льный
Памят-		па'мяткий		непа'мяткий
Понят-		поня'тный, поня'тливый	бемпоня'тица	беспоня'тный
Дур-			ду ^р ы'нда, ду'рень, дуря', дуранда'с, дурбе'нь, ду'рка, дурма'к	придуркова'тый, одуре'лый
Осин-а			оси'на	
Дуб-			дуба'с, дуболо'м, дубо'к, дубови'к, дуботё'с	дубоголо'вый
Балд-			обалде'й	
Столб-			столбе'нь, столбню'к	
Туп-			тупа'к	
Толк-		толко'вый	бестолку'ша, бестолко'вщина	
Домёк-			недомё'ка	
Пил-			беспилю'ха	
Долб-			до'лбень	
Пень-			пе'нтюх	
Дик-			дика'рь, дику'ша	дикоша'рый
Чук-		чука'вый		
Бельм-			бельме'нь, бельме'с	
Чур-			чу'рка, чурба'н	

ется амбивалентным, так как маркирует качественно-количественные изменения признаков, относящихся к разным полюсам градиционной шкалы.

В рассматриваемых русских говорах Башкирии встречаются также слова с суффиксами *-ан-* (*голов-ан*), *-ище-* (*голов-ище*), *-к-* (*дурк-а*), *-ушк-* (*догад-ушк-а*), *-чик-* (*догад-чик*, *знатчик*), *-лив-* (*разум-лив-ый*, *досмёт-лив-ый*), *-аст-* (*голов-аст-ый*, *безмозг-аст-ый*), *-ат-* (*безмозг-ат-ый*, *мозгов-ат-ый*), *-овит-* (*мозг-овит-ый*), *-ист-* (*долмат-ист-ый*, *замысл-ист-ый*), *-яв-* (*глум-ян-ый*), *-им-* (*здравомысл-им-ый*), *-енн-* (*здравомысл-енн-ый*), *-ок-* (*дуб-ок*), *-арь-* (*дик-арь*), *-чив-* (*недум-чив-ый*), *-ов-* (*толк-ов-ый*), *-ав-* (*чук-ав-ый*), *-яш-* (*глуп-яш*), *-енд-* (*глуп-енд-ый*), *-иц-* (*беспонят-иц-а*), *-бень-* (*дур-бень*), *-андас-* (*дур-андас*), *-мак-* (*дур-мак*), *-тиух-* (*пен-тиух*).

Префиксальный способ. Префиксальный способ образования, по данным нашего материала, менее продуктивен.

Употребляются следующие продуктивные приставки:

1) *не-*, *недо-*: *неу'ма*, *не'ум*, *недо-у'м*, *недо-те'па*, *недоу'мный*, *недо-сужий*. Данные приставки в современном русском литературном языке встречаются в основном в глаголах, обозначающих неполноту действия. В говорах они присутствуют в именах существительных и прилагательных для характеристики человека, лишённого того или иного признака или обладающего им в неполной мере.

2) *за-*: *зау'мник*. Приставка *за-* указывает на распространение действия дальше определенного предела. В литературном языке чаще всего имеется в глаголах. В говорах может использоваться с существительными, придавая им значение запредельности.

Префиксально-суффиксальный. В русских говорах Башкирии выделяются следующие группы продуктивных приставок и суффиксов, при помощи которых образуются производные слова:

1) *без-/бес-* + *-уш-*: с приставкой отрицания качества *без-* (*бес-*) употребляются существительные с суффиксом *-уш-*, придающим существительному значение ласкательности (*бестолк-у'ша*). Эта же приставка *без-* встречается в составе прилагательных с суффиксами *-л-* (*безмо'зг-лый*), *-ат-* (*безмозг-а'тый*), *-аст-* (*безмозг-а'стый*), имеющими (как и в литературном русском языке) значение обладания каким-либо качеством.

2) *до-* + *-ист-* / *-ушк-*: приставка *до-*, и суффиксы *-ист-*, *ушк-* (*догё'п-ист-ый*, *дога'д-ушк-а*). Суффикс *-ушк-* придает словам уменьшительно-ласкательное значение, суффикс *ист-* имеет значение «имеющий склонность к какому-нибудь качеству».

Сложение основ. Основосложение как способ образования слов весьма продуктивен. В русских говорах Башкирии отмечены следующие объединения основ: *тупо-у'мный*, *тупо-у'м*; *худо-у'м*, *худо-у'мный*, *худо-у'мок*; *поло-у'мок*; *много-у'мный*; *легко-у'м*, *легко-у'мный*; *мало-у'мок*; *пусто-ба'ший*; *здоровы'слимый*; *дубо-ло'м*.

Проанализировав эмоционально-оценочную лексику в современных говорах, мы пришли к следующим заключениям. Выбранная для анализа лексико-тематическая группа значительна и многообразна как по структуре, так и по значению. Исследуемые существительные составляют в свою очередь две группы: слова с отрицательной оценкой (80 единиц) и слова с положительной оценкой – 44 единицы.

Состав существительных с отрицательной характеристикой умственных способностей более разнообразен и ярок, чем состав существительных с положительной характеристикой.

В качестве средств эмоционально-оценочной характеристики могут выступать:

- 1) суффиксы как единственные средства выражения или в составе других;
- 2) само производящее слово;
- 3) переносное значение слова.

В качестве средств эмоционально-оценочной характеристики выступают суффиксы, приставки или как единственные средства выражения, или в составе других. Рассмотренная нами лексика в основном исконная. Слова дифференцированы по словообразовательной структуре. Встречаются и слова с уникальными корнями, представленными в диалектах, по данным словаря русских говоров Башкирии. Кроме того, встречаются заимствованные слова. Большинство слов имеет экспрессивную окраску.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что диалектная лексика дает бесценный и неисчерпаемый материал для понимания природы языка, законов его развития, возможностей и способов отражения в нем народной культуры. Говоры – бесценное хранилище национального своеобразия.

Примечания

¹ См.: Здобнова, З. П. 1) Атлас русских говоров Башкирии : в 2 ч. Уфа, 2004. 226 с. 2) Словарь русских говоров Башкирии (А-Я). Уфа, 2008. 499 с. 3) Хрестоматия по русской диалектологии (на материале русских говоров Башкирии). Уфа, 2010. 184 с.; Ермолаева, Ю. А. Семантическое варьирование диалектного слова в русских говорах Башкирии. Уфа, 2007 ; 158 с.; Курбангалеева, Г. М. Лексика леса в русских говорах Башкирии : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2001. 275 с.; Прядильникова, О. В. Словарь говора села Надеждино (Куроедово) Белебеевского района РБ. Уфа, 2010; Аюпова, Л. Л. Тюркские лексические заимствования в русских говорах Башкирии (опыт социолингвистического исследования) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 19 с.

² Здобнова, З. П. Очередные задачи русской диалектологии в Республике Башкортостан // Актуальные проблемы филологии : материалы науч.-практ. конф., посв. 40-летию Башкир. гос. ун-та. 1977. № 2. С. 41–44.

³ Здобнова, З. П. Атлас русских говоров...

⁴ Оссовецкий, И. А. Словарь говора деревни Деулино Рязанского района Рязанской области // Вопр. диалектологии восточнославянских языков / отв. ред. Р. И. Аванесов. М. : Наука, 1964. С. 176–206.

⁵ Здобнова, З. П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. Уфа, 2001. 155 с.

⁶ Лексический атлас русских народных говоров (Проект) / отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994. 111 с.

⁷ Здобнова, З. П. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: раздел «Человек» / З. П. Здобнова, М. В. Селиванец. Уфа, 1983. 48 с.

⁸ Кайдаков, С. В. Человек и Бог в философии Спинозы // Человек. 2000. № 2. С. 102–111.

⁹ Здобнова, З. П. Словарь русских говоров...

¹⁰ Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки : монография. М., 2002. 280 с.

¹¹ Малый академический словарь / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1961–1964.

¹² Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986.

¹³ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. СПб., 1909. 853 с.

¹⁴ Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996. 636 с.

¹⁵ Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М., 1985.

¹⁶ Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956. 105 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ БИЛИНГВОВ

Рассматривается проблема контакта культурно-языковых семиосфер родного (Я1) и изучаемого (Я2) языков. Эмпирическое исследование, в котором приняли участие российские и американские студенты, изучающие иностранные языки в России, показало, что межъязыковая интерференция является маркером взаимовлияния разных культурных систем. Взаимодействие языков и культур ведет к интернационализации концептов, их конвергенции, иногда аттриции, что в результате формирует новую культурную семиосферу, основанную на оппозиции национальных «смыслов-концептов».

Ключевые слова: национальная культура, межъязыковая интерференция, межкультурная интерференция, билингвизм, бикультурализм, интернационализация концептов, культурно-языковая ноосфера.

В широком смысле слова культура является показателем уровня практического овладения природой (материальный аспект) и способности человека отражать свои представления о мироздании, окружающей действительности в науке, искусстве, политике, религии, в межличностных отношениях (духовный аспект). Достижения в области материального и духовного производства полностью охвачены культурой. В процессе исторического развития общества, его самоопределения возникают локальные культуры (национальные), которые представляют собой совокупность, органическое единство уникальных символов, убеждений, норм поведения, верований, характеризующих жизнедеятельность нации и отдельных ее представителей.

Основываясь на том, что культура как мировидение и миропонимание имеет семиотическую природу [13. С. 222], можно говорить о том, что каждая национальная культура обладает своим набором семиотических средств. Семиотическое единство национальной культуры отличается стабильным составом элементов. Так, в каждой культуре наличествуют и имеют свое место виды искусства (театр, кино, фотография и др.), религия, наука, образование (отношение человека к перечисленным компонентам). Такой «неразложимый работающий механизм» [11] является единицей семиозиса – семиосферой – результатом и условием развития культуры. Определение системы как «неразложимого организма», данное Ю. Лотманом, требует уточнения в свете изучения семиотического национально-культурного единства. Ученый, на наш взгляд, подчеркивает качество целостности функциони-

рования организма (системы). В то время как внутреннее содержание такой системы обладает способностью к структурной «разложимости». Таким образом, необходимо внести данное уточнение и статус исследуемой системы признать «структурно разложимым».

Семиосферы национальных культур отличается аксиологически и иерархически сформированная система ее эволюционирующих компонентов. Отношение представителей нации к разным «языкам культуры» (термин Ю. Лотмана) – элементам культурного семиотического пространства – меняется с течением времени. Вследствие чего в связи с аксиологическим изменением выстраивается новая иерархия компонентов культуры. Диахроническое изучение системы культуры, аксиологического статуса указанных компонентов позволяет выявить динамику ценностного отношения, взаимозависимость, характер взаимовлияния и роль элементов культурной системы. В качестве примера можно взять один из видов искусства, измерить его аксиологический «вес» на протяжении определенного исторического периода развития отдельной нации. Так, роль киноискусства для французов, итальянцев, русских и для исламских народов (например, для суннитов, пуштунов, таджиков, проживающих в Афганистане) [16] разная на современном этапе эволюции мировой культуры [6. С. 480]. Идиоэтническая значимость каждого из составляющих культурного семиотического пространства подчеркивает своеобразие и, соответственно, способствует уникальности культурной палитры каждой нации.

Подвижный семиотический процесс внутри национально-культурного образования

соприкасается в своем синхронном состоянии с аналогичным, но принадлежащим иной национальной культуре, в условиях межнациональных контактов. Такие контакты могут иметь место не только в полинациональных государствах с полиэтничными культурами, но и там, где границы национальной культуры совпадают с границами этнической культуры (например, Исландия, Япония) при условии, например, временного проживания в стране носителей иного языка и культуры. Предметом рассмотрения в нашей работе является национальная доминирующая культура, которая «объединяет людей, живущих на больших пространствах и не обязательно связанных кровно-родственными отношениями» [7. С. 31] и изучается в филологии.

Таким образом, изучение межъязыковых, межкультурных контактов мы не ограничиваем пределами «возобновляемой в результате совместных действий людей структуре господства» [8. С. 112] – государства. Изучение контакта национально-культурных семиосфер выходит за пределы социологических и философских исследований в семиотическую плоскость, в синхронический режим их взаимодействия.

Семиотическая природа объединяет принцип устройства культуры и языка. Неся в себе отпечаток культуры, язык отражает на своих уровнях всю динамику и, вместе с тем, изменчивость, своеобразие семиотических компонентов культурного национального простран-

ства. Благодаря когнитивным способностям человека (память, воображение, восприятие и др.), сохраненное в национальной культуре может стать достоянием любого представителя нации при условии наличия полноценного физиологического состояния, соответствующих мотиваций и прагматических установок. Представитель любого национального сообщества является «сосудом» синхронного состояния, в процессе социализации способным вместить культурно-национальные смыслы (рис. 1).

Социальная неоднородность общества является препятствием для реализации естественного желания достичь коммуникационного эффекта, когда говорящий намеренно отказывается от процесса «наполнения сосуда». Способность говорящего к накоплению «смыслов» зависит от его прагматического стремления достичь цели коммуникации. Правила речевого поведения в данной ситуации сводятся к Принципу кооперации Г. П. Грайса [3], максимы которого универсальны, не имеют национальных «оттенков», онтологически свойственны каждому представителю общества.

Семантическая основа взаимодействия языка и культуры подчеркивает ведущую роль языка в данном процессе, принимая во внимание «семиотико-семантическое» [1] оформление смыслов. Так, культура и язык, как способы самореализации человека, представляют собой набор находящихся в динамике, коррелирующих семиотических единиц, состоящих

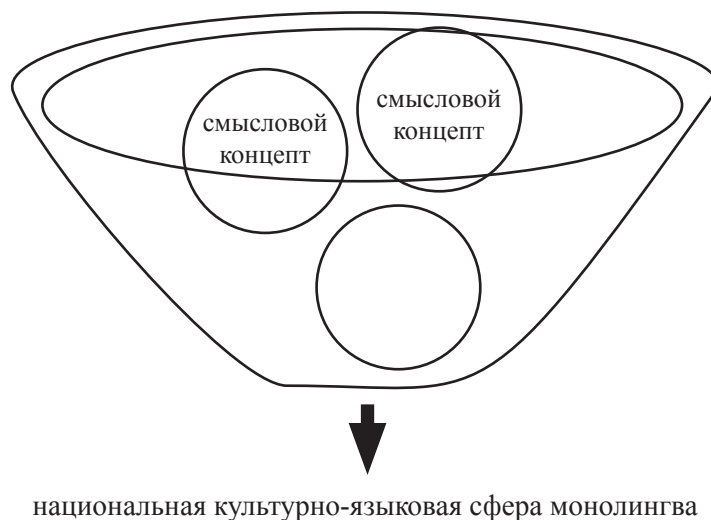

Рис. 1. Культурно-языковая сфера монолингва: когнитивный аспект

в постоянной, когнитивно обусловленной взаимосвязи со «смыслами-концептами» [4] представителя национального сообщества.

Процесс социализации человека – его общественной ассимиляции – происходит «всегда в коммуникации» [5. С. 13]. Коммуникация многонационального коллектива носителей разных языков представляет собой (с учетом вышесказанного) осложненный столкновением особых уникальных систем контакт культурно-языковых семиосфер. Эффект соприкосновения семиосфер характеризуется следующими явлениями:

1) конвергенцией или дивергенцией языковых и культурных знаков, а также национальных смыслов;

2) ускорением процесса культурной самоидентификации (термин В. В. Красных);

3) интерференцией на уровнях системы языка и культуры.

В настоящей работе интерес представляет первое и третье культурное явление, что обусловлено целью исследования.

«Человек, изучающий иностранный язык в обстановке единой культуры, вовсе не обязательно усвоит полностью новую систему культурных моделей» [19. Р. 224]. Одной из причин невосприятия и осложнений в декодировании новых культурных моделей (поведенческих, религиозных) может быть их нулевая экспонента в системе языка, но двуплановое наличие в других системах – невербальной или искусственных знаков, изучению которых отводится незначительное место на начальном этапе культурной ассимиляции. Процесс вторжения инокультуры в культуру носителя языка (Я1) характеризуется образованием девиантов в системе знаков обоих языков, так как «знаки языка выступают как тела для знаков языка

культуры» [13. С. 222]. Таким образом, межязыковая интерференция является маркером контакта национальных культур в процессе «сосуществования» разных языковых систем. Избавление от культурных акцентов по причине их недостаточной изученности происходит гораздо медленнее, чем «борьба» с нарушением языковых норм. Но, поскольку культурная и языковая системы взаимосвязаны, уровень владения языком со временем избавляет билингва от культурных акцентов.

Косвенное наблюдение автора показывает, что являясь носителем двух культурных норм, американской и русской, студенты из США в ситуации речевого общения [9] с двуязычными собеседниками (студентами из России) в условиях свободы переключения с языка на язык (code-switching) не подавляли интерференции в период высказывания на Я2; обнаружили понимание лакунной лексики Я2 (в виде стимул-реакций); выдавали ассоциации на Я2 на стимулы, предъявляемые вразбивку на обоих языках. Масштаб и характер интерференции менялся в зависимости от культурологической сложности обсуждаемого феномена. Например, не вызвало отклонений в речи обсуждение культурного феномена «демократия» («democracy»), понятного всем представителем мероприятия. Но понимание «мечты» («dream»), судя по наличию трудностей в производстве и выборе более конкретных ассоциаций, не является концептом сходной национальной наполненности.

Примеры:

1) *Мечта* (для русских студентов): «пользоваться уважением», «улучшение экономической ситуации в стране», «равные возможности для любой этнической группы»;

2) *Dream* (для американских студентов): “to become a self-made man”, “to have a job you love”, “to experience real freedom”;

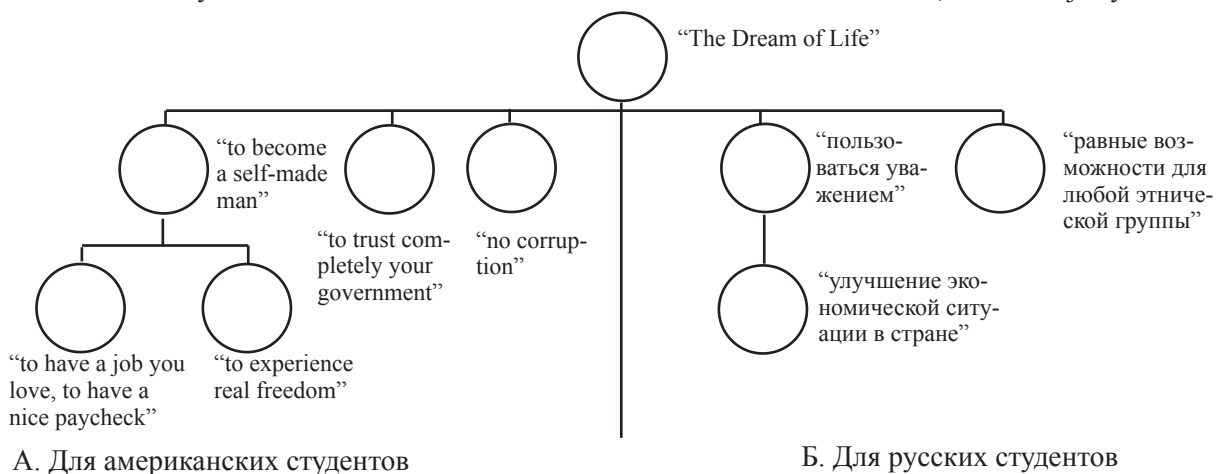

Рис. 2 а. Репрезентация концепта DREAM / МЕЧТА

“to have a nice paycheck”, “to experience real freedom”, “to trust completely your government”, “no corruption” (рис. 2а).

Разница в понимании культурного феномена «дом престарелых» (“nursing house”: “a place for socialized life” / «бесплатное благотворительное учреждение») и др. (рис. 2б), обнаруженная во время подбора ассоциативного ряда, вызвала отрицательный по эмоциональной характеристике отклик со стороны российских студентов. Совместный поиск объяснений культурного национального явления, представленный в лексических единицах родного языка, позволил преодолеть контактный барьер.

Анализ ответной реакции (вербальной и невербальной) на отличные для родной для студентов культуры «смыслы-концепты» помогает определить этап приспособления родного языка к новой культуре. Поэтапное освоение «чужой культуры» обязательно находит отражение в языке, а именно, в уровне владения им. Из всей языковой системы освоение лексического запаса Я2 наиболее ярко свидетельствует о владении инвентарем инокультуры.

Мотивированность социальными требованиями (работа, продвижение по службе) выражается в стремлении избавиться от интерференции в Я2. Но этот процесс не ведет к аккультурации, а ведет к новому конвергентному образованию (рис. 3).

Э. Хауген осторожно заметил, что «двухязычный носитель располагает двумя сосуществующими системами; <...> он, по-видимому, располагает менее чем двумя, но более чем одной системой» [14. С. 62]. Логично предположить возможность объединения в сознании носителя языка двойной культуры (biculturalism) и формирования культурной ноосферы. Билингвы определенного уровня владения Я2 оперируют знаниями «чужой» национальной культуры, не отказываясь от родной культурной системы, которая, судя по интерферентным явлениям в языке, находится в постоянном противопоставлении с ментальными репрезентациями родной национальной культуры. Оппозиция «смыслов-концептов» и формирует новую культурную семиосферу. Появившиеся в обоих языках инновации свидетельствуют о взаимопроникновении культур, о начале процесса

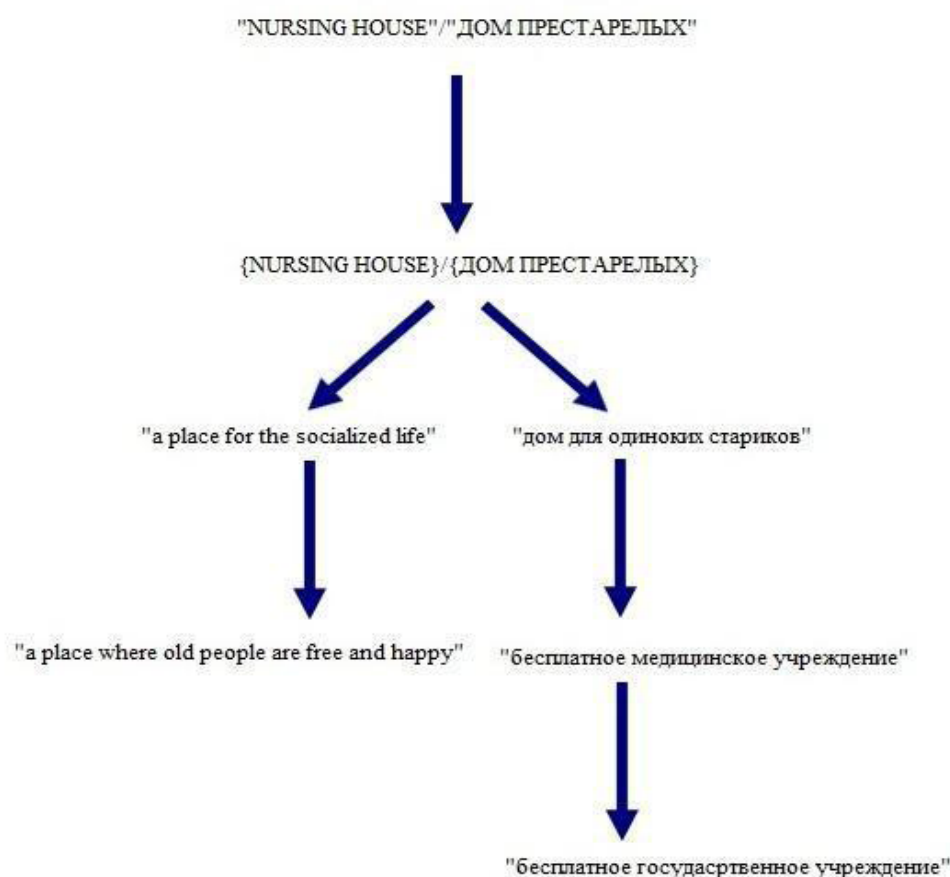

Рис. 2 б. Репрезентация концепта NURSING HOUSE / ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ

«присвоения» чужой культуры, формировании культурной ноосферы билингва. Культурные акценты (по аналогии с акцентом языковым) являются характерной чертой указанной ноосферы. В силу меньшей способности знаков иной культурной семиосферы к распознаванию и «прочтению» и их имплицитной направленности, они трудно определяемы и нуждаются в классификации, которая не будет отличаться универсальностью по причине уникального сочетания исследуемых культур.

С процессом дивергенции культурных и языковых знаков, национальных смыслов (как результат самоидентификации личности в по-

линациональном коллективе) формируется дивергентное билингвальное мышление, которое позволяет билингу или полилингу, не храня отдельно два комплекта культур и два комплекта языка, с высокой креативной способностью находить концептуальные решения из совершенно разных смысловых категорий (рис. 4). В результате интернационализации концептов происходит их конвергенция и реконструкция, что характеризует новую коммуникативную систему – культурно-языковую сферу.

Культурно-языковая ноосфера билингва – это:

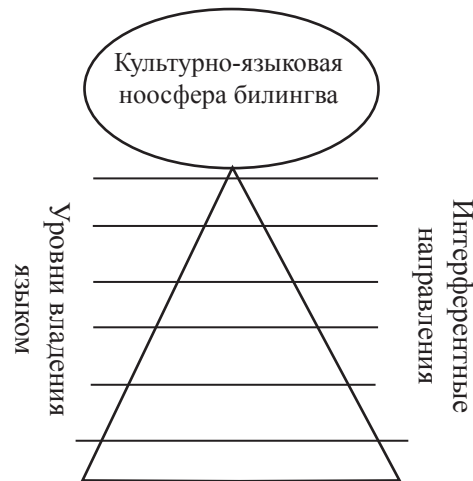

Рис. 3. Формирование коммуникативно-языковой ноосферы билингва

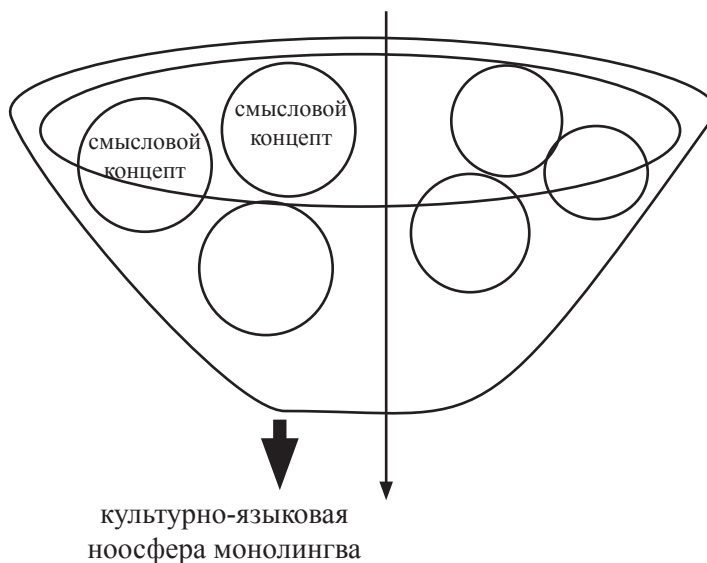

Рис. 4. Формирование культурно-языковой ноосферы билингва: когнитивный аспект

1) подвижная система знаков языка и культуры;

2) сфера, где культурная сфера подчиняется правилам языковой системы (как и в каждой отдельной национальной культурной семиосфере);

3) система, имеющая правила функционирования, обусловленные рамками коммуникации;

4) система, построенная на оппозиции «смыслов-концептов» двух интегрирующих семиотических систем;

5) модель, реализация которой характеризуется, с одной стороны, расширением креативных возможностей человека, с другой стороны, возможной аттрицией некогда приобретенных знаний.

Каждый новый этап присвоения иной культуры и иного языка, характеризующийся стремлением говорящего избавиться от маркеров неассимилированных частей указанных систем (интерферентных элементов) приближает к формированию отличной от родной и неродной культурно-языковых систем. Билингв, реализующая синергетически выстроенную систему, является, таким образом, носителем особой культуры – информационного резервуара контактирующих коммуникативных систем.

Список литературы

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. М., 1974. 446 с.
2. Вайнрайх, У. Языковые контакты: состояния и проблемы. Благовещенск, 2000. 264 с.
3. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 217–237.
4. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические науки конца XX в. // Язык и Наука конца XX в. М., 1995. 262 с.
5. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., 1998. 352 с.

6. Колодяжная, В. История зарубежного кино / В. Колодяжная, И. Трутко : в 3 т. Т. 2. 1929–1945 гг. М., 1970. 480 с.

7. Кравченко, А. И. Культурология. 4 изд-е. М., 2003. 496 с.

8. Краткая философская энциклопедия. М., 1994. 576 с.

9. Толератность в диалоге культур : круглый стол (17.04.2013) [Электронный ресурс]. URL: www.islu.ru/news/itogi-kruglogo-stola-tolerantnost-v-dialoge-kultur.

10. Кубрякова, Е. С. О ментальных репрезентациях / Е.С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний : сб. науч. тр. Вып. II. М., 2007. С. 5–27.

11. Лотман, Ю. Семиосфера [Электронный ресурс]. URL: <http://semiotics.ru/zip/LotmanSemiosphere.zip>.

12. Семиозис [Электронный ресурс] // История философии : энциклопедия. М., 2008. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/460.

13. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М., 1996. 168 с.

14. Хауген, Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1971. С. 61–80.

15. Cognitive Aspects of Bilingualism / I. Kecskes, L. Albertazzi. Springer, 2007. 368 p.

16. Ethnolinguistic groups in Afghanistan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationalsecurity.ru/maps/afghanistanethno.htm>.

17. Guilford, J. P. Creativity // American Psychologist. 1950. Vol. 5. P. 444–454.

18. Kharkhurin, A. V. The Role of Cross-linguistic and Cross-cultural experience in Bilinguals Divergent Thinking // Cognitive Aspects of Bilingualism, 2007. P. 175–210.

19. Soffietti, J. Journal of Educational Psychology. Vol. 46. 1955. P. 222–227.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ МИНИМАЛЬНОГО ИНТЕРАКТИВНОГО ДИСКУРСА В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Выявляется внутренняя структура минимального интерактивного дискурса как речемыслительной единицы фазового пространства языка, рассматриваемого в качестве целостной структуры в результате синтеза простых эволюционирующих единиц в одну сложную структуру путем установления общего темпа их эволюции.

Ключевые слова: *минимальный дискурс, дискурсивно-просодемное пространство, тонема-вопрос, акцентема-ответ, единая темпоральность, комплексная детерминанта.*

Наряду с методологическим обоснованием просодемного языкового пространства, раскрывающим закономерности функционирования и развития просодического уровня языка [4. С. 35], Н. А. Коваленко принадлежит также заслуга выявления минимального интерактивного дискурса, рассматриваемого в качестве речемыслительной единицы фазового переходного пространства [5. С. 46–47], раскрытия его субстанционального и информационного объемов [6. С. 117]. В связи с этим автор характеризует основополагающую роль и значение управляющего параметра порядка (аттрактора) дискурсивно-просодемного пространства – комплексную, или контингентно-просодическую детерминанту.

Принципиальное значение открытия новой речемыслительной единицы фазового пространства языка состоит в том, что минимальный дискурс – это «следующая ступень в эволюции нашего сознания и языка по сравнению с просодемами и их вариантными реализациями в речи». Что касается дискурсивного пространства, то «благодаря комплексной детерминанте оно отражает закономерности просодемно-дискурсивного пространства, но на другом уровне эволюции сапиентации» [5. С. 41].

Целью данной статьи является иллюстрация ведущего принципа, лежащего в основе соединения частей в целое – темпоральной синхронизации, – обеспечивающей необходимые условия для возникновения целостной структуры – минимального интерактивного дискурса.

Согласно вышеупомянутой теории, основу коммуникации и, в частности, минимального интерактивного дискурса составляют важнейшие категории человеческого бытия – времени и пространства.

Как известно, пространственно-временная проблематика служит объектом изучения значительного количества научных дисциплин. Категории пространства и времени принадлежат к фундаментальным не только в ряде точных наук, но и в большинстве наук гуманитарного цикла, включая лингвистику. В настоящее время назрела необходимость рассмотрения данных категорий не только как универсальных категорий бытия в философском аспекте, но и как основных конструктивных свойств минимального интерактивного дискурса, характеризующих его структурные компоненты – иницирующую реплику-тонему и ответную реплику-акцентему.

Не случайно на первый план лингвистических исследований выходит в настоящее время изучение коммуникации в широком смысле этого слова, рассматриваемой в качестве одной из частных категорий социальной интеракции. При этом она определяется в первую очередь как такая интеракция, при которой в фокусе координации оказываются коммуникативные интенции, поскольку именно они являются отправным пунктом всего процесса общения, выражая внутреннее состояние коммуникантов [8. С. 62].

Связанная с изучением коммуникативных интенций, интерактивно-дискурсивная проблематика исходит из понимания языка как основного средства выражения знаний о мире. Являясь предметом исследования самых разнообразных гуманитарных и точных наук, категории пространства и времени составляют в то же время неотъемлемую часть дискурсивно-просодемного уровня языка.

Что касается анализа лингвистической репрезентации категорий пространства и времени с позиции лингвосинергетики, то он позволяет

наиболее детально воссоздать их ментальный образ в рамках дискурсивно-просодемого пространства при рассмотрении внутренней структуры минимального интерактивного дискурса американского варианта английского языка.

В последние десятилетия временная, или, точнее, пространственно-временная локализация получила статус суперкатегории предложения. Изучение типов временной референции также было объектом многочисленных исследований [2. С. 7].

Согласно определению, данному А. В. Бондарко, темпоральность – это функционально-грамматическая категория, являющаяся отражением лингвокогнитивного восприятия человеком времени описываемых событий по отношению к моменту речи или иной точке отсчета. Осмысленные таким образом ситуации являются темпорально локализованными [1. С. 5].

Говоря о временной локализации действия в языке, следует сказать, что она может быть как явно выраженной (эксплицитной), так и подразумеваемой (имплицитной), что объясняется тесной связью категории времени с другими бытийными категориями, в частности, с пространством [7. С. 61].

Разработанную Н. А. Коваленко теорию минимального интерактивного дискурса можно определить как «предприятие колоссально сложное», что обусловлено, в первую очередь, его двойственной природой, относящей его не только к языку и речи, но и к сознанию.

В результате познать морфогенез его структуры представляется возможным только на уровне конъюгации инвариантных единиц просодемого пространства, а также их ситуативной принадлежности [5. С.41].

С другой стороны, именно минимальный интерактивный дискурс является формой выражения речевого общения, которая в наибольшей степени соответствует сущности речевой интеракции как таковой. Слегка перефразировав высказывание Н. Д. Арутюновой, можно сказать, что речь как действие со всем спектром возможных для нее коммуникативных целей воплощена в минимальном интерактивном дискурсе.

В связи с этим закономерно, что в центре внимания теории минимального интерактивного дискурса оказывается не отдельно взятый речевой акт, а взаимодействие речевых актов и, что наиболее существенно, взаимодействие участников коммуникации с их помощью. То, что в рамках прагмалингвистики было лишь фоном, в теории минимального интерактивного

дискурса становится предметом исследования. При этом интерес для ученого представляет «не изолированный говорящий и не изолированный слушатель, то есть не изолированные продуктивные и рецептивные процессы, а гораздо большее: слушатель как отвечающий» [9. С. 3].

Рассматриваемый локально-темпоральный компонент коммуникативной ситуации обуславливает функционирование минимального интерактивного дискурса в сфере речевого общения в зависимости от времени и места речевого акта. В связи с этим принято различать два аспекта локальной и темпоральной характеристики дискурса. Во-первых, коммуниканты встречаются в точке и в момент коммуникативного контакта, так сказать, «здесь и сейчас», что образует своеобразный локально-темпоральный каркас речевого акта, то есть действия – «я сообщаю тебе».

Во-вторых, партнеры по коммуникации общаются в определенном предметном и событийном участке места и времени, что предопределяет событийный план представляемой в минимальном дискурсе ситуации.

Именно благодаря тому обстоятельству, что пространственно-временные координаты акта коммуникации совпали, объединились в одно целое в данной конкретной коммуникативной ситуации, создалась благоприятная среда для функционирования качественно нового единства – высшего инвариантного единства по сравнению с исходными единицами – тонемой и акцентемой.

Минимальному интерактивному дискурсу, выраженному диалогическим единством, то есть представленному тонемой-вопросом в качестве инициирующей реплики и акцентемой – положительным или отрицательным ответом в качестве ответной реплики, имманентно присущ единый темп произнесения, единая темпоральность, или темпоральная протяженность. Вопрос и порождающий его ответ, сжатие и растяжение объединяются благодаря тому, что попадают в единое темпоральное пространство.

Выражаясь образно, можно сказать, что тонема-вопрос и акцентема-ответ как бы «встретились» на новом витке эволюционного развития. Сохранив субстанциональную сущность, две инвариантные базовые единицы ядра просодемы – тонема и акцентема – обогатили свое содержание, создав тем самым предпосылки для образования речемыслительной единицы за счет локализации в едином пространственно-временном поле субъект-субъектных отношений.

Другими словами, две ядерные единицы ядра просодемы – тонема и акцентема – «вошли» в единое темпоральное пространство, где действуют законы сжатия и растяжения времени, функционирующие в пределах коммуникативных типов предложений.

Это подтверждается известным положением Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова относительно того, что необходимым условием синтеза (конъюгации) является единая темпоральность. Так, говоря о необходимости следования правилам нелинейного синтеза при создании сложного эволюционного целого, авторы пишут, в частности, следующее: «Синтез простых ... структур в одну сложную структуру происходит ... посредством установления общего темпа их эволюции во всех относительно простых объединяемых структурах» [3. С. 121–122].

В качестве иллюстрации единого темпорального пространства, в котором неизбежно оказываются компоненты минимального интерактивного дискурса – тонема-вопрос и акцентема-ответ, – рассматриваемые на дискурсивно-просодедном уровне, приведем рисунки (рис. 1–4), наглядно демонстрирующие субстанциональные изменения, которым подвергаются ядерные единицы просодедного пространства.

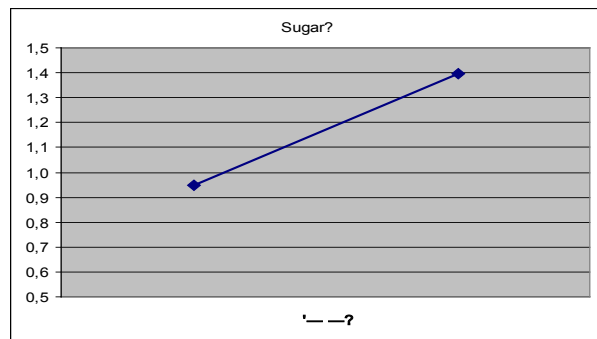

Рис. 1. Субстанциональное изменение тонемы-вопроса как компонента минимального интерактивного дискурса.

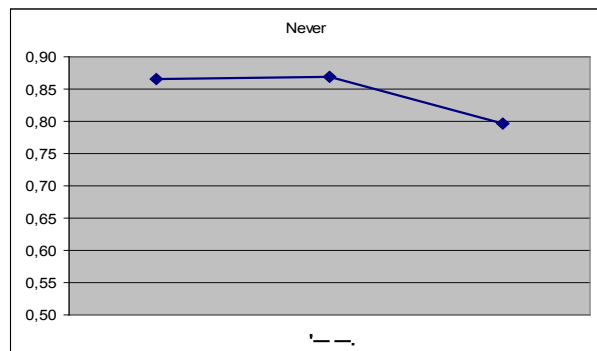

Рис. 2. Субстанциональное изменение акцентемы-ответа как компонента минимального интерактивного дискурса.

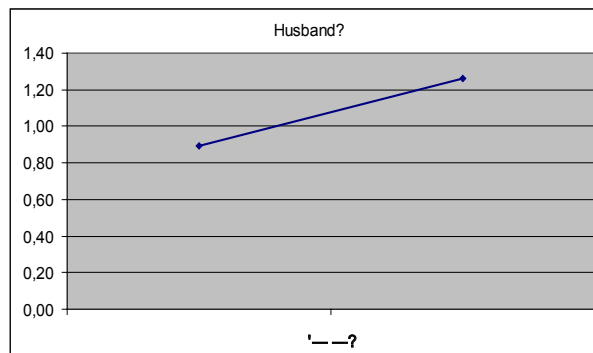

Рис. 3. Субстанциональное изменение тонемы-вопроса как компонента минимального интерактивного дискурса.

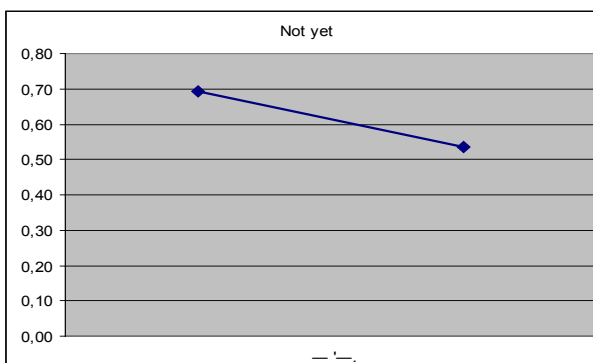

Рис. 4. Субстанциональное изменение акцентемы-ответа как компонента минимального интерактивного дискурса.

Как свидетельствуют приведенные выше рисунки, варианты минимальной просодемы, выраженные слабой позицией тонемы, а также сильной или слабой позициями акцентемы, воспринимаемые в рамках дискурсивно-просодедного пространства и выступающие в роли компонентов минимального интерактивного дискурса, обнаруживают те же субстанциональные изменения, что и варианты минимальной просодемы, рассматриваемые обособленно, вне рамок диалогического единства, как, например, это происходит в назывном предложении и первичном вопросе.

Так, с позиции инварианта, тонема-вопрос как вариант минимальной просодемы показывает расширение диапазона частоты основного тона (ЧОТ), в то время как акцентема-ответ, напротив, демонстрирует его сужение.

Что касается характера информативных связей, проявляемых на семантическом уровне, то он не оказывает здесь решающего влияния на субстанциональные преобразования структурных компонентов минимального интерактивного дискурса.

Фактически эти информационные (семантические) связи совпадают в данном случае с субстанциональными изменениями внутренних единиц минимального интерактивного дискурса, обнаруживая явление изоморфизма. Мало того, благодаря именно этим связям – диссонансным и парсически диссонансным, – что следует из теории Н. А. Коваленко, – внутренние компоненты структуры минимального интерактивного дискурса – тонема-вопрос и акцентема-ответ – сближаются еще в большей степени, обеспечивая, тем самым, большую целостность фазового переходного пространства.

Кроме того, данные рисунки подтверждают то положение, что параметр «сжатие-растяжение» в американском варианте английского языка реализуется как в тонеме, так и акцентеме за счет одних и тех же слогов.

Этот тезис обосновывается также расчетом коэффициента подобия по длительности (табл. 1).

Таблица 1

Результат расчета коэффициента подобия по длительности $T_{ср} = 572,6$ м

Дискурс (вопросно-ответное единство)	Длительность, мс.	Длительность, относительное значение
Already?	712	1,24
Almost	544	0,95
Y' awake?	624	1,09
Of course	616	1,08
Hungry?	488	0,85
Ravenous	672	1,17
Sugar?	552	0,96
Never	944	1,64
Husband?	480	0,84
Not yet	440	0,77
Beautiful?	592	1,03
Pretty	448	0,78

Среднее значение тонемы: $a = 1,002$; среднее значение акцентемы $a_1 = 1,065$

$$k = \frac{1,002}{1,065} = 0,94$$

Как следует из данных таблицы, средние значения преформы-тонемы и реплики-акцентемы практически совпадают, что подтверждает положение Н. А. Коваленко о темпоральной синхронизации как необходимом условии существования компонентов минимального интерактивного дискурса, находящегося в фазовом переходном пространстве.

Функционирование параметра количественности (длительности) в зависимости от акцентной структуры минимальной, а также трехсложного варианта просодемы представлено на рис. 5 и 6.

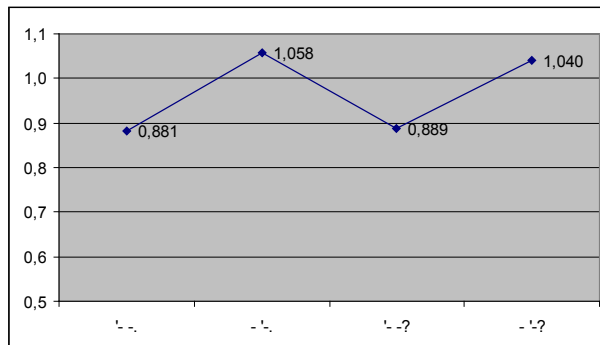

Рис. 5. Зависимость между средней длительностью и вариантами просодем в американском варианте английского языка.

По оси абсцисс – варианты просодем разных акцентных структур;

По оси ординат – величина длительности, м/сек.

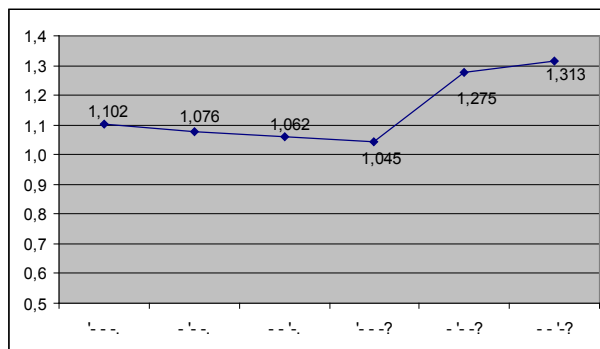

Рис. 6. Зависимость между средней длительностью и вариантами просодем в американском варианте английского языка.

Как можно видеть на рисунках 5 и 6, независимо от того, какого рода связи существуют на семантическом уровне – консонансные, диссонансные, парсически консонансные или парсически диссонансные, на уровне субстанции наблюдается значительный разброс вариативности по параметру длительности, что характерно как для ответов, так и первичных вопросов.

Это лишнее раз свидетельствует о том, что глобальные изменения по параметру количественности были нацелены на создание яркой противопоставленности по длительности между ядерными единицами базисной оппозиции.

Исходя из рисунков, можно также констатировать, что в рамках ситуативно-связанного

Таблица 2

Доверительные интервалы среднего значения относительной длительности вариантов просодем в американском варианте английского языка

Акцентная структура предложения	Среднее значение	Величина доверительного интервала с вероятностью $\beta = 0,973$	Доверительный интервал с вероятностью $\beta = 0,973$
1	2	3	4
' - -	0,881	0,097	0,784 ÷ 0,978
- ' -	1,058	0,118	0,940 ÷ 1,176
' - - ?	0,889	0,072	0,817 ÷ 0,961
- ' - ?	1,040	0,235	0,805 ÷ 1,275
' - - -	1,102	0,094	1,007 ÷ 1,196
- ' - -	1,076	0,260	0,816 ÷ 1,335
' - - - ?	1,045	0,219	0,826 ÷ 1,264
- ' - - ?	1,275	0,311	0,795 ÷ 1,586

интерактивного дискурса сжатие в американском варианте английского языка осуществляется за счет заударных слогов, а растяжение – за счет преударных слогов в речи независимо от коммуникативного типа предложения. Причем сжатие наблюдается в заударных слогах в том числе и по той причине, что на восходящей кривой звуки-слоги сжимаются интенсивней, чем на нисходящей.

Как видно из таблицы 2, границы доверительных интервалов, отражающих длительность акцентных структур первичных вопросов и ответов в большинстве случаев пересекаются, вследствие чего их значения оказываются нерелевантными.

Как видим, полученные в результате эксперимента данные убедительно доказывают справедливость утверждения Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова относительно того, что единицы объединяются в некое единое целое (единую сущность), образуя в результате этого объединения качественно новую инвариантную единицу [3. С. 121–122].

Подытоживая, можно сказать, что диапазон частоты основного тона (ЧОТ) является дифференциальным признаком различения ядерных единиц – тонемы и акцентемы, являющихся в то же время структурными компонентами минимального интерактивного дискурса в американском варианте английского языка.

Управление субстанциональными проявлениями и информационной насыщенностью внутренних единиц минимального дискурса осуществляет системообразующий, управляющий параметр порядка – комплексная, или контингентно-просодическая детерминанта, являющаяся результатом объединения двух разных по природе детерминант.

Список литературы

1. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. 176 с.
2. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. М., 1997. 574 с.
3. Князева, Е. Н. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. 2-е изд. М., 2011. 272 с.
4. Коваленко, Н. А. Системный подход к фразовой просодии слова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 42 с.
5. Коваленко, Н. А. Минимальный дискурс в свете теории просодемного пространства // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 37 (252). Филология. Искусствоведение. Вып. 61. С. 41–47.
6. Коваленко, Н. А. Субстанциональный и информационный объем минимального интерактивного дискурса // Вестн. Иркут. гос. лингвистич. ун-та. 2012. № 2 (18). Филология. С. 117–121.
7. Кордиалик, О. В. Классификация имплицитных временных локализаторов действия в английском дискурсе // Когнитивно-функциональные аспекты грамматических исследований англоязычного дискурса. М., 2008. 260 с.
8. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с.
9. Ремизова, С. А. Вопросительность в диалогическом общении: форма и содержание [Электронный ресурс]. URL: <http://31f.ru/dissertation/615-dissetaciya-voprositelnost-v-dialogicheskom-obshhenii-forma-i-soderzhanie.html>.

БАШКИРСКИЙ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЙ ПРАЗДНИК «ВОРОНЬЯ КАША»: СЕМАНТИКА, ФУНКЦИЯ, БЫТОВАНИЕ

Рассматриваются идейно-функциональные особенности башкирского календарно-обрядового праздника «Воронья каша». Мифологические корни обряда восходят к культовому почитанию ворона и культу умирающей и воскрешающейся природы. Прилет птиц ранней весной древние связывали с началом нового весеннего периода и обновления жизни. Структурно-композиционные, а также словесно-поэтические особенности обнаруживают отражение магических, культовых представлений, реалий традиционной культуры. Анализируются основные компоненты обряда: сборы обрядовых угощений, приготовление «вороньей» каши, заклички дождя, игры и так далее.

Ключевые слова: календарно-обрядовый фольклор, обрядовый праздник, культ ворона, обрядовая каша, благопожелания, заклички.

Большое место в календарно-обрядовом фольклоре башкир занимают обряды и праздники весеннего цикла: «Науруз», «Карға буткаһы» («Воронья каша»), «Кәкүк сәйе» («Кукушкин чай»), «Май сәйе» («Майское чаепитие») и так далее. Единой функцией всех этих весенних обрядов является магическое воздействие на силы природы, получение благословения божеств и обращения с просьбой благополучия, урожая, приплода скота и так далее.

Особый интерес представляет обрядовый праздник «Карға буткаһы» («Воронья каша» – у юго-восточных), «Карғатуй» («Грачиная свадьба» – у северо-восточных башкир). Название обрядов восходит к культу ворона, имевшему место в архаичной культуре многих народов¹.

Во многих традициях ворон фигурирует как птица, приносящая несчастье. «Ворон, питающийся падалью, воспринимается как посредник между жизнью и смертью. Как трупная птица черного цвета с зловещим криком, ворон демоничен, связан с Нижним миром, царством мертвых и со смертью, с кровавой битвой, выступает вестником зла»². В мировоззрении башкир «ворон – птица священная, вещая, которая «выполняет посреднические функции между мирами – небом, землей, загробным царством»³. Поныне в сознании народа ворон связан со смертью, бедой: «Ауыл өстөндө козғон корколдаһа, ауылдан мәйет сыға»⁴ (Если ворон долго каркает над селом – это к смерти, к беде).

В обрядах сибирских, тюрко-монгольских народов ворон выступает связующей силой между временно умирающей (зимой) и воскрешающей (весной) природой, с культом предков⁵.

В этом контексте прилетающий ранней весной (после зимней временной смерти) ворон осознается как вестник и «причина» прихода нового, теплого времени. Однако архаичные корни обряда восходят зороастрийским традициям наземного захоронения. Обрядовый праздник, проводившийся в древней сако-массагетской среде на Южном Урале, назывался «каргас той» как праздник грифов (иранское «каргас» – «гриф»)⁶. Появление стаи ворон над останками освободившихся из-под снега трупов своей периодичностью дают идейную основу обряду. Такое осознание ворона согласуется с архаичным обрядам человеческих жертвоприношений: в великом эпосе «Урал-батыр» сказано, что на флаге Катилы-царя был изображен ворон, и царь ежегодно устраивал в честь хищной птицы человеческие жертвоприношения⁷. В дальнейшей эволюции обрядовую жертву заменяет конь, позднее – каша из зерен, пшеница, собранных во время подворного хождения⁸. Эти историко-этнографические реалии, пережив глубокую трансформацию, обусловили функциональную и структурную специфику обрядового праздника «Карғатуй». Культ ворона, представителя хтонического мира, вестника судьбы (или смерти), так или иначе акцентируется в структуре, функциях, действиях и словесно-поэтическом репертуаре обряда.

Обрядовый праздник «Воронья каша» праздновали на лоне природы, как только стает снег, появится свежая трава⁸. Освобождение земли от снега и громкий крик грачей воспринимались как знак пробуждения Природы. В этнографических и фольклорных источниках подчеркивается сугубо женский состав участ-

ников праздника. Сакральный замысел таких ограничений, видимо, связан с созидательной, плодородной силой женщины⁹, которой уподоблялась в этот момент расцветающаяся природа. В народных примечаниях прослеживается своеобразное аргументирование таких ограничений. Считалось, что если «допускать мужчин на праздник, то уйдет краса праздника»¹⁰. Существует своеобразное игровое нарушение запрета, когда во время праздника могли появиться мужчины и парни, в шутку переодетые в женские платья¹¹.

Для праздника «Воронья каша» специально назначали ведущую – «алсабыр» (досл.: «впереди идущая») или «юлбарсы» (досл.: «ведущая по дороге»). В контексте обряда алсабыр персонифицирует Дух возрождающейся Природы (божество весны или родовую покровительницу)¹². Эта женщина – ведущая обряда – должна быть мастером слова, умелой плясуньей, отличаться веселым характером, пользоваться уважением и почетом среди односельчан. Функционален обрядово-праздничный костюм алсабыр. Женщина одевается по-особому: пестрое платье, поверх которого – красный камзол без рукавов. Камзол сплошь расшивался монетами или украшался речными ракушками (у северо-восточных башкир)¹³. На голову надевалась высокая шапка, поверх которой завязывались два платка: один распускался по спине, другой завязывался треугольником. Платки расшивались блестящими монетами¹⁴. Особо яркое одеяние с узорами и ряжение акцентируют функциональный, обрядовый замысел костюма. В этнографии одежды нашли отражение обращенность к высшим силам (высокая шапка), мотивы привлечения сил благополучия (блестящие, яркие украшения), а также идеи умиловости водной стихии и плодородных сил (монеты и ракушки): все они согласуются с общей направленностью весеннего праздника. Костюм, богато орнаментированный, символизирующий единение верхнего и нижнего миров, сложный по композиции, в символике линий проецирует защитные и плодородные функции.

Начало праздника знаменует подворное хождение алсабыр вместе с детворой по селу и собирания угощений, даров. Возле каждого дома, весело припевая, дети произносят заклички «Карға буткаһы»:

Карға эйтә: «Кар! Кар!
Туйым етте, – бар, бар,
Ярма, күкәй алып бар,

Һөт-майыңды һалып бар,
Үзең купшы кейенеп,
Бала-сағаң эйәртеп,
Касимоскан биткә бар!»¹⁵

*Ворона кричит: «Кар, Кар!
Праздник настал мой, приходи!
Яйца, крупу неси, давай,
Масло давай, молоко давай,
Сама наряжайся,
Детей прихвати,
На гору Касима со всеми иди!»*

Детальное перечисление названий различных гостинцев акцентирует особую динамику действ праздника; подразумевается магия множества и плодородия, изобилия. В закличках примечательны элементы театрализации – подыгрывается мотив созывания людей на праздник от имени самого ворона, в подворных сборах гостинцев читается забота птицы о своих вороненках. Заклички действуют своего рода памятью локуса проведения: традиционно называются соответствующие места праздника («Девичьи горы», «Таштубэ», «Касимоскан», «Олотау» – «Большая гора» и так далее). В архитектонике символичны мотивы общеродового жертвоприношения ворону: подворное хождение и внесение доли для укрепления мира. Логическая композиция праздника выстраивается таким образом, что время, пространство, особенность события, места происходящего закрепляются действиями на фоне высокого эмоционально-экспрессивного пафоса. Последнее достигается громкими скандированиями речитаций, повторами фраз, слов: «На воронью свадьбу иди! Яйцо, яйцо неси! Платочек, полотенце неси!», а также частыми повторами повелений «бар», «бар» (иди, иди!).

К празднику готовили специальную пищу: толкли в ступе зерна пшеницы, просо, пшено для каши, собирали вареные яйца, молоко, готовили творог и пр. Традиционное обрядовое блюдо – каша (каша известна в мировом фольклоре как маркер сытой жизни, благополучия) является центральным звеном в празднествах, и до сих пор устойчиво соблюдаются правила ее приготовления. Оберегают окружение, где готовится каша. Только специально назначенная заранее женщина имеет право готовить обрядовую пищу. Тщательное, неотрывное и многократное размешивание пищи в котле (казане), на наш взгляд, имеет ритуальные функции и соотносимо с мифом о первотворении, когда все смешивается, варится, переходит из

одного состояния в другое. Котел в мифологическом осмыслении действует как «овеществление» (олицетворение), атрибут матери и этимологизируется как зародыш внутри утробы, «сын матери»¹⁶. Приготовление обрядовой каши сопровождают приговоры:

Бутыр-бутыр бутка бешә,
Уртаһына май төшә,
Бутка бешергән кортканың
Фатихаһы мул төшә¹⁷.

*Наша каша варится
В серединку – масло,
У того, кто кашу сварит,
В жизни все свершится!*

В закличках заранее предугадывается щедрость и благословение хозяйки. Угощение ею обрядовой кашей действует как умилоствление птиц и как приобщение людей к силам Природы.

Для угощения готовой кашей женщины и дети располагались на принесенных войлоках или на траве вокруг расстеленных скатертей, на которых были разложены угощения. Рядом с кашей, наполненной кашей, ставили растопленное масло, чтобы во время еды окунать в него ложку, наполненную кашей, но чаще масло наливали в ямку в центре выставленной в большой посуде каши¹⁸. Все хвалили того, кто варил кашу, желая ей долгих лет жизни, здоровья и благополучия:

Лыбыр, лыбыр буткаһы,
Етмеш йәшәр корткаһы.
Бутка бешкән дан булып,
Хурламағыз кортканы¹⁹.

*Каша, каша, кашка,
Долго жить кашеварке!
Славная вышла кашка,
Не ругайте бабушку!*

Во время трапезы женщины и девушки в шутку стараются выбить друг у друга из рук ложки, приговаривая при этом: «Не тебе кашка, а воронам кашка!». Особым колоритом отличалась игра «Бутка урлау» (досл.: «Похищение каши»), когда дети, прикинувшись воронами, похищали котел с кашей.

Отголоски древних верований, мотивы слияния с тотемом (вороном) и тем самым усиления действ сохранили обычаи ряжений в ворона. Информанты свидетельствуют, что в старину имелись специальные накидки с перьями ворона²⁰. Например, у курганских башкир до сих пор сохраняются игровые хороводы детей, ряженных в черные накидки с перьями²¹.

Хороводные танцы в обряде проводят идею солнцепоклонничества и символизируют солидаризацию родового коллектива, единение и включение в круговорот жизни.

В старину на празднике «Каргатуй» бытовали обязательные раскачивания на больших качелях – «Атылмак уйнау». К двум деревьям привязывалась веревка, к ней крепили деревянное сиденье. Раскачивая качели, женщины произносили хамаки-речитации, благопожелания²². «Чем выше раскачивают качели – тем выше будут расти хлеба; чем выше и веселее будет раскачиваться девушка – тем и проворней, рачительный будет муж невесты», – примечали во время игрищ. Мифологические истоки этого развлечения восходят к идее обыгрывания любовной магии и увеличения жизненных потенций.

Обязательный компонент обряда, устойчиво сохраняющийся в течение многих веков – это угощение остатками каши грачей или ворон. После совместной трапезы кашей обмазывают стволы деревьев, кладут под дерево, произнося благопожелания:

Ашағыз, туйығыз,
Илгә именлек килтерегез!
Бер бойзайға – ун бойзай
Ун бойзайға – мең бойзай!²³

*Кушайте досыта,
Родимой земле благодать принесите!
За одно зерно – десять зерен,
За десять зерен – тысячу!*

В действиях проводится позитивное отношение к вещей птице: примечали, что чем больше угощаешь ее, тем лучше, благополучнее будет год.

Позже в эпизоды праздника включались обряды вызывания дождя. После угощения кашей все «обращались к ворону с просьбой даровать дождь»²⁴. В заклинаниях дождя подразумевается могущественная сила и влияние ворона на стихию.

Кар-кар, карғалар,
Ямғыр яу ,тип теләгез!
Ашлыктар сәселгән сак,
Ямғыр яуып үтер сак.
Яу, яу, яу ямғырым!²⁵

*Кар-кар, вороны,
Дождя пожелайте!
Пришла весенних посевов пора,
Пришла веселых дождей пора,
Дождик лей, лей, лей!*

Таким образом, проводимый весной обряд «Воронья каша» обнаруживает идею оплодотворения земли, освободившейся после зимней спячки. В обряде прочитывается древнейший культ умирающей и воскресающей Природы. «Воронья каша» в течение многих веков сохранял элементы синкретичного единства различных культов: ворона, воды, земли, а также обрядовой пищи, увеселений. Умилостивления вещей птицы и культовое почитание ворон трансформируется, и к началу XX в. праздник приобретает зрелищный, игровой характер.

Примечания

¹ См. : Султангареева, Р. А. Весенне-летние обрядовые праздники // Ватандаш. 2012. № 4. С. 120.

² Мелетинский, Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос: цикл Ворона. М., 1979. С. 56.

³ Бикбулатов, Н. В. Кукушка, грач и береза: парадоксы в поверьях башкир // Востоковедение в Башкортостане : история, культура. Т. IV. Уфа, 1992. С. 28.

⁴ Записано Ф. Д. Аккужиной в 2013 г. в д. Байдаuletово Зианчуринского района РБ.

⁵ Алексеев, Н. А. Ранние формы религии у тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 99.

⁶ См. : Юсупов, Р. М. Погребальный обряд // Башкиры-гайнинцы Пермского края. Уфа, 2008. С. 324.

⁷ См. : Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1998. (на башк. яз.).

⁸ Записано Ф. Д. Аккужиной в 2010 г. в д. Юмагужино Зилаирского района РБ.

⁹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 104.

¹⁰ Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор / сост., авт. вступ. ст. и ком-

ментариев Р. А. Султангареева и А. М. Сулейманов. Уфа, 1995. С. 208 (на башк. яз.).

¹¹ Записано Р. А. Султангареевой в 2011 г. от Т. Юмадиловой в Белорецком районе РБ.

¹² Султангареева, Р. А. Обрядовый фольклор башкирского народа // История башкирского народа : в 7 т. Т. 3. Уфа, 2011. С. 123.

¹³ Нагаева, Л. И. Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. Уфа, 1999. С. 53.

¹⁴ Башкирское народное творчество : в 12 т. Т. 12. Обрядовый фольклор / сост., авт. вступ. ст. и комментариев Р. А. Султангареева и А. М. Сулейманов. Уфа, 2010. С. 206.

¹⁵ Башкирское народное творчество... Т. 1. С. 199.

¹⁶ См. : Кондыбай, С. Мифология предказахов. Т. 3. Алматы, 2008. С. 11.

¹⁷ Башкирское народное творчество... Т. 1. С. 200.

¹⁸ Мигранова, Э. В. Башкиры. Традиционная система питания : ист.-этнограф. исслед. Уфа, 2012. С. 197.

¹⁹ Башкирское народное творчество... Т. 1. С. 202.

²⁰ Экспедиционные материалы – 1986. Учалинский район.

²¹ Записано Р. А. Султангареевой в 2003 г. в Курганской области.

²² См. : Нагаева, Л. И. Танцы восточных башкир. М., 1981. С. 59.

²³ Башкирское народное творчество... Т. 1. С. 201.

²⁴ Лепехин, И. Дневные Записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 г. Ч. I. СПб., 1795. С. 116.

²⁵ Башкирское народное творчество. Т. 1. С. 200.

ЭПИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ БЕРДАХА

Исследуется синтез фольклорных традиций в творчестве каракалпакского поэта XIX в. Бердаха. Определяются традиционные и новаторские черты произведений поэта.

Ключевые слова: *поэт, эпические традиции, эпические сказания (дастан), стиль, троп, диалог.*

Одним из поэтов-классиков, которые в XIX в. подняли каракалпакскую литературу на новую художественно-эстетическую вершину, является мастер слова Бердах Гаргабай улы. Эпические традиции фольклора – героический культ, единство народа, воспевание борьбы за независимость – являются отличительной чертой сказаний (дастанов) Бердаха. Преемственность этих традиций в творчестве поэта Бердаха связана с историко-общественными, политико-экономическими условиями той эпохи, в которую жил поэт, – второй половины XIX в., когда в жизни каракалпакского народа произошли очень важные события. В Хивинском ханстве проживало несколько народностей, этнических групп, образ жизни национальный язык, духовная культура, литература которых были сформированы веками. Упадок феодальных отношений оказал значительное влияние на народ, привел их к пониманию своих экономических интересов, гражданского права, национального самосознания. В результате народы, живущие в этом ханстве, начали проводить политику сохранения национального единства.

В связи с этим произошли такие важные для каракалпакского народа события, как восстание 1827 г. во главе с Айдос бием, борьба за трон в Хиве в 1850 г., Кунградское восстание 1856 г., захват Российской империей ханства в 1873 г. Под влиянием исторических событий Бердах создал такие дастаны, как «Акмак патша» («Царь-самодур»), «Ерназар бий», «Айдос баба», «Амангелди», «Кулен болыс», «Хорезм».

Как и другие представители передовой интеллигенции того времени, Бердах отражал в произведениях свою точку зрения на социальную жизнь, общественный строй, в котором он жил. В дастане «Айдос баба» главной становится идея народного самосознания. Айдар Муртазаев пишет о том, что это произведение автор создал, чтобы нанести сокрушительный удар некоторым продажным бийям, трусам, которые преклонялись перед тенью хана вместо того, чтобы, как Айдос, пойти к пособни-

кам хана с саблей, давали им взятки, говоря: «Лучше жить одним днем,» – и тем самым способствовали тому, что народ оказался в затруднительном положении.

В дастане «Айдос баба» Бердаха, в отличие от народных преданий, не говорится о том, что Айдос бий руководит всеми каракалпаками, живущими в стороне «Майлы шенгель» и что его братья Бегис и Мыржык не хотят подчиняться хану и оказывают сопротивление.

Вместо этого Бердах берет в качестве основной идеи лишь патриотическое чувство и передает свою солидарность Айдосу в борьбе с врагами – Хивинским ханством – за свободу народа.

*Не был подчиненным хана,
Был против все дальше,
Нет выхода от смерти,
Умер Айдос баба.*

Бердах в эти строках описывает образ бийя, который думает о своем народе.

В произведении нет прямого обличения нечестной политики, которую вел Хивинский хан. Ее суть раскрывается путем описания отношений Айдоса с ханом. Подытоживается рассказ афоризмом: «Дело хана, дело шайтана».

Стиль дастана «Айдос баба» сохраняет некоторые черты устного народного творчества, такие как похвала, посвящение, описание. В связи с этим исследователи каракалпакской литературы XIX в. писали: «Каракалпакские поэты в своих произведениях восхваляли известных героев, которые защищали свою родину, боролись за свободу, за честь своего народа, известных красавиц, бийев. В качестве примера можно привести стихотворения «Жайлауым» («Пастбище мое») Кунходжи, «Еллерим барды», «Бардур», «Бир парий», «Саудигим», «Садага», «Кырмызы» Ажинияза, «Амангельди», «Ерназар бий», Бердаха, «Гульзийба» Отеша».

И в дастане «Айдос баба» сохранены черты народного стиля. Айдос бий описан как храбрый, сдерживающий свое слово, великий (известный) человек. Это напоминает портреты

богатырей из дастанов «Алпамыс», «Коблан», «Кырк кыз» («Сорок девушек»). В изложении событий, в описании героев произведений хотя и сохраняются следы эпического стиля, но проявляется и новизна. Дастан «Айдос баба» Бердах написал в форме четверостишия Восточной поэзии «Мурабба». Эта форма с рифмой *a-a-a-b* по ритмическому рисунку и по количеству рифмующихся слогов напоминает средневековое силлабическое четверостишие тюркской поэзии, из чего можно сделать вывод о том, что Бердах, объединяя фольклорные традиции и книжный стиль, добился их синтеза.

В героических дастанах использование тропов имеет свои особенности. Широко применяются в создании образа героев эпитеты, гипербола, сравнения. Следы таких эпических описаний встречаются и в произведении Бердаха «Айдос баба». Хотя прототип Айдос бийя взят из реальной истории, жизни, в описании его действий, поведения встречаются следы эпических элементов. Например:

*Врагов много, друзьями,
Острием копья,
Силой рук
Завоевал Айдос баба свой народ.
Увидев его, хан встал с места резко
Ответил он хану против резко.
Несколько лет прожил вольготно
Этим положением Айдос баба.*

Как видно из этих строк, уважение рассказчика к мужеству Айдоса все возрастает.

В этом произведении Бердаха широко использована форма диалога, в том числе для описания образа Айдос бийя, что часто встречается в фольклоре: народных песнях и дастанах. Например:

*Идемте баба, заходите, садитесь в почетное место,
В местечко, созданное Всевышним,
Деньги разделили на четыре,*

*Возьмите одну часть, Айдос баба.
Мужественный сдерживает свое слово,
Того, кто нарушил данное слово, накажет клятва,*

Декханин согласен на одну часть из четырех,

Раздели поровну! – сказал Айдос баба.

Таким образом, избегая излишнего описания образа Айдос баба, словами самого героя, определяющими черты характера, передает такие качества его, как упрямство, мужество, стойкость. Например:

*Если великий, то ваш хан великий,
Хотите быть все великим,
Откуда у вас эти деньги?
Скажите, – сказал Айдос баба.*

Ты не знаешь меня.

С ним равен мой бог,

Не нужны пустые угрозы,

Стой спокойно, – сказал Айдос баба.

В этих строках дастана «Айдос баба» позиция автора проявляется открыто. Герой описан как мужественный, заботливый руководитель, защищающий свой народ.

Список литературы

1. Каримов, А. Бердақ шығармаларының текстологиясы хақындағы мәселеге // Әмиўдәрья. 1977. № 7. 112–116 б.
2. Байниязов, Қ. Алтын айтқан хәр бир сөзим // Әмиўдәрья. 1977. № 8. 85–95 б.
3. Дәўқараев, Н. Шығармаларынын толық жыйнағы. Т. 3. Нөкис, 1979. 150–151 б.
4. Сағыйтов, И. Сахра бүлбили. Нөкис, 1974, 292-293 б.
5. История каракалпакской литературы. Ташкент, 1994. 236 б.

О ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОМ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ НОВОЗЕЛАНДСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО СУБСТАНДАРТА

Рассматривается история изучения лексического просторечия на примере новозеландского варианта английского языка, включается лексикологическое и лексикографическое описание источников некодифицированной лексики исследуемого лингвистического ареала, рассмотренных в хронологической последовательности; уточняются основные понятия, связанные с темой исследования.

Ключевые слова: национальный вариант языка, новозеландский вариант английского языка, лексический субстандарт / лексическое просторечие, новозеландский лексический субстандарт / новозеландское лексическое просторечие, новозеландский лингвистический ареал, лексикология, лексикография, новозеландизм, субстандартный новозеландизм.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является изучение вопросов языковой вариативности национальных литературных языков и их региональных вариантов как в стандартных, так и в просторечных формах. Новозеландский вариант английского языка (далее *NZE – New Zealand English*) – относительно молодая экзистенциальная макроформа существования полинационального английского языка, национально-культурное своеобразие которого отражено в значительном количестве опубликованных словарей литературного стандарта и лексического просторечия¹, глоссариев, собраний, списков слов и выражений. В соответствии с социолексикологической и контрастивно-социолектологической концепцией В. П. Коровушкина² субстандартный компонент *NZE*, лексическое просторечие, в нашем случае новозеландского лингвистического ареала, определяется как исторически сложившаяся, сравнительно устойчивая и полуоткрытая, противопоставленная литературному стандарту, системно организованная и иерархически структурированная разновидность национального варианта английского языка в Новой Зеландии, отвечающая социолингвистической норме второго уровня и имеющая в своем составе отдельные экзистенциальные и неэкзистенциальные языковые образования. Субстандартная лексико-фразеологическая система *NZE* охватывает две социально детерминированные профессионально-корпоративные речевые микросистемы: *общенародное лексическое просторечие*, состоящее из низких коллоквиализмов, общих сленгизмов и вульгаризмов, и *специальное лексическое просторечие*, включающее профессионально-корпоративные жаргонизмы и

кэнтизмы (арготизмы), функционирующие в условиях лексической диглоссии и характеризующиеся этико-стилистической сниженностью и различной степенью пейоративной оценки.

Изучение *NZE* как совокупности всевозможных языковых реализаций активизируется уже в 70-е гг. Лингвистические исследования охватывают основные языковые уровни: фонетико-фонологический – Л. Бауэр, А. Белл, Д. Бритэн, М. Маклаган, П. Р. Хокинс, Дж. Холмс; грамматический – Л. Бауэр, П. Коллинс, П. Питерс, М. Хундт; лексический – Д. Беллет, Б. Вайн, Т. Деверсон, Р. Лик, Дж. Макалистер, Г. Орсман и др.

Вопросы лексикологического анализа и лексикографической регистрации просторечных единиц новозеландского ареала (субстандартных новозеландизмов³) рассматривались в исследованиях Д. Бардсли, Л. Бауера, С. Дж. Бейкера, Д. Лузер, Л. Леланда, Д. Макджилла, Г. Орсмана и Д. Хёрли, Д. А. Смит и др. В отечественном языкознании система некодифицированной лексики *NZE* отличается заметной фрагментарностью изученности. Этим обстоятельством объясняется выбор темы настоящей статьи. Рассмотрим историю изучения новозеландского лексического просторечия в рамках лексикологического и лексикографического подходов в хронологической последовательности.

Наиболее ранние попытки описания *NZE* и его лексического просторечия относятся к периоду первых европейских поселений на территории современной Новой Зеландии (1840 г.). Так, например, в издании “*A first year in Canterbury Settlement*” (1859) С. Батлер указывает на лексические и фонетические осо-

бенности обиходно-разговорной речи жителей Новой Зеландии:

“A few expressions were not familiar to me. When we should say in England “Certainly not,” it is here “No fear,” or “Don’t YOU believe it.” When they want to answer in the affirmative they say “It is SO,” “It does SO.” The word “hum,” too, without pronouncing the U, is in amusing requisition. I perceived that this stood either for assent, or doubt, or wonder, or a general expression of comprehension without compromising the hummer’s own opinion, and indeed for a great many more things than these; in fact, if a man did not want to say anything at all he said “hum hum.” It is a very good expression, and saves much trouble when its familiar use has been acquired”⁴.

Основы лексикографического исследования NZE и его лексического субстандарта складываются в конце XIX в. с момента выхода в свет словаря Э. Морриса «*Austral English: A Dictionary of Australasian words, phrases and usages, with those Aboriginal-Australian and Maori words which have become incorporated in the language and the commoner scientific words that have their origin in Australia*» в 1898 г. В современной лингвистике под термином ‘*Austral (Australasian) English*’ исследователи понимают определенную разновидность английского языка, используемую в качестве средства коммуникации в пределах Австралии или Южной Азии⁵. Сам автор связывает возникновение «южного английского» с процессами пополнения его лексического фонда новыми ЛЕ и новыми значениями уже существующих слов, используемых в речи носителей языка, проживающих на территории Австралии, Тасмании и Новой Зеландии, в результате процессов семантического переосмысления и заимствования элементов из индигенных языков. Э. Моррис опровергает возможность расширения объема словарного состава *Austral English* исключительно за счет сленгизмов, на долю которых приходится всего 10 % от общего количества новообразований. Несмотря на то, что сленг является неотъемлемым компонентом южного английского, большая часть сленгизмов образуется за пределами данной разновидности английского языка⁶.

В словаре Э. Морриса нами зафиксирован один сленгизм, снабженный пометой *New Zealand slang*, остальные ЛЕ, имеющие непосредственное отношение к NZE, представляют собой (не)ассимилированные маорийские заимствования (без соответствующих функ-

ционально-стилистических помет), которые можно объединить в следующие тематические группы: 1) эндемичные названия флоры и фауны; 2) наименования культурной и общественной жизни маори; 3) топонимы и имена собственные. Некоторые из них впоследствии вошли в субстандартный лексический фонд NZE. В качестве примера рассмотрим словарную статью в авторской редакции: 1) вокабула: **Tannergrams**; 2) дефиниция: On 1st of June, 1896, the New Zealand Government reduced the price of telegrams to sixpence (slang, a ‘tanner’) for twelve words (1 июня 1896 г. правительство Новой Зеландии снизило стоимость отправления телеграмм до 6 пенсов (от ‘tanner’ (сленг) – 6 пенсов) за 12 слов; 3) грамматическая справка: *n.* (*noun* – «имя существительное»); 4) функционально-стилистическая информация: *New Zealand slang*; 5) темпоральная принадлежность ЛЕ: 1896 г.; 6) иллюстративная цитация (с указанием на время цитирования): 1896 ‘Oamaru Mail’, June 13: “Tannergrams is the somewhat apt designation which the new six-penny telegrams have been christened in commercial vernacular”⁷. В общей сложности словарь Э. Морриса содержит порядка 300 сленгизмов. К концу XXI в. в лексический фонд AusE и NZE вошло более 2000 новых ЛЕ (основную часть из которых составляют наименования эндемических видов флоры и фауны, языковые реалии, заимствованные из языков коренного населения), что, в свою очередь, не могло не сыграть роли важнейшего фактора в дальнейшем развитии и оформлении их в качестве национально-региональных вариантов, каждый из которых есть отражение национальных ценностей и этнокультурных особенностей.

Так, одним из наиболее распространенных автохтонных заимствований в NZE является многозначная лексема “*kiwi*” с первоначальным лексическим значением «бескилевая нелетающая птица»⁸, с течением времени приобретающая символический характер. Сегодня “*kiwi*” может означать все, что имеет отношение к Новой Зеландии⁹: страну и ее жителей, чувство национальной гордости и дух народа, государственный герб, NZE и так далее. ЛЕ “*Kiwiism*” также используется в качестве синонима понятия «новозеландизм». В издании Г. Орсмана “*A Dictionary of Modern New Zealand Slang*” (1999) отмечены следующие области употребления “*kiwi*”: 1) в наименованиях известных новозеландских спортивных команд и театральных (танцевальных и др.) трупп; 2) шутовское на-

звание новозеландского солдата; 3) форма обращения к мужчине (реже к женщине); 4) для обозначения всего, что ассоциируется с Новой Зеландией (“kiwi” – новозеландский доллар; NZE); 5) как прилагательное в значении «относящийся к Новой Зеландии / новозеландцам»¹⁰. Данная лексема входит в состав многих слов и словосочетаний: *Kiwiland* (Новая Зеландия), *kiwi disease* (официальная позиция Новой Зеландии о неприменении ядерного оружия), *kiwi Keith* (общенародное прозвище Сэра Кита Джакка Холиока, последнего премьер-министра (1960–72) и генерал-губернатора Новой Зеландии (1977–80))¹¹; *kiwi green* (конопля, выращиваемая в Новой Зеландии)¹².

К одному из первых источников, посвященных исследованию новозеландского сленга, относится словарь в редакции С. Дж. Бейкера “*New Zealand Slang: A Dictionary of colloquialisms*”¹³ (1941). Издание состоит из десяти глав; включает в себя описание слов и словосочетаний середины XIX–XX вв. с использованием историко-этимологической интерпретации в форме повествования; в конце словаря представлен глоссарий, содержащий 528 ЛЕ. По сведениям автора, NZE располагает незначительным числом «своеязычных» субстандартных образований, зарегистрированных в NZE раньше, чем в BrE: **jimmygrant** «иммигрант» (1845), **old identity** «старожил» (до 1862), **spuds** «картофель» (до 1844). Интерес представляет раздел, посвященный описанию новозеландского варианта англоязычного пиджина (“Pidgin” English in New Zealand). Однако, по мнению С. Бейкера, использование термина «пиджин» нецелесообразно для описания той разновидности жаргона, которая сформировалась в результате контактирования английского и маорийского языков¹⁴. Для определения возникшего жаргонизированного языка исследователь предлагает использовать термин “Pakeha-Maori”, заимствованный из “Maori Comparative Dictionary” Э. Трегера, но впоследствии отказывается от этой идеи, полагая, что значение будет малопонятным за пределами Новой Зеландии¹⁵. С точки зрения автора, трудно установить границы между «маорийскими искажениями» английских слов, чье возникновение было обусловлено общественной потребностью, и подобными элементами настоящих пиджин-языков, таких как **Baboo English** или **Beach-la-Mar**, формирование которых проходило как с участием коренного населения, так и европейцев с целью

осуществления торговли или выполнения каких-либо работ¹⁶.

Настоящее языковое образование вряд ли можно назвать пиджином, поскольку оно не отвечает всем требованиям контактного языка как вспомогательной лингвистической системы. Р. Кларк называет данную языковую форму ‘New Zealand jargon English’ и относит ее к локализованным проявлениям южной разновидности тихоокеанского жаргона (South Seas jargon), который приостановился в развитии в силу своей нестабильности и непродолжительности существования¹⁷.

Необходимо также отметить несколько неоправданное стремление С. Бейкера недооценить и минимизировать идею повсеместного распространения «пиджиноподобного жаргона»¹⁸ на территории Новой Зеландии. «Признавая данный факт, мы должны выразить уважение к маорийской расе»¹⁹, отмечает он.

Известно, что на начальном этапе формирования NZE был далек от литературного стандарта и представлял собой синтез взаимодействующих языковых форм: различных региональных вариантов английского языка, диалектов, полудиалектов, жаргонов, кэнта и сленга. В структурном отношении новозеландское общество также не отличалось однородностью и состояло из беглых каторжников Австралии, китобоев, бедствующих искателей приключений, матросов, дезертировавших с китобойных судов, злостных должников²⁰. Разные авторы использовали различные названия для описания новозеландского социума, как правило, в негативном контексте своего восприятия: большая часть англичан, населявшая острова, приравнивалась к «отбросам общества», «развратникам с низменными человеческими пороками», а сама Новая Зеландия именовалась «раем для бродяг и мошенников»²¹. Вполне естественным в сложившихся условиях для данной категории населения было употребление в целях коммуникации стилистически сниженных языковых и речевых средств, сленга, грубого и вульгарного жаргона, кэнта.

Так, по наблюдениям Э. Вейкфилда язык Новой Зеландии «в действительности представлял собой арго или сленг, практически непонятный чужестранцам ... каждый предмет торговли с местными жителями имел свое сленговое обозначение. Употребление сленгизмов и арготизмов было вполне естественным и повсеместным – начиная тюрьмами и

заканчивая дворцом вице-короля, не исключая адвокатуру и суды»²².

Некоторые исследователи высказывают критические замечания относительно заглавия и содержания данного издания, указывая на то, что словарь не представляет собой анализ коллоквиализмов (или словарного состава), а скорее – относительно хронологическое собрание и описание ЛЕ²³.

Дж. Коулман отмечает, что С. Дж. Бейкер довольно широко трактует термин «сленг», относя к нему ЛЕ, не соответствующие установленным языковым нормам и (или) отражающие специфику национального мировосприятия, отмечая, что многое из того, что он перечислил в своем издании, характерно для разговорного английского языка новозеландского ареала²⁴.

В работе Ф. Л. Сольяк “*New Zealand, Pacific Pioneer*” (1946) в разделе “*New Zealand English*” содержатся списки разговорно-сленговых и коллоквиальных единиц различного происхождения, вошедших в субстандартный лексический фонд NZE.

Для удовлетворения растущих потребностей в номинации в новых условиях жители Новой Зеландии заимствовали ЛЕ и создавали языковые новшества: **Captain Cooker** «дикая свинья», **gridironing** «приобретение земли узкими участками с целью вытеснения потенциальных поселенцев», **gumdigger** «зубной врач», **cowspanker** «фермер, разводящий молочный скот», **Newzie, pig islander** «житель Новой Зеландии», **rouseabout** «мастер на все руки»²⁵.

Ф. Л. Сольяк указывает на случаи обратных заимствований: жители Новой Зеландии активно заимствовали ЛЕ из американского сленга, а американские военнослужащие, проходящие службу в южной части Тихого океана, в свою очередь, перенимали новозеландские и австралийские слова и выражения обратно в первоисточник, в дальнейшем многие из которых (**absentee, beachcomber, Maori**) распространились в пределах лексической системы полинационального английского языка²⁶.

К одному из наиболее объемных и полных источников некодифицированной лексики английского языка относится словарь Э. Партриджа “*A dictionary of slang and unconventional English. Colloquialisms and Catch Phrases Fossilised Jokes and Puns General Nicknames Vulgarisms and such Americanisms as have been naturalised*” (1984), содержащий разноплановую и максимально подробную информацию о

субстандартных единицах и претерпевший несколько изданий (1961; 1984; 2002) со дня первого выхода в свет в 1937 г. Словарь (1984) состоит из 200 000 словарных статей и содержит детальное описание значений просторечных ЛЕ с помощью разветвленной системы помет. Автором используется широкий спектр указателей и маркеров, отображающих временную, историческую, социальную, профессиональную, групповую, национально-региональную, локальную, этническую и географическую принадлежность элементов нелитературной лексики.

Используемый для социолексикографического анализа набор специальных средств в словаре Э. Партриджа можно объединить в наиболее общие группы помет: 1) грамматические; 2) социально-стилистические; 3) социолингвистические; 4) дериватологические²⁷.

Структура словарной статьи может быть представлена как постоянными, так и служащими для дополнительной детализации просторечных единиц компонентами. Методом сплошной выборки нами было зафиксировано около 300 субстандартных новозеландизмов. Приведем образец словарной статьи из рассматриваемого источника: 1) заголовочное слово: **stop off**; 2) грамматическая информация с указателем лексико-грамматических характеристик части речи: *v.t. (verb intransitive)*; 3) дефиниция: *To desist from, to cease doing or making (воздерживаться от ч.-л., прекращать ч.-л. делать)*; 4) социолингвистическая информация: а) ареально-региональная принадлежность: NZ; б) темпоральная принадлежность: *since ca. 1880*; 5) авторская цитация с паспортизованным иллюстративным примером: “*Stop that row, Tommy... stop it off*” (G. B. Lancaster, *Sons o’Men*, 1904)²⁸.

Словарь Д. Макджилла “*McGill’s Dictionary of Kiwi Slang, Catchphrases, Characters and Kiviosities*” (1995) включает более 1500 субстандартных национально-окрашенных слов и словосочетаний, стереотипных и клишированных фраз, фразеологизмов. В издании также содержатся всевозможные комментарии, шуточные высказывания, цитаты и выражения, заимствованные из различных источников средств массовой информации. Автором используется незначительное количество словарных помет. Д. Макджилл не проводит четкого разделения между ЛЕ австралийского и новозеландского происхождения; слова в большей степени используемые в Австралии, чем в Новой Зелан-

дии, снабжены пометой *AusE*, в противном случае они обозначены пометой *NZE*. Вызывают интерес и маорийские заимствования; так, например, **TaumatawhakatangiHangako-auautamateapokaiwhenuakitanatahu** – самое длинное географическое название холма, расположенного в южной части провинциального округа Новой Зеландии Хокс-Бей²⁹. Данный словарь представляет интерес, прежде всего, в лингвострановедческом аспекте.

Значительный вклад в изучение новозеландского лексического просторечия внес Г. Орсман, чьи работы представлены следующими лексикографическими статьями и собраниями нестандартной лексики и фразеологии: “The Southland dialect” (1966), “A Dictionary of Modern New Zealand Slang” (1999); совместно с D. Hurley “New Zealand slang dictionary” (1992), “Quotable New Zealanders” (1992), “A dictionary of Kiwi-isms” (1994), “The beautiful little book of New Zealand slang” (1994). “Dictionary of Modern New Zealand Slang” – один из наиболее информативных источников, включающий лексикографическое описание субстандартной, ненормативной и сленговой лексики со времен второй мировой войны и до конца 90-х гг. XX в. и содержащий около 2600 словарных статей. Автор указывает на более урбанистический уклон в употреблении просторечизмов по сравнению с прошлым столетием: “**fleecing** would now immediately suggest **consumers** and **business** rather than **farming** or **sheep**”³⁰. Словарная статья содержит достаточно подробную информацию для социолексикографического анализа той или иной ЛЕ и может состоять из следующих компонентов: 1) вокабулы и ее альтернативного варианта написания (при наличии); 2) грамматических характеристик; 3) дефиниции; 4) информации этимологического характера; 5) устойчивых сочетаний с вокабулой; 6) социолингвистической информации; 7) дериватологической справки. Ср.: 1) вокабула: **tolly**; 2) *v., n. (noun / verb* – «имя существительное» / «глагол»); 3) дефиниция: To **defecate** / **excrement** (**испражняться** / испражнения); 4) дериватологическая справка с указанием на источники заимствования: From northern British and Scottish dialect *tollie* ‘excrement’; 5) социолингвистическая информация: а) локально-территориальная отнесенность ЛЕ в сочетании с социально-демографической принадлежностью: *Otago children*.; б) функционально-историческая принадлежность: *Obsolete*.; в) темпоральная принадлеж-

ность: c1934; 6) иллюстративный пример: in a Dunedin schoolchildren’s parody of ‘Mary had a Little Lamb’: She took it up to school one day/ It tollied on the floor./ Mary had to lick it up/ And hoick it out the door.

В соответствии с принимаемой нами концепцией В. П. Коровушкина в словаре Г. Орсмана также наиболее полно прослеживается: 1) структурно-компонентная организация новозеландского лексического субстандarta; 2) экзистенциальная (локально-территориальная, социально-корпоративная, социально-профессиональная, темпорально-историческая) вариативность его составляющих; 3) ареально-региональная, социально-территориальная, профессионально-корпоративная, темпорально-историческая мобильность его элементов в общей системе полинационального английского языка.

Особый интерес вызывает диссертация Д. Лузер “*A Lexicographical Study of the Argot of New Zealand Prison Inmates*” (2001), представляющая собой всесторонний анализ исследуемого корпоративного субъязыка новозеландского лингвистического ареала за период 1996–2000 гг. в свете социологии и лексикологии с учетом гендерных особенностей его носителей.

Тюремный жаргон Новой Зеландии (от новозел. англ. ‘**boobslang**’, ‘**boobtalk**’ или ‘**boob jargon**’ – «тюремный сленг», «тюремный жаргон») – это специфическая социально-детерминированная разновидность NZE, сформировавшаяся на основе взаимодействия BrE, AusE, AmE, маори и других языков полинезийской группы. В контексте социолектологии и социолексикологии тюремный жаргон определяется как особый подтип социально-корпоративного жаргона, компонентная организация которого представлена жаргонизированными низкими коллоквиализмами, общими сленгизмами, вульгаризмами, и главным образом, кэнтизмами (арготизмами), а также жаргонами определенных профессиональных преступных групп и лексиконами маргинальных асоциальных и антисоциальных субкультур. Вместе с вышеказанными нелитературными формами он образует субстандартную лексическую систему криминального социолекта, которая, в свою очередь, формирует субстандартную часть лексической системы криминального субъязыка NZE³¹.

Диссертация Д. Лузер состоит из двух частей. В первой части исследования обозначены

основные функции, социальные и психологические предпосылки возникновения криминального субъязыка, его структурно-семантические черты и гендерные особенности носителей; тюремный жаргон рассматривается в качестве антиязыка в криминальном антисоциуме и средства, без которого не проходит вторичная социализация личности преступника. Антиязык, по мнению автора, в соотношении с литературным стандартом, способствует «частичной релексикализации» (замещении стандартных ЛЕ субстандартными) и «избыточной лексикализации» (образованию многочисленных синонимических рядов) последнего³².

Также диссертационное исследование имеет большую практическую ценность с точки зрения пенитенциарной и социальной психологии.

Вторая часть диссертации представляет собой социолексикографический анализ ЛЕ соответствующей семантики, заимствованных из криминальных субкультур других англоязычных лингвистических ареалов.

Словарь, составленный автором, включает около 3000 словарных статей. Словарная статья содержит следующие обязательные и факультативные компоненты: заголовочное слово, дефиницию, этимологическую справку, примеры цитирования из новозеландских источников, подробную социокультурную информацию различного характера (например, об особенностях поведения наркозависимых и употреблении наркотических веществ; преступных группировках, тюремной политике и условиях содержания заключенных и так далее).

В качестве примера рассмотрим одну из словарных статей с использованием специальных лексикографических средств: 1) вокабула: **cuzzie**; 2) грамматическая информация: *n. (noun)* – «имя существительное»; 3) дефиниция: **the narcotics detection dog (собака, обученная обнаружению наркотических веществ)**; 4) дериватологическая справка: ... derived from 'cousin'; 5) социокультурная информация: Note: ... **this is a term used specifically by members of the Mongrel Mob gang. The Mongrel Mob revere and identify with the dog, even referring to themselves and each other as dog; therefore, the narcotics detection dog is considered a relation**; 6) иллюстративный пример: 'Cuzzie's sniffing today'³³.

Характерным признаком новозеландского криминального субъязыка является наличие в системе последнего **рифмованных образова-**

ний, выполняющих функцию секретного кода и языкового жонглирования: **currant bun** 'the sun' (солнце), **Dad and Dave** 'a shave' (бритва), **dad's eye** 'a pie' (пирог), **dead horse** 'sauce' (соус), **deep sea shark** 'nark' (доносчик), **flowery dell** 'cell' (камера), **Henrietta** 'letter' (письмо), **Nellie Bligh** 'lie' (ложь), **pig's ear** 'year' (год)³⁴.

Другие работы Д. Лузер также посвящены изучению тюремного жаргона на материале NZE в свете социологии и лексикологии: "Boob Jargon: The Language of a Women's Prison" (1999); "Investigating Boobslang" (1999); "Boobslang and Kiwi Culture: The Oral Communication of Prison Inmates" (2000); "Lexicography on the Inside: doing time in every New Zealand prison" (2004).

Таким образом, развитие и пополнение субстандартного лексического фонда NZE осуществлялось не только благодаря внутриязыковым ресурсам, но и за счет лексического материала другого языка, что, в свою очередь, зафиксировано и продемонстрировано в соответствующих многочисленных изданиях. На сегодняшний день лексикологическое и лексикографическое изучение новозеландского лексического просторечия не ограничивается описанием вышеупомянутых источников и требует дальнейших дополнительных исследований.

Примечания

¹ Понятия субстандарта и просторечия используются здесь как взаимозаменяемые.

² См.: Коровушкин, В. П. Основы контрастивной социолектологии : дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2005. 640 с.

³ Новозеландизм – это единица, которая представляет собой стандартные и субстандартные формы существования английского языка в Новой Зеландии, принадлежащая системе NZE, либо отсутствующая в системе BrE, либо отличающаяся от соответствующей единицы BrE по некоторым параметрам. Данное определение сформулировано аналогично понятию «австрализма» из диссертации: Байсултанов, И. В. Социальная дифференциация английского языка в Австралии (социолексикологический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. С. 58. Субстандартный новозеландизм соответствует социолингвистической норме второго уровня.

⁴ Butler, S. A first year in Canterbury Settlement [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/3235/pg3235.html.utf8>

- ⁵ Ощепкова, В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.–СПб., 2004. С. 80.
- ⁶ Morris, E. *Austral English: A Dictionary of Australian Words, Phrases and Usages*. London–N.-Y., 1898. P. XI.
- ⁷ Там же. P. 457.
- ⁸ Там же. P. 250.
- ⁹ См.: Лагоденко, Д. В. Взаимодействие разносистемных языков в едином коммуникативном пространстве (на материале новозеландского варианта английского языка и языка маори) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 103.
- ¹⁰ Orsman, H. A. *Dictionary of Modern New Zealand Slang*. Oxford, 1999. P. 75–76.
- ¹¹ Там же. P. 76.
- ¹² McGill, D. *McGill's dictionary of kiwi slang, catchphrases, characters and kiwiosities*. Wellington, N.Z., 1995. P. 73.
- ¹³ Полное наименование словаря – “New Zealand Slang: A Dictionary of Colloquialisms, the First Comprehensive Survey Yet Made of Indigenous English Speech in This Country from the Argot of Whaling Days to Children's Slang in the Twentieth Century” (1941).
- ¹⁴ Baker, S. J. *New Zealand Slang: A Dictionary of Colloquialisms*. Whitecombe and Tombs Ltd.: Christchurch, Auckland, Wellington, Dunedin, Invercargill, N. Z., London, Melbourne and Sydney, 1941. P. 71.
- ¹⁵ Там же. P. 71–72.
- ¹⁶ Там же. P. 73.
- ¹⁷ Clark, R. *Pidgin English and Pidgin Maori in New Zealand // New Zealand Ways of Speaking English / A. Bell, J. Holmes (eds.)*. Bristol, 1990. P. 108.
- ¹⁸ Термин В. П. Коровушкина; см: Коровушкин, В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолектологического анализа) : монография. Череповец, 2008. С. 38.
- ¹⁹ Baker S. J. *New Zealand Slang: A Dictionary of Colloquialisms*. Whitecombe and Tombs Ltd.: Christchurch, Auckland, Wellington, Dunedin, Invercargill, N. Z., London, Melbourne and Sydney, 1941. P. 73.
- ²⁰ Там же. P. 9.
- ²¹ Там же P. 9. цит. по: J. Savage, 1807; Ch. Darwin, 1845; J. D. Lang, 1839.
- ²² Там же P. 33. цит. по: E. J. Wakefield, 1829
- ²³ Deverson, T. *Handling New Zealand English Lexis / A. Bell, K. Kuiper // New Zealand English*. Wellington, 2000. P. 32.
- ²⁴ Coleman, J. *The Life of Slang*. Oxford, 2012. P. 223–224.
- ²⁵ Soljak, Ph. L. *New Zealand: Pacific Pioneer*. N.-Y., 1946. P. 117.
- ²⁶ Там же. P. 114.
- ²⁷ Рябичкина, Г. В. Типы помет в «Словаре сленга и нестандартного английского языка» Э. Партриджа (социолексикографический анализ) // Вестн. Тамбов. ун-та. 2008. Вып. 11 (67). Гуманитарные науки, С. 221.
- ²⁸ Partridge, E. *A dictionary of slang and unconventional English*. L., Melbourne and Henley, 1984. P. 1161.
- ²⁹ McGill, D. *McGill's dictionary of kiwi slang, catchphrases, characters and kiwiosities*. Wellington, N.Z.: Silver Owl Press, 1995. P. 129.
- ³⁰ Orsman, H. A. *Dictionary of Modern New Zealand Slang...* P. V–VI.
- ³¹ Коровушкин, В. П. Основные источники пополнения и формирования словаря тюремного жаргона (социолектологический и социолексикологический подход) / В. П. Коровушкин, С. С. Трифанова // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. 25–26 марта 2012 г. Пенза ; М. ; Решт, 2012. С. 55.
- ³² Looser, D. *Boobslang: A lexicographical study of the argot of New Zealand prison inmates, in the period 1996–2000 : a thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in English*. Canterbury, 2001. Vol. I. P. 15–16.
- ³³ Looser, D. *Boobslang : a lexicographical study...* Vol. II. P. 51.
- ³⁴ Там же. P. 51–54; 71; 86; 123; 140.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ «ПЕРСОНАЖ – ЧИТАТЕЛЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Анализируется такой важный аспект художественной коммуникации, как взаимодействие персонажа англоязычного нарративного дискурса и читателя. Информация о внутреннем мире героев не доступна другим участникам фикциональной реальности, зато их истинные мысли и чувства видны читателю. Автор статьи показывает, что концептуальная метафора играет решающую роль в репрезентации внутреннего мира персонажей.

Ключевые слова: художественная коммуникация, англоязычный нарративный дискурс, концептуальная метафора, внутренний мир персонажа.

Проблема художественной коммуникации привлекает в настоящее время внимание многих исследователей. Принято считать, что взаимодействие протекает в основном по схеме «автор – читатель». Так, например, Т. А. Ленкова отмечает, что в процессе понимания текста участвуют две стороны: адресант и адресат, так как в основе создания практически любого текста закладывается авторская интенция, которая направлена на потенциального получателя. Постигание смысла заключается в безошибочном вычленении из текста авторских интенций [7. С. 95]. Примечательно, что внутренний мир человека является одной из самых сложных, плохо поддающихся определению областей изучения, так как очень трудно выразить все многообразие субъективной реальности [4. С. 45]. Литературные произведения имеют в этом смысле огромное преимущество, поскольку система образных средств позволяет проникнуть в самые сокровенные уголки человеческой души. Особенности внутреннего мира персонажа англоязычного художественного произведения уже подробно исследовались ранее [6 ; 10 ; 11].

Целью данной статьи является показать, что в англоязычном нарративном дискурсе может иметь место не только коммуникация «автор – читатель», но и коммуникация «персонаж – читатель». Действительно, герои художественных произведений являются активными участниками фикциональной реальности. Довольно часто персонаж целенаправленно выходит из реального физического пространства и погружается в свой внутренний ментальный мир с целью проанализировать, осознать, оценить какие-либо события или же свое душевное состояние. Внутренний, не наблюдаемый непосредственно мир персонажей художественного

произведения, не доступен другим участникам фикциональной действительности, а виден только читателю.

Интересно рассмотреть, как именно происходит передача информации персонаж – читатель. Здесь, несомненно, решающую роль играют стилистические приемы, особенно концептуальные метафоры.

Теория концептуально-метафорической репрезентации активно изучается в последние годы [1 ; 8 ; 9 ; 3]. По мнению Е. Г. Беляевской, концептуальная метафора – это не совсем метафора, это, прежде всего концепт, но концепт особого рода – метафорический [2. С. 84]. Необходимо иметь в виду, что концепт представляет собой ментальное образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом языкового выражения – совокупность лексических единиц, описывающих данный объект [5. С. 58]. Следует отметить, что концептуальная метафора является важным инструментом когнитивных исследований, применимым к изучению самых разных проблем теории языка, в том числе может использоваться в качестве «инструмента изучения способов представления внеязыкового знания в языке и в тексте» [2. С. 84]. Неслучайно коммуникация «персонаж – читатель» происходит посредством метафорических концептов, так как при помощи образов становится возможным выйти за рамки фикциональной реальности и обратиться к личному опыту читателя. Другими словами, через метафорические концепты персонаж сообщает читателю особенности своего внутреннего ментального и эмоционального пространства.

Как показывает исследование, внутреннее пространство персонажа может передаваться как **переполненное пространство**. Например,

в контексте (1) метафора *The words kept circling in her head* указывает на то, что сознание героини переполнено навязчивой идеей. В голове Сьюзан крутится латинский афоризм, который вызывает у нее неприятные мысли и ассоциации, и ей приходится прилагать определенные усилия, чтобы выкинуть источник беспокойства из головы:

(1) “Who will guard the guards?” she said to herself. *Quis custodiet ipsos custodes. The words kept circling in her head. Susan forced them from her mind* [14. С. 179].

В контексте (2) сердце героини предстает в образе контейнера, наполняемого радостью:

(2) There was a moment then. Some space of time. In it, *Charity felt her heart fill with a joy so fierce and complete that she knew there could never be any real question about what this trip had or had not cost her* [16. С. 138].

Концептуальная метафора *felt her heart fill with a joy* используется в сочетании с эпитетами *fierce* и *complete*, что подчеркивает, что Чарити пришлось бороться за свое счастье, именно поэтому оно описывается как неудержимое (то есть с трудом удерживаемое внутри контейнера) и полное (то есть переполняющее контейнер).

Внутреннее пространство персонажа может репрезентироваться как **замкнутое пространство**:

(3) His make-believe game collapsed around him and *he was suddenly aware that he felt closed and extremely nervous in this tight ring of cement* [17. С. 285].

Концептуальная метафора *in this tight ring of cement* репрезентирует замкнутое пространство, в котором оказывается персонаж. Он почувствовал себя закрытым от мира и от свободы, что вызывает в нем чрезвычайное волнение (*felt closed and extremely nervous*).

Оказавшись один на один со своими мыслями, персонаж чувствует, как жестокая реальность окружает его:

(4) Across the room, Vittoria was immersed in her own search. Standing all alone for the first time since she had heard the news of her father, *she felt the stark reality of the last eight hours closing in around her* [12. С. 277].

Концептуальная метафора контейнера *reality closing in around her* передает безвыходность положения, в котором оказалась героиня. Глагол чувственного восприятия *to feel* указывает на то, что персонаж старается осознать, что происходит вокруг. Эпитет *stark (reality)* подчеркивает остроту происходящих событий.

Внутреннее пространство персонажа может репрезентироваться как **нереальное пространство**, что позволяет передать оторванность от окружающей действительности, неспособность понять и принять то, что происходит вокруг.

В контексте (5) героиню охватывает чувство, что она находится под действием наркотического вещества, которое искажает восприятие событий:

(5) Now, in the dim, shifting light of the train, *Gabrielle felt like she was enduring some kind of hallucinogenic drug trip. Muted lights whipped by overhead like slow motion discotheque strobes. The ponderous tunnel rose on all sides like a deepening canyon* [13. С. 235–236].

Как видим, Габриель испытывает состояние заторможенности и замедленности, у нее возникает ощущение, что она погружается в глубокий воображаемый каньон. Подобное видение происходящего может рассказать читателю о том, что Габриель находится на грани эмоционального срыва, что она теряет связь с реальностью и ей нужно сочувствие и поддержка.

Внутреннее пространство персонажа может репрезентироваться как **внешнее пространство**. Эмоциональное состояние героев англоязычного нарративного дискурса в ряде контекстов передается при помощи метафорического концепта жизнь – театр, люди – актеры, когда события кажутся оторванными от реальности и происходящими в каком-то другом месте:

(6) Standing there atop the magnificent stairs that spilled down the piazza below, Langdon *felt like a reluctant player on the world’s biggest stage*. Somewhere beyond the glaring lights, Langdon heard an idling helicopter and the roar of a hundred thousand voices [12. С. 517].

Довольно часто эмоциональное состояние персонажа передается через метафору корабля, терпящего бедствие, когда персонаж выходит из душевного равновесия и его охватывают страдания и переживания:

(7) Celia died on a crystal clear Sunday morning in June. Michael Tolland *felt like a ship torn from its moorings and thrown adrift in a raging sea, his compass smashed*. For weeks he spun out of control. Friends tried to help, but his pride could not bear their pity [13. С. 178].

После трагической гибели близкого человека состояние Майкла передается через концептуальную метафору корабля, оставшегося без якоря, без компаса и выброшенного в бушую-

шее море (*ship torn from its moorings and thrown adrift in a raging sea*). Читателю становится ясно, что точно так же как невозможно взять под контроль движение корабля без компаса (*compass smashed*), Майкл не мог справиться с захлестнувшими его эмоциями, он утратил самообладание и лишился цели в жизни.

Состояние персонажей художественного произведения может репрезентироваться через представление человека как некоторого неодушевленного объекта. Например:

(8) Poised at the end of the runway, engines throbbing beneath her, Rachel *felt like a bullet in a gun waiting for someone to pull the trigger* [13. С. 70].

В контексте (8) показано, что Рэйчел охватило настолько сильное эмоциональное напряжение, что ей с трудом удавалось себя сдерживать. Ее ощущение, что она вот-вот взорвется, передается через образ пули, которая готова полететь к цели, как только нажмут на курок.

Внутреннее состояние персонажа может описываться через **изменение температурных показателей**, когда отрицательные эмоции репрезентируются через холод, а состояние душевного комфорта через тепло. Например:

(9) And he didn't know the right words to express *the creeping, lassitudinous sense of terror he had felt when he heard the dead aspen leaves begin to crackle furtively down there in the cold darkness* [17. С. 292].

У Дэнни не хватает слов, чтобы описать подкрадывающееся к нему чувство страха. Он интуитивно переходит на чувственное восприятие действительности: ощущает слабое потрескивание листьев под ногами и чувствует окутывающий его холод. Таким образом, физические ощущения помогают раскрыть и передать читателю эмоциональное состояние персонажа.

Душевный комфорт довольно часто репрезентируется через тепло. Например, в контексте (10) встреча со старым другом вызывает у персонажа прилив удовольствия:

(10) Danny, as always, *felt a warm burst of pleasure at seeing his old friend* [17. С. 31].

Внутреннее состояние персонажа может репрезентироваться как **природное явление**, например, **огонь**:

(11) And *the slow sulk anger Soames had felt all the afternoon burned the brighter within him* [15. С. 120].

В контексте (11) изображен персонаж, буквально «сжигаемый» чувством ярости (*anger*

burned within him). Огонь негодования все сильнее разгорается в его душе.

В контексте (12) через огонь репрезентируется чувство ревности:

(12) Her silver-mounted brushes smelt faintly of the perfumed lotion she used for her hair; and at this scent *the burning sickness of his jealousy seized him again* [15. С. 301].

Внутреннее состояние персонажа может репрезентироваться как **река**:

(13) Jack sat looking down at him (Danny) for a moment, and *a rush of love pushed through him like tidal water* [17. С. 129].

Здесь прилив любви Джека к сыну сравнивается с приливом океана (*like tidal water*). При помощи **подобной репрезентации** отношение отца к сыну становится более близким и понятным читателю, который на основании своего эмпирического опыта (или общего фонда знаний) хорошо представляет себе морской прилив.

Еще одним метафорическим концептом, который используется для раскрытия внутреннего состояния персонажа, является концепт **тумана**, который связан с неопределенностью и неясностью:

(14) Onboard the Goya, Rachel *felt lightheaded. The mystification that had settled around her like a heavy fog was lifting now. The stark reality that came into focus left her feeling naked and disgusted* [13. С. 520].

Ощущение нереальности происходящего репрезентируется в рассматриваемом контексте как густой туман (*heavy fog*), который рассеивается, когда ситуация проясняется.

Внутреннее состояние персонажа может описываться как погружение в **темноту**, которая часто ассоциируется с безвыходностью, с невозможностью принять решение или продвигаться вперед:

(15) As the elevator climbed, *Vittoria's world swirled into darkness. Papa! In her mind she reached for him. For just a moment, in the oasis of her memory, Vittoria was with him. She was nine years old, rolling down hills of edelweiss flowers, the Swiss sky spinning overhead* [12. С. 126].

Виттория отстраняется от окружающей ее реальности, и ее сознание вихрем погружается в темноту (*swirled into darkness*), которая в данном случае помогает героине переместиться в мир воспоминаний, в котором она снова находится рядом с отцом. Тьма – этого своего рода переход из одной действительности в другую: от мира реальных событий во внутренний, ни-

кому не видимый мир воспоминаний и впечатлений.

И, наконец, внутреннее состояние персонажа может репрезентироваться метафорическим концептом **тени**, которая, также как и туман, содержит оттенок неясности и неопределенности:

(16) Now, as always, Rachel felt the problems of the outside world fading behind her. She was entering the shadow world. A world where the problems thundered in like freight trains, and the solutions were meted out with barely a whisper [13. С. 28].

Подводя итог, можно заключить, что информация о персонаже передается читателю посредством концептуально-метафорических средств. Наиболее часто внутренний мир героев передается как **переполненное пространство, замкнутое пространство, нереальное пространство, внешнее пространство, как изменение температурных показателей, туман, темнота, тень**. Перечисленные концептуальные метафоры продуцируют большое количество разнообразных конкретных образов, которые помогают выйти за рамки фикциональной реальности художественного произведения и обратиться к личному опыту читателя. Персонаж, можно сказать, «сообщает» информацию о своем внутреннем состоянии: о чувстве радости, грусти, печали и так далее. Подобное взаимодействие с внутренним миром героев англоязычного нарративного дискурса позволяет читателю глубже проникнуть в концепцию произведения, с одной стороны, и расширить свой личный опыт – с другой.

Список литературы

1. Беляевская, Е. Г. **Концептуальная метафора как фактор смысловой и структурной организации текста** // Германистика: состояние и перспективы развития : материалы междунар. конф. 24–25 мая 2004 г. М., 2005. С. 36–44.
2. Беляевская, Е. Г. **Метафорические концепты как «инструмент» семантических исследований** // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. 2008. № 552. С. 83–92.
3. Беляевская, Е. Г. **О фокусировке концептуальных метафор** // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2012. № 12. С. 292–303.
4. Бойко, Г. И. **Релевантность категории лица как репрезентанта внутреннего мира личности** // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. 2009. № 560. С. 43–53.
5. Гончарова, Л. М. **Концепт «путешествие» и его межкультурная представленность в рекламной коммуникации сферы туризма** // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2012. № 1 (1). С. 58–65.
6. Денисова, С. Л. **Интрорспекция во внутренний мир персонажа средствами сравнения** // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2009. № 2. С. 73–76.
7. Ленкова, Т. А. **Понятие смысла в текстах СМИ и условия его постижения (на материале немецкого языка)** // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 17. Филология. Искусствоведение. Вып. 55. С. 95–99.
8. Логинова, Е. Г. **Модели концептуальной метафоры «пространство – время» в семантике английского языка** // Иностр. яз. в высш. шк. 2007. № 5. С. 61–67.
9. Трушкова, Л. О. **Языковая концептуализация эмоционального состояния SADNESS извне и изнутри** // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2010. № 3. С. 181–188.
10. Федотова, О. С. **Интрорспекция персонажа англоязычной художественной прозы – новая категория текста : монография**. Рязань, 2009. 140с.
11. Федотова, О. С. **Истоки представления об интрорспекции персонажа** // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34. Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 131–135.
12. Brown, D. *Angels and Demons*. London: Corgi Edition, 2001. 620 p.
13. Brown, Dan. *Deception Point*. London: Corgi Edition, 2004. 585 p.
14. Brown, Dan. *Digital Fortress*. London: Corgi Edition, 2004. 510 p.
15. Galsworthy, J. *The Man of Property*. М.: Менеджер, 2000. 384 с.
16. King, S. *Cujo*. New York: A Signet Book, 1982. 305 p.
17. King, S. *The Shining*. New York: A Signet Book, 1978. 448 p.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА БЕГЛЕЦА СОРОКИ В УСТНОЙ ПРОЗЕ ГОРНОРАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Продолжение исследований автора, посвященных образам беглецов – народных мстителей, рассказы о которых собрал и опубликовал новосибирский писатель и фольклорист Александр Мисюрёв. Впервые полно на материале всех опубликованных повествований системно рассматриваются художественные особенности образа одного из беглецов Салаирского края – Сороки.

Ключевые слова: беглец, народный мститель, образ, мотив.

Данная статья продолжает исследования автора, посвященные образам народных заступников, в том числе беглецов [6], рассказы о которых собрал и в 1938 г. впервые опубликовал новосибирский писатель и фольклорист Александр Мисюрёв [1]. Позднее Мисюрёв переиздал тексты о беглецах в сборниках 1940 и 1959 гг. [2 ; 3]. На Салаирских рудниках и заводах (юг Западной Сибири) составителю удалось записать двенадцать повествований о Сороке, имеющих форму предания или мемората [3. С. 34–40].

В первом предании «Здесь, салаирский» [1. С. 34–35] исполнитель объясняет, почему герой начал бегать от властей, выделяет характерную черту его личности – артистизм, умение принимать неузнаваемый облик: *«Беглецом Сорока из-за того стал, что много розог приговорили. Из-за них и бежал. И гуляка здоровый был – здесь, салаирский <...> В гулевую неделю в женских платьях Сорока ходил, женски голоса у него были всякие, разные голоса. Толчется в народе. Ну, как его взять?»*

Основная причина преследования со стороны властей очевидна – *«пакостил казне. Где-то помогал, а где-то грабил»*.

Рассказчик отмечает склонность героя к эпатажу и розыгрышу. Например, тот сам предупреждает, чтобы люди опасались воровства Сороки:

«Кто из квартиры пойдет – наказывает сродственникам:

– Вы крепче запирайтесь, а то Сорока утащит.

Это и теперь говорят».

Однажды устроил опасный для себя и своей «шайки» «подвох». В результате необдуманных действий к беглецам подступили солдаты, но все-таки «шайка» сумела отбиться камнями, пущенными с высоты. Исполнитель сопровождает повествование особой ремаркой: *«Сорока – ему все шутки, он – вроде шутил»,*

смерть героя от выстрела медной пуговкой, сделанного каким-то старым человеком, считает выдумкой. Мотив *«смерть от медной пуговицы»* был ранее проанализирован автором статьи, с учетом предшествующих работ [5. С. 47–49].

Сорока отличался особой ловкостью: очень быстро умел передвигаться с помощью *«шестиков», «костылей»*. Именно эта яркая черта упоминалась всеми исследователями устной рабочей прозы.

Повествование «Шел за свободу» [3. С. 35] представляет собой меморат, записанный со слов человека, считающего Сороку своим отцом. В рассказе перечислены некоторые сведения из личной жизни героя, полученные от родных и знакомых исполнителя: был родом из деревни Лучшевой, близ Кузнецка, начал работать с семи лет, отличался ловкостью, за что и получил известное прозвище. Когда сыну было три года, Сороку посадили в тюрьму за то, что осмелился с казенного покоса уйти к жене. Из тюрьмы он сбежал и *«пошел страдать»*, пока не *«помер <...> в бегах»*.

Внутри мемората есть вставной эпизод, имеющий характер уже сложившегося повествования: исполнитель слышал от людей, что Сорока был чеботарь и *пошел страдать* потому, что из желтой кожи, полученной от управляющего, сшил сапоги простому рабочему, а управляющему досталась «обувь», стачанная из бумаги того же цвета. Подобный проступок грозил смертью и послужил причиной бегства.

В предании «Скрылся, пропал» [3. С. 35] сообщается, что *«отцам и дедам жизнь была плохая, хуже некуда»*, даже тальник не успевал вырасти, потому что ветви срезали на прутья для порки. Однажды *«Сорока не стерпел, убил одного управляющего <...> Из ружья в окно конторы стрельнул. Народ как волна: куда захочет – туда плеснет и смоем, чего не надо ему. Так и скрылся Сорока, пропал без вести»*.

В рассказе «**Деньги на трубе**» [3. С. 36] вначале изображается остроумная уловка, с помощью которой герою удалось уйти от облавы – он с помощью *шестика* якобы сумел заскочить в дупло, где «повесился вниз головой. Три дня висел в дупле, так и не нашли». Когда облава была снята, он с помощью того же приспособления прыгнул прямо на крышу дома сестры, где на трубе оставил деньги. За ним проследили и убили во время переправы на лодке через Тотьму.

Текст «**Отбивал караваны**» [3. С. 36] – типичное предание о «благородном разбойнике». Здесь атаман Сорока отбивает вместе с товарищами караваны казенного серебра. Люди рассказывают, что вдове запоротого насмерть рабочего Сорока из награбленного дал денег на постройку дома. Поймали обманом: поскольку он был знатным кузнецом, позвали выковать ось или особые кандалы, пообещав взамен прощение. В результате оказалось, что кузнец изготовил оковы для себя и в них был отправлен в Кузнецкий острог. Судьба товарищей неизвестна: либо погибли в перестрелке, либо ушли подземным ходом.

Обстоятельства поимки беглеца, где он проявляет необоснованное простодушие, на первый взгляд, противоречат мотивам *хитрости*, *смекалки*, отмеченным в других преданиях, но в то же время работают именно на образ *благородного* разбойника и показывают, что Сорока не был закоренелым злодеем, а ударился в бег только в силу известных причин.

Рассмотренный материал показывает, что Сорока обладал вполне человеческими качествами, хотя и отчасти гиперболизированными, не обращался к магии. Однако образ все же включает мифологический мотив, о чем свидетельствует предание «**Медная пуговка**» [3. С. 37].

Вначале рассказчик отмечает уже известные нам качества Сороки: хитрость, ловкость, затем называет новое, прямо указывающее на магические способности героя – «*простая пуля не брала – он ее через плечо назад бросал*».

Далее говорится, как старик Лександра Бессонов заявил, что убьет Сороку, и сумел осуществить намерение, выстрелив из ружья *медной пуговкой* – «*стрелил и сразу убил. Простая-то пуля не брала*».

В предании «**Поймали Сороку**» [3. С. 38] изображаются обстоятельства поимки беглеца: он долгое время скрывался в подполе у одного знакомого, пока его не выдала женщина. Во

время облавы Сорока пытался убежать через окно, но был ранен вилами в лицо – «*в нос*», схвачен и увезен еще живым в неизвестном направлении.

Читателя всякий раз поражает бесстрастная констатация убийства или фатального ранения беглецов, в том числе Сороки, хотя они вроде бы выступают за народ, грабят в основном казну или богатых, не трогая бедняков. В первых текстах цикла нет сведений о причинах, побуждающих именно простых людей добиваться смерти или заточения в тюрьму своих *заступников*, однако контаминированное предание «**Сорока и старички**» [3. С. 38] добавит необходимые штрихи к неоднозначному образу защитника с разбойничьими ухватками.

В первой истории говорится, как Сорока отнял у нищего горшок сметаны и вымазал его коня – сделал из «*чернового*» «*пегим*», потом заплатил цену, которую предложил определить самому старику. Тот смело запросил сто рублей и получил желаемую сумму. В результате старику больше не пришлось нищенствовать, «*собирать кусочки*». Такая внешне благополучная развязка явно по душе исполнителю, безбедная жизнь кажется настолько привлекательной, что мотив откровенного унижения достоинства нищего не вызывает никакой рефлексии.

Во второй части события разворачиваются по иному сценарию: жадная *богатенькая старуха* не дала разбойнику меда, пожаловавшись, что ее якобы обобрал Сорока. Жестокое ответное действие вряд ли соответствовало тяжести проступка: беглец отрезал ей ухо и издевательски посоветовал сварить, раз уж она пожалела меда.

В третьей части события достигают пика трагизма: против героя выступил его дядя, который «*был в начальстве*». Дядя не давал Сороке бегать, тот в отместку пообещал вырезать у него из спины ремень и осуществил намерение. В финале дядя и племянник вступили в смертельный поединок: «*Стрелил, а Сорока в него. Так и убились...*»

Два следующих предания по-разному повествуют об обстоятельствах смерти Сороки. В тексте «**Уходил на Спасском**» [3. С. 39] рассказывается, как герой поддался на провокацию *знающих*: чтобы показать, какой он «*удалец*», Сорока залез в кадку вниз головой, с целью «*продюжить*» в таком положении полчаса, однако переоценил свои возможности и погиб.

В предании «**Копил для бедных**» [3. С. 39] сообщается о гибели беглеца от руки сообщника Кадилова. Дважды повторяется утверждение (ничем, впрочем, не обоснованное), что «Сорока копил для бедных людей. А все Кадилову досталось <...> А бедным не досталось», «никого Сорока здесь не обидел. Он для бедных копил».

В предании «**Бегал в семерых**» [3. С. 40] можно выделить две самостоятельные части. В первой говорится об очередной проделке героя: во время облавы он спросил у одной старушки, почему *народ ездит*. Услышав, что ищут *мошенника Сороку*, сел на коня и предложил поглядеть, *как Сорока бежит*: «*Конь как прыгнет – сразу на семь верст*». Во второй части изображается гибель беглеца: когда он хотел отнять у мужика Пахомова казенные деньги, «*Пахомов жербеек медный снял с себя, заложил в ружье, стрелил, убил сразу*». Жербеек, то есть жеребейка – это опора, поддерживающая стержень внутри литейной формы [4]. Здесь повторяется мотив смертоносной пули, изготовленной из какого-либо медного предмета.

В заключительном предании «**По Сорокам**» [3. С. 40] дается одно из толкований прозвища беглеца: «*Сорока увидела и давай чекотать. По сорочьему крику нашли <...> Он до смерти сороку ругал, его <...> звали – Сорока*».

Итак, в устной традиции в образе Сороки гиперболизируются ловкость, смекалка, хитрость, артистизм героя. Мифологизация образа проявляется в некоторых эпизодах гибели беглеца, однако во многих текстах обстоятельства смерти вполне реалистичны. Несмотря на утверждения исполнителей, что Сорока не представлял опасности для бедноты, почти во всех случаях против него выступают именно простые люди. Можно сделать вывод, что в целом народ отрицательно относился к разбою

и насилию. Проведенный анализ мотивов позволил найти необходимые для этого доказательства, которые ранее не рассматривались.

Конечно, сама власть, нечеловеческие условия труда, жестокость заводской администрации, иначе говоря, весь горно-военный строй, обуславливали регулярное появление беглецов. Потеря социальных связей способствовала ожесточению обездоленных людей, пробуждала другие негативные качества, что зачастую вызывало ненависть местного населения и закономерно приводило к трагической развязке.

Список литературы

1. Легенды и были. Сказания алтайских мастеровых / А. А. Мисюрев. Новосибирск, 1938. 220 с.
2. Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири / А. А. Мисюрев. Новосибирск, 1940. 232 с.
3. Сибирские сказы, предания, легенды : сборник / А. А. Мисюрев. Новосибирск, 1959. 230, [1] с.
4. Словарь металлургических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academ-ic.ru>.
5. Феоктистова, И. К. «Легенда о Лиханове» в сборниках А. А. Мисюрева: мифологические мотивы образа народного заступника // Филология и человек. 2012. № 1. С. 40–52.
6. Феоктистова, И. К. Образ беглеца Криволицкого в устной традиции горняков Западной Сибири (по сборникам А. А. Мисюрева) // Лики традиционной культуры в начале XXI столетия : материалы междунар. науч. конф. «VI Лазаревские чтения» : в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; сост. Л. Н. Лазарева. Челябинск, 2013. Ч. I. С. 75–78.

ВОЗРАСТНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ПОНЯТИЙНО-ВЕРБАЛЬНОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР (на материале дефиниционного эксперимента)

Моделируется уровень субъектного потенциала концептосферы «возраст», то есть уровень лингвистического достояния, хранящегося в сознании индивида, в соответствии с результатами дефиниционного эксперимента, в котором приняли участие русские и американские подростки. Приводятся сравнительные характеристики возрастных концептов и типы дефиниций в понятийно-вербальном сознании носителей русской и американской молодежных лингвокультур.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт; концептосфера «возраст»; молодежная лингвокультура; понятийно-вербальное сознание; дефиниционный эксперимент.

Уровень субъектного потенциала лингвокультурного концепта – это уровень лингвистического достояния, хранящегося в сознании индивида. Он предполагает большие запасы потенциальных значений слова для уровня системного потенциала, однако только очень ограниченное количество из этих значений может включаться в словарные значения языковых единиц¹.

Уровень субъектного потенциала может воссоздаваться лишь экспериментальным путем. В психолингвистике существуют различные способы выявления специфики образов сознания носителей той или иной культуры. Но одним из наиболее эффективных и важных способов выявления субъектного потенциала как отдельного концепта, так и концептосферы в целом, считается дефиниционный эксперимент.

Под дефинированием понимается определенный вид речевых действий, процесс, в котором раскрывается содержание понятия, а также устанавливается и уточняется связь языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка². Дефиниция понимается как прием, с помощью которого субъект стремится отыскать, уточнить, разъяснить значение знакового выражения в языке или расширить язык за счет введения нового знакового выражения, рассматривая наряду с классификационными и интерпретационными признаки определяемого предмета³.

Материалом нашего исследования послужили результаты дефиниционного эксперимента, который проводился с носителями русской и американской молодежных лингвокультур в возрасте 12–18 лет методом анкетирования. Информантам были предъявлены анкеты,

содержащие лексемы, которым нужно было дать определение. Все испытуемые – учащиеся общеобразовательных школ г. Волгограда (Россия) и городов Аркадия, Тэмпл-Сити и Сан Габриель штата Калифорния (США). В эксперименте приняли участие 200 человек – 100 русских и 100 американских испытуемых. Полученные ответы были проанализированы содержательно и статистически. При выборе участников соблюдались гендерная и возрастная пропорции.

Было составлено по три варианта анкет, в каждом из которых содержалось по 5 лексем. В качестве определяемых лексических единиц были взяты имена существительные абстрактные и предметные. Во всех анкетах содержалась просьба объяснить, что такое *детство* – *childhood*, *юность*, *молодость* – *adolescence*, *juvenility*, *youth*, *зрелость* – *maturity*, *старость* – *senility*, *oldage*. Так как в английском языке существуют различные способы апелляции к концептам «юность», «молодость» (*youth*, *juvenility*, *adolescence*) и «старость» (*senility*, *oldage*), американским респондентам были предложены все варианты для выявления различия значений между ними.

Анализ содержания ответов в предложенных анкетах был направлен на установление типов дефинирования в сознании носителей русской и американской молодежных лингвокультур. В соответствии с принятой в работе моделью дефинирования все полученные дефиниции были разбиты на следующие группы:

- 1) определение-описание;
- 2) оценочное определение:
 - а) оценочное определение с положительной эмоциональной окраской;

б) оценочное определение с отрицательной эмоциональной окраской;

3) хронологическое определение.

Сравним дефиниции на каждую лексему в отдельности.

1. Концепт «детство»

К концепту «детство» в американской лингвокультуре апеллирует лексема *childhood*. Анализ полученных данных показал, что для русской молодежной лингвокультуры в объяснении лексемы *детство* чаще всего употребляются оценочные определения с положительной эмоциональной окраской (54,8 %), так как детство – это период, когда можно полностью отдаться своим впечатлениям, период фантазий, свободного выражения своих эмоций. Поэтому актуализация личных впечатлений, возможность их выражения ассоциируется с детством⁴. Для носителей американской лингвокультуры оценочные определения с положительной эмоциональной окраской не столь актуальны – 37 %. В сознании русских и американских респондентов детство связано с ощущением счастья и отсутствием серьезных забот или проблем.

Респонденты 12–13 лет: *childhood – happy memories, playing, always smiling – счастливые воспоминания, игры, улыбки; the funniest times of your life – самое веселое время твоей жизни;*

респонденты 14–15 лет: *детство – самое беззаботное время, веселье, радость; это прекрасная пора! Это время, которое пролетает очень быстро, когда ты можешь не задумываться над тем, что ты делаешь; самое лучшее время во всей жизни; все легко и просто в детстве, у тебя нет никаких проблем; childhood – the past – прошлое; wonderful time – прекрасное время;*

респонденты 16–17 лет: *детство – у тебя нет никаких проблем; время радости, беззаботного существования, время познания окружающего мира, время открытий, через которое проходит каждый в своей жизни и которое не забывается, а остается в памяти, как самые лучшие годы жизни; childhood – was carefree life & no problems – беззаботная жизнь и никаких проблем.*

Определения-описания стоят на втором месте в русской молодежной лингвокультуре по частоте употребления среди проанализированных дефиниций на лексему *детство* (32,6 %).

Респонденты 13 лет: *детство – период жизни, в которой человек начинает воспринимать окружающий мир;*

респонденты 14 лет: *детство – время, когда человек больше всего в жизни окружен заботой и лаской, когда за него решают все проблемы;*

респонденты 17 лет: *детство – прошло, но каждый туда хочет вернуться. Этот феномен никто объяснить до сих пор не может, возможно, что каждый испытывает какое-то сильное тяготение к прошлому, хочет вернуться в то время, где тебе прощают все ошибки.*

Детство как концепт (каким бы ни было оно у каждого конкретного человека) – это, прежде всего, счастливый период безоблачного существования, характеризуемый чувством защищенности; это период, когда человек не имеет обязанностей и забот и окружен любовью близких, своего рода «золотой век». Если же эти условия вовсе и/или уже не выполняются, то говорят о том, что детство «кончилось» или что человек его «лишен»⁵. Показательно, что русские и американские респонденты не переносят понятие «детство» на себя. Они рассуждают о детстве, как о возрастном периоде, уже закончившимся в их жизни.

Анализ материала показал, что для носителей американской молодежной лингвокультуры в объяснении лексемы *childhood* определения-описания наиболее актуальны – 55,5 %. В сознании американских респондентов 12–15 лет детство ассоциируется с возрастом ребенка до 4 лет.

Респонденты 12 лет: *childhood – when you were a child – когда ты был ребенком; when you were little – когда ты был маленьким;*

респонденты 14–15 лет: *childhood – a time period when you are a kid & all the stuff the lead up to adulthood, a younger time – период времени, когда ты ребенок и все, что подготовит тебя к совершеннолетию, зрелости; when you were young & went to kindergarten – когда ты был маленьким и ходил в детский сад;*

респонденты 16 лет: *childhood – memories – воспоминания.*

В обеих лингвокультурах для объяснения лексем *детство* и *childhood* самой малочисленной оказалась группа хронологических определений – 13 % и 7,4 % соответственно.

Респонденты 12–13 лет: *детство – первые 20 лет жизни; childhood – the time within 18 years of your birth – это первые 18 лет жизни; the time of being in school – время учебы в школе.*

респонденты 14–15 лет: *детство – период жизни человека с 1 месяца по сегодняшний*

день; время в жизни от самого рождения до 13 лет; определенный период жизни человека с рождения и до 18 лет.

Для данных лексем полностью отсутствует группа оценочных определений с отрицательной эмоциональной окраской.

2. Концепт «юность»

К концепту «юность» в американской лингвокультуре апеллирует лексема *adolescence*. В русской молодежной лингвокультуре для объяснения лексемы *юность* наиболее характерно использование оценочных определений с положительной эмоциональной окраской, что составляет 51,4 %. В сознании русских респондентов юность ассоциируется с беззаботным и безопасным периодом жизни, с влюбленностью.

Респонденты 14 лет: *юность* – это самый прекрасный период жизни человека; самая веселая, лучшая и безопасная часть жизни, пока ты ходишь в школу, период радости, влюбленности;

респонденты 16 лет: это мое время – я летаю, я влюблена и наплевать на уроки!

Для носителей американской молодежной лингвокультуры оценочные определения не так актуальны – около 40 % по частоте употребления среди всех проанализированных определений лексемы *adolescence*, в том числе, с положительной эмоциональной окраской – 37 % и лишь 2,2 % – с отрицательной. Отличительными признаками отрочества и юности являются беспечность и энергия.

Респонденты 14–15 лет: *adolescence* – when you are carefree, don't have wrinkles, didn't yet discover the world & your hair isn't grey or white – когда ты беспечен, ничем не обременен, у тебя нет морщин, ты еще не открыл весь мир и твои волосы еще не седы;

респонденты 18 лет: *adolescence* – you constantly fall in love or hate someone – ты постоянно влюбляешься или ненавидишь кого-то;

респонденты 13 лет: *adolescence* – pretty bad behavior when I was a

child – очень плохое поведение, когда я был ребенком.

В русской молодежной лингвокультуре среди всех проанализированных определений лексемы *юность* менее частотно представлены определения-описания (43 %). Отличительным признаком юности является склонность лиц этого возраста к философским рассуждениям при незнании жизни.

Респонденты 15 лет: *юность* – момент жизни, в который человек начинает формироваться как личность, окончательно и на всю жизнь;

респонденты 16–17 лет: *юность* – такой период жизни, когда ты можешь постигать новое, интересное, делать то, чего от тебя совсем не ждут; время, когда кажется, что тебе все под силу, когда поступки совершаются под действием эмоций.

В американской молодежной лингвокультуре объяснение лексемы *adolescence* через определения-описания является наиболее частотным – 54,3 %.

Респонденты 12–13 лет: *adolescence* – when you are still young & don't understand a lot of things – когда ты еще молод и многого не понимаешь;

респонденты 14–15 лет: *adolescence* – not being old – это значит не быть старым; when one person is still immature & doesn't know the importance of life – когда кто-то еще незрел и не осознает ценности жизни; someone small & still has a lot of time on their timer – кто-то маленький и у него еще много времени впереди на его жизненном пути;

респонденты 16–17 лет: *adolescence* – young people – молодые люди; *young & lively* – молодой, полный жизни и веселый; *growth from childhood to adulthood* – период между детством и взрослостью.

Наименее частотно для лексем *юность* и *adolescence* представлена группа хронологических определений, что составляет 5,7 % и 4,3 % соответственно.

Респонденты 13 лет: *adolescence* – is that you are very young like 6 or 70 – когда вы очень молоды, примерно от 6 до 70 лет;

респонденты 16–17 лет: *юность* – это возрастной период в жизни от 13 до 18 лет; школьные годы, возраст от 14 до 18 лет; *adolescence* – a time in one's life, usually before 20 years old when you are young – период жизни, как правило, до 20 лет, когда ты молод.

Для русской лингвокультуры характерно отсутствие оценочных определений с отрицательной эмоциональной окраской для лексемы *юность*.

3. Концепт «молодость»

К концепту «молодость» в американской лингвокультуре апеллируют лексемы *youth* и *juvenility*. Проведенный эксперимент показал, что больше всего для объяснения лексемы *молодость*, также как для лексем *детство* и

юность, носители русской молодежной лингвокультуры используют оценочные определения с положительной эмоциональной окраской, что составляет 56 %. По мнению русских респондентов, молодости также свойственны импульсивность, романтизм, способность увлечься чем-либо.

Респонденты 15 лет: **молодость** – время свободных поступков, расцвет жизни, когда не хочется учиться, а хочется веселиться;

респонденты 16–17 лет: **молодость** – это весна, счастье, любовь, когда ты ломаешь голову над всякой ерундой, потому что боишься сделать шаг в пропасть. Но между тем, молодость – это радость и избыток пока нереализованных идей.

В американской молодежной лингвокультуре лексемы *youth* и *juvenility* являются разными способами апелляции к концепту «молодость». Оценочные определения с положительной эмоциональной окраской для лексемы *youth* не столь употребительны среди американских испытуемых, что составляет 29,6 %.

Респонденты 13 лет: **youth** – *the funniest part in life because there isn't much responsibility* – самое веселое время в жизни, потому что не так много ответственности и обязанностей в твоей жизни;

респонденты 14–15 лет: **youth** – *you have fun for your life* – ты весело проводишь время; *you are carefree & can do everything what you want* – ты беспечен и можешь делать все, что хочешь.

Анализ материала показал, что для объяснения лексемы *juvenility*, прежде всего, американские респонденты в возрасте 12–18 лет используют оценочные определения с отрицательной эмоциональной окраской – 66,7 %. В сознании респондентов данная лексическая единица ассоциируется с плохим поведением, нарушением законов, арестом. Поэтому они не переносят понятие «juvenility» на себя.

Респонденты 12–13 лет: **juvenility** – *bad, jaily, justice* – плохое, связанное с тюрьмой, правосудием; *being arrested when you are young for doing something bad or illegal* – когда ты молод, тебя могут арестовать за плохие, противозаконные действия;

респонденты 14–15 лет: **juvenility** – *extreme bad behavior habits* – крайне плохое поведение и привычки; *when are bad caught by the police go to this place* – когда ты нарушаешь закон, тебя ловит полиция и сажает в тюрьму;

респонденты 17 лет: **juvenility** – *at first is juvenile delinquency & then a juvenilecourt* – сна-

чала это подростковое хулиганство, а затем – суд по делам несовершеннолетних.

Второе место по частоте употребления среди проанализированных определений, характеризующих лексемы *молодость* и *juvenility*, занимают определения-описания, что соответствует 35,3 % и 29,6 %.

Респонденты 13 лет: **juvenility** – *young people* – молодые люди, подростки; *a complex word you don't need to know till you're older* – это сложное, неоднозначное слово, которое тебе не нужно знать до тех пор, пока ты не станешь старше;

респонденты 15 лет: **молодость** – то время, когда ты ощущаешь в себе огромное количество сил для жизни. В этом периоде стимул жизни очень осязаемый;

респонденты 16–18 лет: **молодость** – начальная пора жизни, познавательная, наиболее насыщенная, ты можешь выразить себя как личность; тот период времени, который предлагает человеку много возможностей; именно на этом этапе жизни человек прокладывает себе дорогу в будущее.

В объяснении лексемы *youth* для американских респондентов наиболее характерно использование определений-описаний (67 %). В сознании носителей американской молодежной лингвокультуры в возрасте 12–14 лет *youth* больше ассоциируется с признаками, характерными для периода детства, нежели для юности или молодости.

Респонденты 12–13 лет: **youth** – *someone who is young & a child* – некто, кто юн и кто является ребенком; *how long you'll stay young* – как долго ты остаешься маленьким; *a young boy or girl* – маленькие мальчик или девочка; *a very young person* – очень маленький человек;

респонденты 14 лет: **youth** – *when you grow you have a birthday party on the day you were born & a candle gets added everytime your birthday comes again & again* – когда ты растешь, каждый раз на твоём дне рождения добавляется праздничная свеча на торте.

Для лексем *молодость* и *youth* наименее актуальна группа хронологических определений, что соответствует 8,8 % и 3,7 %.

респонденты 13 лет: **youth** – *agebetween 3–6 yearsold* – возраст между 3-6 годами;

респонденты 15 лет: **молодость** – время в жизни человека примерно с 13 до 30 лет;

респонденты 16–17 лет: **молодость** – это период времени от 15 до 55 лет; это период жизни в среднем от 18 до 30 лет.

Для лексемы *juvenility* не представлена группа хронологических определений.

Группа оценочных определений с отрицательной эмоциональной окраской отсутствует для лексем *молодость* и *youth*.

Проанализированный материал показал, что концепты «молодость» и «юность» обладают рядом общих признаков. Эти общие признаки, по мнению Н. В. Крючковой, относятся не специфически к юности или молодости, а к «возрасту незрелости» в целом. Можно, таким образом, говорить о наличии общей оппозиции «черты зрелости» – «черты незрелости», конкретизируемой в каждом отдельном концепте возраста. Подобный характер распределения признаков по возрастным концептам подчеркивает непрерывность возрастной шкалы, отсутствие четких границ внутри соответствующего участка концептосферы. При этом концепт «молодость» носит, как представляется, более универсальный характер, «налагаясь» на концепт «юность», и даже отчасти «детство», обладая наибольшим количеством признаков, характеризующих, в представлении носителей языка, период жизни до зрелости, и принимая на себя, поэтому роль основного концептуального «представителя» данного периода⁶.

4. Концепт «зрелость»

Центральное положение зрелости на шкале возрастной градации обуславливает стандартное осознание этого возрастного периода как времени наиболее полного физического, умственного и духовного развития, приобретения жизненного опыта⁷.

К концепту «зрелость» в американской лингвокультуре апеллирует лексема *maturity*. Анализ материала показал, что для объяснения лексем *зрелость* и *maturity* носители русской и американской молодежных лингвокультур используют, в основном, определения-описания, что составляет 83,9 % и 92,6 % – оценка зрелости относится к сфере рационального (в пору зрелости для человека характерно, по мнению носителей языка, не эмоциональное, а рациональное отношение к жизни)⁸.

Респонденты 12–13 лет: *зрелость* – способность человека адекватно реагировать на внешние раздражители, трезво оценивать свои поступки и отвечать за них; *maturity* – *your acting age* – время твоих поступков; *is an important thing because it show show you act in public* – это важный период, потому что он показывает, как ты ведешь себя на публике; *puberty* – половая зрелость;

респонденты 14–15 лет: *зрелость* – когда тело ребенка уже полностью сформировалось во взрослого человека; состояние организма, при котором достигается способность к репродукции; *maturity* – *when you have changes in life* – когда у тебя происходят изменения в жизни; *something that makes you look older* – нечто, что заставляет тебя выглядеть старше;

респонденты 16–18 лет: *зрелость* – определенный этап, на котором подросток начинает вести взрослую жизнь, происходят моральные и физические изменения; это тот момент в жизни, когда человек чувствует себя взрослым, зрелым, самостоятельным; *духовная зрелость* – становление человека как личности; *maturity* – *mustgotofind a job* – должен искать работу; *it's development* – это – развитие; *you have to make important & right decisions* – ты вынужден принимать важные и правильные решения.

Можно сказать, что одним из основных признаков зрелости является признак полноты развития, расцвета физических сил, интеллектуальных и духовных способностей.

В русской молодежной лингвокультуре хронологические определения стоят на втором месте – 9,7 %.

Респонденты 12–13 лет: *зрелость* – чаще всего это люди старше 20 лет; когда человеку от 28 лет;

респонденты 14 лет: *зрелость* – период жизни человека после детства до старости.

Для лексемы *maturity* хронологические определения слабо актуальны (3,7 %): *maturity-teenagersof 16–19 yearsold* – это подростки 16–19 лет.

В ответах русских испытуемых также были зафиксированы единичные дефиниции (6,5 %) на лексему *зрелость*, относящиеся к группе оценочных определений, причем одна с положительной эмоциональной окраской, другая – с отрицательной;

респонденты 15 лет: *зрелость* – период, в котором физическое и умственное мастерство достигает максимума, зрелый человек чаще всего умный, много повидавший;

респонденты 17 лет: *зрелость* – когда человек уже ограничивает свои действия: начинает болеть, падает иммунитет.

Уникальным для американской молодежной лингвокультуры является полное отсутствие группы оценочных определений для лексемы *maturity*.

5. Концепт «старость»

В американской лингвокультуре к концепту «старость» апеллируют лексемы *senility* и *old age*. Анализ материала показал, что для объяснения лексемы *старость* русские респонденты используют, в первую очередь, группу оценочных определений, в которой доминирующими являются определения с отрицательной эмоциональной окраской (52,9 %).

Респонденты 14 лет: *старость* – это возраст, когда человеку трудно делать что-либо, когда он подходит к концу жизни;

респонденты 16–18 лет: *старость* – период жизни, когда подведены все итоги жизни, когда ты просто живешь и ждешь смерти; морщины, слабость; когда уступают место в общественном транспорте и называют «старой клячей»; пора, когда ты, проживший долгую жизнь, повидавший много на своем веку, не можешь ничего!; метаболизм человеческих органов.

На наш взгляд, эта группа дефиниций указывает на важную роль в содержательной структуре концепта «старость» такого элемента, как снисходительно-почтительное отношение к людям пожилого/старого возраста. Н. В. Крючкова считает, что в этом также просматривается «позиция наблюдателя», закрепленная за определенным возрастом. Это взгляд молодых активных людей; интересно, что именно их взгляд (их вариант концепта) выступает как общеязыковой⁹.

В русской молодежной лингвокультуре группа оценочных определений с положительной эмоциональной окраской для объяснения лексемы *старость* выражена чуть менее частотно, что составляет 35,3 %. В понятийно-вербальном сознании русских респондентов отличительным признаком старости служит наличие жизненного опыта, мудрости и счастья.

Респонденты 13 лет: *старость* – бабушка и дедушка;

респонденты 14–15 лет: *старость* – время, когда человек может отдохнуть; наивысшая степень опытности в жизни;

респонденты 16–18 лет: *старость* – расцвет жизни. Человек, у которого уже есть семья, он нашел настоящую любовь, живет не в свое удовольствие, а для кого-то; жизнь в окружении десятков внуков и внучек, когда рядом с тобой человек, с которым ты прожил больше 50 лет; это время, когда тебе не хочется никуда бежать, и ты счастлив; период жизни, на котором человек может полностью

оценить свою жизнь с точки зрения опыта; период в жизни человека, когда жизненный опыт берет верх над ошибками.

В американской молодежной лингвокультуре оценочные определения для лексем *old age* и *senility* менее частотны. Оценочные определения с отрицательной эмоциональной окраской составляют 33,3 % и 4,4 %. Основными признаками старости, по мнению американских респондентов, являются физическая слабость и смерть.

Респонденты 12–13 лет: *oldage* – the most likely you will die – возраст, в котором ты, скорее всего, умрешь; *almost time to go to heaven* – почти наступление того времени, когда пора уходить на небеса; *senility* – someone who has very little time left on his timer – тот, у кого осталось очень мало времени на его хронометре; *you could die if you are old* – если ты стар, ты можешь умереть;

респонденты 14–15 лет: *old age* – old people with wrinkles, crippled people – пожилые люди с морщинами, непригодные люди, калеки; *is finish of life, everyone dies* – это конец жизни, все умирают.

Для носителей американской молодежной лингвокультуры слабо актуальны оценочные определения с положительной эмоциональной окраской, что выражено единичной дефиницией: *senility* – your old age when you'll be smarter & wiser – твой пожилой возраст, когда ты станешь умнее и мудрее.

В русской лингвокультуре наименее частотно выражены определения-описания (8,8 %).

Респонденты 15 лет: *старость* – период жизни после молодости и среднего возраста; каждому человеку хотелось бы дожить до той поры, когда близкие люди всегда помогут, окружают заботой и теплом;

респонденты 16 лет: *старость* – преклонный возраст; возраст, при котором начинаешь объективней воспринимать действительность и все происходящее.

Анализ материала показал, что в американской лингвокультуре наиболее частотными для объяснения лексем *senility* и *old age* являются определения-описания, что соответствует 70 % и 55,5 %. В понятийно-вербальном сознании американских респондентов старость ассоциируется с увяданием жизни, ухудшением умственного и физического состояния человека.

Респонденты 12–13 лет: *senility* – when you are very old – когда ты очень стар; *people such as your grandparents* – как твои дедушка и ба-

бушка; **old age** – *old* – старики; *people who are older than you* – люди старше тебя;

респонденты 14–15 лет: **senility** – *something that has existed on the Earth for a long time* – нечто, что существует на земле очень долго; *the mental & physical deteriorations often characteristic an old age* – умственные и физические ухудшения часто характеризуют старость; **old age** – *the searest part in life because the older you get* – увядающий период жизни, потому что ты становишься старше;

респонденты 16 лет: **senility** – *mental illnesses* – психические заболевания; **old age** – *you grow to higher age* – становишься старше; *grandparents* – бабушка и дедушка.

Для обеих лингвокультур наименее актуальна группа хронологических определений. В русской лингвокультуре – 2,9 %, в американской – 11,1 %:

Респонденты 12 лет: **oldage** – *age between 60–80 years old* – это возраст между 60–80 годами;

респонденты 14–15 лет: **старость** – *период времени от 55 лет до самой смерти*; **oldage** – *someone 50 or older* – кому 50 и старше; *70 & up* – от 70 и старше.

Для американской лингвокультуры уникально отсутствие на лексему **senility** группы хронологических определений, а также то, что объяснение этой лексики вызвало затруднения у 11 американских респондентов (24 %).

Так же, как концепты «юность» и «молодость» и отчасти «детство» составляют единую концептуальную группу, включающую ряд общих для этих концептов признаков, так и концепты «зрелость» и «старость» имеют несколько точек пересечения. Пересечение этих концептов происходит по нескольким направлениям. Так, общими для них являются признаки мудрости и знания жизни, смена эмоционального отношения к жизни рациональным, то есть каждый из возрастных концептов содержит ряд признаков, входящих и в структуру смежных с ним концептов.

Представления о возрасте выстраиваются, таким образом, в непрерывную шкалу, континуум, с распределением некоторых качеств сразу по нескольким участкам этого континуума. В этом континууме, однако, выделяются два крупных концептуальных «блока»: во-первых, период до зрелости и, во-вторых, период «после зрелости»¹⁰.

Таким образом, практически во всех предложенных русским респондентам в возрасте

12–18 лет лексических единицах доминируют эмоциональные определения; в лексических единицах, предложенных американским респондентам – рациональные определения. Группа оценочных определений с отрицательной эмоциональной окраской отсутствует для лексем *детство*, *юность*, *молодость* – в русской лингвокультуре и *childhood*, *youth* – в американской.

В сознании носителей как русской, так и американской молодежной лингвокультуры детство связано с ощущением безоблачного счастья, отсутствием серьезных проблем и забот. Положительная оценочность, заложенная в концептуальном содержании концепта «детство», подтверждается ответами респондентов, в которых доминируют оценочные определения с положительной эмоциональной окраской.

Юность ассоциируется с целым рядом черт, не являющихся отличительными характеристиками именно этого возрастного периода, но сближающего его либо с детством, либо с молодостью. В сознании русских респондентов юность – это беззаботный и безопасный период жизни в состоянии влюбленности. Отличительным признаком данного возраста является склонность лиц этого возраста к философским рассуждениям при незнании жизни. В сознании носителей американской молодежной лингвокультуры актуальными признаками отрочества и юности являются беспечность и энергия. Именно по этому признаку юность противопоставляется старости.

В русской молодежной лингвокультуре особое место среди всех концептов, входящих в концептосферу «возраст», занимает концепт «молодость», синонимичный концепту «юность». Молодости свойственны импульсивность, романтизм, способность увлечься чем-либо. Положительная оценочность, заложенная в концептуальном содержании концептов «молодость» и «юность», подтверждается результатами эксперимента, где в ответах респондентов доминируют оценочные определения с положительной эмоциональной окраской.

В американской молодежной лингвокультуре также особое место на возрастной шкале занимают концепты «юность» и «молодость», к которым в американской культуре апеллируют лексемы *juvenility* и *youth*. Сравнительный анализ концептов показал, что *youth* больше ассоциируется с признаками, характерными для

детства, нежели для юности или молодости. В концепте «молодость», представленном лексемой *juvenility*, заложена отрицательная оценочность, связанная со стереотипами плохого поведения, дурных привычек, отношений с полицией, правосудия и, как следствие, тюрьмы.

Если для детства, юности и молодости характерно восторженно-радостное отношение к жизни, то его отсутствие является показателем взрослости, зрелости. В понятийно-вербальном сознании носителей молодежной лингвокультуры период зрелости ассоциируется с негативными эмоциями. Это может быть связано и с тем, что зрелость – это возраст мудрости, ответственности, знания жизни, которые не способствуют радостному ее восприятию. В языковом сознании носителей сопоставляемых лингвокультур одним из основных признаков зрелости является признак полноты развития, расцвета физических сил, интеллектуальных и духовных способностей, а также отсутствие какой-либо оценочности. Русские респонденты отождествляют себя с взрослым человеком, американские же испытуемые не переносят данное понятие на себя.

Поскольку старость репрезентирует возрастной период, находящийся вне личного опыта респондентов, ей присуща повышенная оценочность как с отрицательной, так и с положительной эмоциональной окраской. В языко-

вом сознании носителей русской молодежной лингвокультуры отличительным признаком старости служит наличие жизненного опыта, мудрости и счастья. В сознании американских респондентов старость ассоциируется, в первую очередь, с увяданием жизни, ухудшением умственного состояния и внешнего облика, физической слабостью. Дефиниционный опрос показал, что в сознании носителей обеих лингвокультур старость ассоциируется также со смертью.

Примечания

¹ Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография. Волгоград, 2004. С. 49.

² Коротеева, О. В. Дефиниция в педагогическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. С. 196.

³ Там же. С. 68.

⁴ Крючкова, Н. В. Концепт – Референция – Коммуникация / под ред. д-ра филол. наук, проф. В. Е. Гольдина. Саратов, 2009. С. 166.

⁵ Там же. С. 167.

⁶ Там же. С. 194.

⁷ Там же. С. 195.

⁸ Там же. С. 199.

⁹ Там же. С. 204.

¹⁰ Там же. С. 208–209.

АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ТАТАРСКИХ И ТУРЕЦКИХ ЗАГАДОК

Впервые предпринята попытка изучения антропонимического пространства татарских и турецких загадок. Рассматриваются особенности употребления личных имен в сравнительно-сопоставительном аспекте, выявляются общие черты фольклорной картины мира татарского и турецкого народа. Приводится классификация личных имен, изменяющих содержание и форму загадки.

Ключевые слова: антропонимическое пространство, фольклорная картина мира, личные имена, татарские загадки, турецкие загадки.

Наиболее важными репрезентантами фольклорной картины мира являются антропонимы, представляющие ядро антропонимического пространства. Антропонимическое пространство – это часть ономастического пространства, «имеющая свою вербальную нишу, собственные внутренние логико-понятийные разряды антропонимов, отличающихся спецификой функционирования и, следовательно, автономией лингвистического анализа»¹. Благодаря кумулятивной функции, антропонимы способны сохранять и фиксировать информацию о постигнутой человеком действительности², поэтому они начинают рассматриваться как показатели самых разнообразных знаний о мире, как единицы, репрезентирующие связь народа с культурно-историческим контекстом определенного времени³.

Предметной областью данной статьи является изучение антропонимов и их этнокультурной функции в татарских и турецких загадках. Это исследование позволяет выявить специфику некоторых аспектов фольклорной картины мира, а также выделить культурные компоненты татарских и турецких загадок на основании их семантической интерпретации.

Загадки имеют особо важное значение в сохранении духовного и материального опыта, мировидения народа, национальной системы ценностей. Лингвистическое исследование загадок наиболее актуально в выявлении культурного компонента языковых значений. В основе загадки лежит житейская философия, которая служит для отображения сложности и противоречивости различных аспектов культуры конкретного этноса. Этнокультурный компонент – это ментальность, формирующаяся в повседневной жизни, в процессе включения человека в общество и усвоения им обычаев и ценностных ориентаций. Каждый этнос рас-

крывает опыт над природой вещей в собственном миропонимании и мировидении. Так, особенности различия и сходства репрезентаций фольклорных картин мира разных народов и этносов наиболее полно отражаются в загадках. Личные имена в фольклоре, в особенности в загадках, представляют собой уникальный материал, зафиксированный устно-поэтическим творчеством татарского народа и очень долгое время хранившийся, передававшийся из поколения в поколение устным путем. Исследование особенностей их употребления позволяет утверждать, что, функционируя в малых жанрах фольклора, антропонимы выявляют особенности, характерные черты нации, языковой личности. «Выбор антропонимов для заместительных номинаций в загадках определяется целым рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, среди которых и грамматический род названия загадываемого предмета, и само звучание этого названия, иногда анаграмматически кодируемое в замещающем имени, фольклорная рифмовка, другие созвучия»⁴.

В данной статье новым является предложенный подход к изучению загадок: народные и авторские загадки рассматриваются равноправными репрезентантами картины мира турецкого и татарского народа. Впервые собрана картотека загадок, опирающаяся не только на данные сборников загадок⁵, но и на публикации в периодической печати и в Интернете.

В связи с постоянно растущей тенденцией личного имени изменять значения и формы загадки следует разделить личные имена (далее – ЛИ), употребляющиеся в татарских и турецких загадках на следующие группы.

1) ЛИ, относящиеся к мифам, к религии; (тат. Суда – *Сөләйманмын* (сөлек); пер. *в воде я Сулейман* (пиявка); тур. *Suda Syleyman*. (atec); пер. *в воде Сулейман* (огонь);

2) ЛИ как образ, придуманный для данного контекста: тат. Сары кашлы *Гөлбаһар*. Ай тулганда ай багар, көн тулганда көн багар (көнбагыш); пер. *светлобровая Гульбахар, в полнолунии смотрит на луну; на рассвете смотрит на солнце* (подсолнух).

Первая группа имен живет с мировоззрениями народа, с религиозными обычаями, обрядами. Меняется мировоззрение – миф уходит в область предания или приобретает новое значение. Вторая группа ЛИ создается народом по образу и подобию имен как средство олицетворения⁶.

Имена собственные, придуманные загадчиками, могут обозначать и свойство предмета, наиболее характерное для нарицательного понятия: тат. *Исамый* һәм *Хисамый* эчми-ашамый; көн-төн йөрүенән бушамый. (сэгать телләре); пер. *Исами и Хисами не пьют и не едят; день-ночь не перестают ходить* (стрелки часов); тур. *Gider Leyla, gelir Leyla, bir ayuk üzgerinde durur Leyla* (кар); пер. *Уйдет Лейла, придет Лейла, под ногами будет стоять Лейла* (дверь). В данных примерах ЛИ связаны с их денотатом, который обобщает свойства загаданного предмета. Олицетворяя неживую природу, такие имена в загадках концентрируют внимание на загадываемом предмете. В татарских и турецких загадках следует выделить некоторые параллели в обозначении признака загадываемого предмета: Бер кечкенә *Камилә* кат-кат туннар киенә; пер. *Маленькая Камила надевает много шуб* (капуста); тур. *Fadime fat fat donları kat kat* (lahana); пер. *Фадиме топ-топ, подитанники слоями* (капуста).

Личное имя как единичное понятие может включать качественные признаки предмета, переданные при помощи звукоподражания. Гөлдәр-гөлдәр гөл итекле, *Гөлкәй* кызыл читекле (күгәрчен); пер. *Гуль-гуль цветочные сапожки, Гулькай в красных ичихах* (голубь); Чылтыр-чылтыр *Мәликә*, Өч селтәүгә – бер көлтә. Эллә ничек өлгерә (көлтә бәйләү машинасы); пер. *Малика дзинь-дзинь, три раза махнула – один сноп* (машина-сноповозчик); тур. *Fik aşağı, fik yukarı fika fika Mustafa ağa* (kuşburnu); пер. *Топ вниз, топ на верх, топ-топ господин Мустафа* (шиповник).

В антропонимах татарских и турецких загадок запечатлены пути осмысления и обобщения человеком явлений окружающего мира. Важную роль в описаниях играет указание на сходство и различие предметов по их типическим признакам, по назначению и т. п.

Суда *Сөләйман* (сөлек); пер. *В воде Сулейман* (пиявка); Төес (туз, тырыс) эчендә *Сөләйман* уйный (сөлек); пер. *в бересте Сулейман играет* (пиявка); тур. *Suda Süleyman* (ates); пер. *в воде Сулейман* (огонь). Собственное имя – Сулейман – связано с именем сына пророка Давуда. От отца Сулейман усвоил множество знаний и был избран Аллахом в пророки, причем ему была дана мистическая власть над всеми существами, включая джиннов. Сулейман был известен своей мудростью и справедливостью. Загадки о Сулеймане опираются на легенды, что трон его находился над водой⁷. Таким образом, загадки о Сулеймане в татарском и турецком языках подтверждают его мудрость и таинственность.

Сравнительно-сопоставительный анализ выявил, что среди загадок с ЛИ имеются многочисленные единицы с частотными именами. Например, самым распространенным именем в составе загадок в татарском языке является имя Сулейман, в турецком языке наиболее часто – имя Айша. Как отмечает А. Юдин, «разнообразие антропонимических номинаций и частотность упоминания тех или иных денотатов в загадках не случайны, а находятся в прямой зависимости от символической нагруженности объекта в реальном (“вещном”) и прочих (скажем, астральном – для небесных светил) кодах традиционной модели мира, от многообразия и частоты ритуальных применений предмета»⁸. На выбор частотного ЛИ могли влиять также характер функционирования имени в языке и культуре, частотность этого имени в народном обиходе и устойчивые коннотации.

При выборе имени важную роль играет фонетический фактор. Фонетический фактор обусловлен следующими явлениями:

а) аллитерацией: тат. Зил-зил, Зилешкә, Зилә моя кубышка (акча чүлмәге); пер. *Дзинь-дзинь, Зилюшка, Зиля моя кубышка* (денежный горшок); тур. *Sıce zinicı Celali Noca gizlice mağruçular içindeki züccacıyecilere gidip içi Çince yazılı cıçılı bicili cam çubukları serçeğizine indirmiş*; пер. *карлик кафельщик Джалали Ходжа тихонько подошел к фарфорщикам, среди которых были кальяницики, стацил прелестные стеклянные прутья, написанные по-китайски*.

б) рифмой: тат. *Ләб-Ләбинур, Бибинур, Бибинур да Шаһинур*; Ал яулыкка салганчы. Дәръя суы коелыр. (карбыз кисү); пер. *Ляб-Лябинур, Бибинур и Шахинур; Пока положишь в алый платок, рассыплется морская вода* (ре-

зять арбуз); тур. Ambar altında Musa; Eli аyağı kisa (карлумбаға); пер. *под амбаром Муса; руки, ноги короткие* (черепаха).

в) каламбуром: тат. Моны миңа сөйләде *Алдар*, эгәр сиңа очраса, ул сине дә алдар; Болар барсы да ялган, ялган булса да, ак кәгазьгә язылган. (Әкият); пер. *про это мне рассказал Алдар, если встретишь его, он и тебя обманет. Все это ложь, даже если ложь – все написано на белую бумагу* (сказку); тат. Тауда *Талайман* күрдем, Суда *Сөләйман* күрдем. Кояшка пешкән аш күрдем. Ит сакаллы ир күрдем, күбек коскан таш күрдем (аяу, балык, этәч, баклажан, сабын); пер. *В горе видел Талаймана, в воде Сулеймана. Видел суп, сваренный на солнце. Видел мужчину с мясной бородой, видел камень, который блевал пену* (медведь, рыба, петух, баклажан, мыло); *Vacada Batman; Odada Otman; Dağda Dalaуtan; Suda Syleуtan.* (atec). Пер. *в трубе Батман, в комнате Отман; на горе Далайман, в горе Сулейман* (огонь); тур. *Gьler оунар Niyazi; Kabul olur niyazi* (zosuk); пер. *Ниязи будет играть, смеяться; каждое желание будет исполняться* (ребенок).

Загадка поэтически отображает все своеобразие ономастического материала. Антропонимическое пространство татарских и турецких загадок заключается в совокупности всех антропонимов, которые конструируют специфическую ономастическую парадигму, аккумулирующую культурно-историческую, мифологическую, этнокультурную информацию о народе. Сравнительный анализ использования личных имен в татарских и турецких пословицах раскрывает общность осмысления и обобщения человеком явлений окружающего мира; проявляется общность антропонимиче-

ского пространства фольклорных картин мира татарского и турецкого народов.

Примечания

¹ Фролов, Н. К. Избранные работы по языкознанию : в 2 т. Т. 1. Антропнимика. Русский язык и культура речи. Тюмень, 2005. С. 468.

² Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 261.

³ Исмагулова, Б. Х. Ономастическое пространство казахского фольклора / Б. Х. Исмагулова, С. Ж. Баяндина // Актуальные проблемы комплексного исследования алтаистики и тюркологии : материалы междунар. конгресса. Кокшетау, 2009. С. 187

⁴ Юдин, А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. М., 2007. С. 13.

⁵ Образцы загадок исчерпаны из следующих сборников: Татар халык табышмаклары / төз. Х. Мәхмүтов. Казан, 1977. 270 б. Татар халык табышмаклары / төз. Н. Исәнбәт. Казан, 1970. 566 б. *Türk bilmeceleri / Съгьгь Elzin.* Ankara, 1970. 90 s. *Türk halk bilmeceleri / haz. Naki Tezel.* Ankara, 1969. 118 s. *Türk bilmeceleri / Съгьгь Elzin. Gцzden gezirilmic ilaveli baskı.* Ankara, 1989. 131 s. *Türk halkının bilmeceleri / İlhan Baegцz, Andreas Tietze.* Ankara, 1999. XIV, 848 s.

⁶ Кондратьева, Т. Н. Собственные имена в пословицах и поговорках, загадках русского народа // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. Казань, 1964. С. 98–206.

⁷ Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 т. Т. 2. (Д-С) / Фатих Урманче. Казан, 2009. 332 б.

⁸ Юдин, А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. М., 2007. С. 13.

СОВРЕМЕННЫЙ МОРДОВСКИЙ РОМАН: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПУТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Анализируются пути реализации национальной идентичности современного мордовского романа, художественно воссоздающего своеобразие национального мироощущения, дающего возможность познать отдельные стороны философских, этических и эстетических представлений мордовского народа.

Ключевые слова: этнокультура, роман, идентичность, национальное, общечеловеческое.

Каждый народ имеет свою неповторимую культуру, духовные и материальные ценности, посредством сохранения и реализации которых и входит в человечество. Н. А. Бердяев, размышляя о проблеме национальности, писал: «Национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества, она заложена в самих глубинах жизни...» [2]. По сути, философ ратует за национальность, в которой проявила себя личность. Он эксплицирует: культура не может быть «отвлеченно-человеческой», она «всегда ... национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности. Все творческое в культуре носит на себе печать национального <...> И великий самообман – желать творить помимо национальности» [2].

Литературное творчество как часть национальной культуры естественным образом впитывает национальное мироощущение, традиционные эстетические, нравственно-этические нормы. Отечественный исследователь Г. Д. Гачев сводит мысль к тому, что природно-географические, психологические, этнографические и другие факторы формируют особенности национального образного мышления, национальную систему ценностей и своеобразие мировоззрения народа, что объединяется в понятие «национального образа мира» [4]. Каждый художник, по мнению ученого, смотрит на мир глазами своего народа, и вполне естественно, что идеи, замыслы, образы, воплощенные им, национально окрашены.

Одной из основных задач литературно-эстетической системы Мордовии в целом и романной словесности в частности является формирование художественного дискурса, отвечающего потребностям нации, отражающего ее культурно-исторические и духовные ценности, особенности уклада жизни и природного характера. Воспитание чувства национального,

в свою очередь, способствует формированию нравственной и гражданской ответственности, вызывает интерес к всемирному культурному наследию по принципу: от этнического – к общечеловеческому.

Мордовский роман в своем развитии прошел сложный путь формирования от фольклорного художественного сознания к творческим принципам реалистической художественности. Преодолевая одноплановость, описательность, схематизм, роман со временем эволюционировал в многоплановое и широкоохватное в событийном плане повествование и оформился как масштабный по замыслу, остропроблемный по пафосу, проникающий в самые глубинные пласты человеческого бытия жанр, несущий национально-эстетическую специфику и решающий «вечные» общечеловеческие проблемы.

Национально-художественная идентичность романного слова Мордовии проявляется на разных уровнях формально-содержательной структуры эпического целого: в принципах построения сюжета и художественного образа, мотивационных структурах, способах и приемах психологического изображения, организации речевого материала.

В современном историческом романе одной из составляющих национально-эстетическое целое являются ценности материальной и духовной культуры, в трансформированной форме интегрирующие в романский нарратив. Они создают национально-эстетический колорит эпического пространства, раскрывают «философию» этноса, становятся художественным средством стилизации текста и конструктивным способом организации сюжетно-композиционной системы, выражают национальное в тесной взаимосвязи с индивидуальным и общечеловеческим.

Этнокультурные составляющие любого народа наиболее ярко проявляются в традицион-

ной обрядности. Обращение Народного писателя Мордовии К. Абрамова к художественной интерпретации традиционных обрядов и обычаев в романной прозе следует оценивать не только как возможность придать повествованию национально-этническую самобытность, но и как факт этнического ренессанса. В романе-сказании «Пургаз» [1] особенно запоминаются сцены родовых молений (озксы), явившихся одним из составляющих традиционной обрядности мордвы. Они возникли в связи с практическими нуждами, а с течением времени превратились в систему религиозных верований и стали определенной ступенью в духовном развитии народа. Включение сцены моления в ткань романа мотивировано потребностью познания национальной культуры и истории. Д. С. Лихачев акцентировал внимание на том, что «...в исторических романах... можно изучать мир истории... его законы... систему причинности или „беспричинности“ социальных отношений и событий, – одним словом, внутренний мир истории» [7. С. 75].

К. Абрамов представляет моление родов Обрана, Инюша и Лемеся в Великий день, ранней весной, когда на деревьях лопнули почки и кроны зазеленели молодой листвой, а лесные поляны покрылись травой и цветами: «Старейшины молян зажгли толстые восковые свечи, поставили их на полотно и повернулись к восходу солнца. За ними встали мужчины, за мужчинами – женщины и девушки. Все скрестили руки и прижали ладони к подмышкам. Поляна затихла. ...Моление началось. Тихим голосом старший из молян поблагодарил Ине Шкая за добрую весну и горячее солнце, которое согрело землю и людей, и стал просить у него удачи на урожай и скот, на зверя и рыбу, на молодых жен и народившихся детей, на теплый дождь и первые всходы. После каждой просьбы старейшины молян кланялись Великому богу, и, глядя на них, кланялись все остальные. Старейшина долго упрашивал Ине Шкая, чтобы он защитил их землю и людей от страшных набегов врагов с юга и севера, с запада и востока. Моление продолжалось долго, пока не истощились все большие и малые просьбы к богу. И чтобы Великий бог был милостив к ним, старейшины преподнесли ему жертву. После этого они стали отрезать от жертвенного мяса куски и раздавать молящимся: сначала мужчинам, потом – женщинам и девушкам» [1. С. 51]. Моления, жертвоприношения, наряду с разнообразными обрядовыми действиями, отражают традицион-

ную систему представлений народа о строении мироздания. Творческое видение писателя, воссоздающее этномифологическую художественную модель мира и человека, усиливает онтологическое звучание поднятых автором «вечных» тем и проблем. Кроме того, это способствует непрерывному самопознанию эрзянским народом собственного поистине неисчерпаемого этномифологического феномена.

А. Доронин в романе «Кузьма Алексеев» [6] мастерски изображает жизненный уклад и быт эрзянского народа начала XIX в. Бытописание обогащает стиль романа, отражает колорит эпохи, сохраняет дух прошлого. Подробно описан женский национальный костюм: «Эрзянки рубашки себе шьют длинные и широкие, называют их “руцями”. Это женская распашная одежда из белой холщовой ткани с вышивкой снизу и вдоль полов, а также на концах рукавов. Воротники и плечи вышиваются тонкой вышивкой. На передке руки делается нагрудный вырез, который вышивается окрашенной шерстяной нитью. Женщины-эрзянки на голове носят вышиную в два пальца шлыганы. Это вышитый головной убор прямоугольной формы с наспинною лопастью. По бокам его вышиты сосенки зеленого цвета, на лбу – голубые и красные цветочки. Без пулаев женщин не увидишь. На них, как обычно, вешают кольца, беличьи хвостики, медные монеты. Жители Сеськина свято хранят и передают из поколения в поколение традиции национального костюма. Верность эрзянской одежде стоит у них на втором месте после почитания богов» [6. С. 179]. Роль бытового контекста в развитии сюжета романа весьма значительна. Одной из сильных сторон писательского мастерства А. Доронина является психологическая характеристика действующих лиц, показанных в их повседневном быту, в котором зримо проявляются национальные традиции, обычаи, мораль. Подробное описание быта, таким образом, не только воссоздает социальный уклад жизни эрзянского села начала XIX в., **не только репрезентует особый колорит, историческую атмосферу времени и жизни, но и в какой-то мере высвечивает духовный облик людей, их мировоззрение, психологическое состояние.**

М. Сайгин в трилогии «Стака паваз» («Трудное счастье») [8] обращается к устно-поэтическому творчеству народа в процессе художественного осмысления общественно-исторических, семейно-бытовых, нравственно-философских проблем первых десятилетий XX в.

По справедливому утверждению У. Б. Далгат, «эстетические средства фольклора во многом содействуют изображению национального характера, раскрываемого на фоне типичных социально-общественных явлений» [5. С. 155]. Романские герои М. Сайгина по своим нравственным качествам во многом схожи с персонажами введенных в ткань трилогии народных легенд и преданий: они трудолюбивы, смелы, сильны телом и духом, живут по законам дружбы и чести, не приемлют зло, ложь, лицемерие. Освоение фольклорной поэтики позволяет писателю уяснить чаяния, идеалы народа, систему его моральных и социальных ценностей, философских ориентаций. Взаимодействие литературной традиции с фольклором привело к трансформации эпического начала, сказавшейся, естественно, на стилистических параметрах романа, и как проявление новаторства – в историко-философском его наполнении, в обновлении идейно-нравственного содержания, в новизне разработки характеров.

В литературном контексте «Трудного счастья» народные пословицы, поговорки, афоризмы, фразеологизмы полностью сохраняют свою форму и прямое семантическое значение не только при передаче характерной речи персонажей, но и в несобственно-прямой речи, что позволяет сохранить философский смысл и мудрость народного изречения. Приводим некоторые из них: «Вода камень точит» [8. С. 67], «Дал бог – сам кается» [8. С. 121], «Как волка не корми, он все в лес смотрит» [9. С. 136], «Бойся не лающей собаки, а кусачей» [10. С. 117] и др. Лишь незначительная часть «фольклорного ингредиента» встречается в преобразованной форме: «Спорить с тобой, что мякину молотить» [8. С. 189], «Один хрен, власть новая – лапти старые» [8. С. 208], «Летние ночи коротки как девичьи слезы» [9. С. 157], «Душа – как пустое небо» [10. С. 134]. Наличие в романе стилистически маркированных фольклорных единиц художественно оправдано стремлением автора передать колорит устной народной речи, а вместе с ним и национальное мышление и мировосприятие.

Е. Четвергов в романе в письмах «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там») [11], художественно реализует вопросы морально-этического и нравственно-этнического характера, выстраивает мир произведения, главной смысловой константой которого является мысль онтологическая. Герои романа приходят к непреложным ценностям и абсолютной истине, однако дра-

матизм ситуации в том, что изменить в своей жизни они уже ничего не могут: героиня давно умерла, герой – пожилой мужчина. Антропоцентрическая модель мира Е. Четвергова основана на идее фатализма: человек, каким бы ни был его социальный статус, в какую бы эпоху он ни жил, находится под властью неких высших сил, оценивающих его поступки и определяющих его судьбу на земле и в мире ином. Однако писатель не снимает ответственности с самого человека – духовное бытие человека обусловлено его деяниями и интенциями на протяжении земного существования. Изображение мистических картин Загробных (Подземного и Небесного) миров не следует интерпретировать как стремление писателя воскресить мифологическое мышление, а оценивать как продуктивный путь решения субстанциальных вопросов на самобытной этнической почве. Романное творчество Е. Четвергова выявляет потенциал национальной идентичности мордовской литературы в процессе художественной репродукции историко-социальных и нравственно-философских проблем бытия.

В романе А. Брыжинского «Вечкеманть тусонзо эсензэ» («У любви краски свои») [3] дано универсальное и эстетически ценностное обоснование того, что смысл жизни человека – в любви, любовь – нечто высокое и непререкаемое. События жизни главного героя Петра Паксяськина имеют лирико-драматический подтекст, создающий двойную перспективу изображения: с одной стороны, личное счастье и личная драма, универсальное содержание – с другой. Любовь в той или иной степени подвластна всем людям, это общечеловеческое чувство, однако каждая история любви уникальна и неповторима. Интенсивность любовного чувства у А. Брыжинского тесно связана с нравственно-этической сущностью личности, обуславливает мотивы ее поведения, душевные движения и импульсы. В ряде эпизодов любовь поэтизируется, снимается конкретная единичность индивидуального чувства, возникает ощущение «всепроникновения» универсальной эмоции.

Для романа «У любви краски свои» характерны многослойность, неоднородность, многообразие взаимосвязей «своего» (национального) и «чужого» (универсального). Несмотря на образно-обобщенное оформление любовного сюжета, справедливо говорить о глубоко национальной специфике воплощения проблематики и образной системы романа,

продолжающего традиции «деревенской прозы». Произведение поднимает национальные и общероссийские вопросы о будущем села, о необходимости и возможности его спасения от вымирания и гибели. В авторской философии деревня – это не просто точка пространства и географическое место существования людей, в ней воплощены законы гармонии бытия, основными из которых можно считать близость человека к этническим корням, истокам, установление прочной духовной связи между поколениями. Таким образом, «сельский» вопрос приобретает в романе нравственно-этическую направленность, что свидетельствует о доминировании в авторской концепции аксиологического подхода и выходе проблематики за рамки узко национальной. Читатель видит рождение новых смыслов, толерантных по своему содержанию и функциям, формирование универсальных словесно-художественных образов.

Итак, национальная идентичность современного мордовского романа определяется воссозданием «национальной картины мира» во всем его многообразии и самобытности, гармоничными связями национально неповторимого и всеобщего, универсального. Художественные поиски современных писателей подводят к констатации истины: творческое утверждение национального и есть утверждение общечеловеческого.

Список литературы

1. Абрамов, К. Пургаз : роман-сказание. М., 1989. 444 с.
2. Бердяев, Н. А. Судьба России [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/hristian/berdqew/rossia.txt>.
3. Брыжинский, А. У любви краски свои : роман. Саранск, 2007. 308 с.
4. Гачев, Г. Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 77–92.
5. Далгат, У. Б. Литература и фольклор. М., 1981. 303 с.
6. Доронин, А. Кузьма Алексеев : роман / пер. с морд.-эрз. Е. Голубчик. Саранск, 2008. 368 с.
7. Лихачев, Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопр. лит. 1968. № 8. С. 74–87.
8. Сайгин, М. Стака паваз (Трудное счастье). Кн. 1. Саранск, 1988. 254 с.
9. Сайгин, М. Стака паваз (Трудное счастье). Кн. 2. Саранск, 1990. 175 с.
10. Сайгин, М. Стака паваз (Трудное счастье). Кн. 3. Саранск, 1993. 240 с.
11. Четвергов, Е. Тесэ ды Тосо : сермасо роман // Тесэ ды Тосо : сермасо роман, келей евтнема ды евтнемат. Саранск, 2013. С. 3–180.

ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ ПОЭЗИИ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

Освещены неизученные проблемы жанрологии в поэзии Мусы Джалиля и рассмотрены особенности его жанровой системы.

Ключевые слова: жанрология, поэзия, целостность, система жанров, жанровое мышление, элементы, «точка освещения», песня.

Вопрос о литературных жанрах является одной из сложных теоретических проблем. Несмотря на то, что в современной науке существует множество работ по данной теме, нет единого, принятого всеми учеными, определения литературного жанра. Многие исследования жанров содержат разные формулировки этого понятия, что в известной мере затрудняет изучение творческого наследия писателей в аспекте системы жанров.

В теории литературы есть специальная дисциплина – жанрология, – которая всесторонне и целостно изучает жанры в совокупности их закономерностей.

Изучая отдельные жанры поэзии, не рассматривая их в единой системе, сложно анализировать и выявлять их связи. Без сопоставления одних жанров с другими трудно выявить своеобразие каждого из них. Это и объясняет необходимость изучения стихотворных жанров в комплексе, как целостной системы.

Что значит мыслить жанром (то есть что такое жанровое мышление) и ориентироваться на его закономерности? Поэтическое произведение не может быть заранее отнесено к определенному жанру, помещено в соответствующую классификационную ячейку. Жанр – итог творческой работы, способ построить и завершить целое, а не запланированная автором заранее форма.

Изучение творчества поэта на научной основе, в системе жанров, позволяет охватить все его особенности в совокупности.

Жанр, являясь системой, состоит не только из формальной структуры, образованной по иерархии, но и организует особенную композицию, архитектонику, ансамбль произведения, творит музыкальную тональность звука. Основным критерием системы жанров является целостность, единство цели. Как в одной капле росы отражается весь окружающий мир, так и в стихотворении поэт отражает целое.

Исходя из сказанного выше, мы представляем актуальным изучение творчества писателей в аспекте системы жанров. С этой точки зрения интересным и в перспективе плодотворным является изучение творчества татарского поэта Мусы Джалиля.

Исследованию жизни и творчества М. Джалиля посвятили свои исследования многие ученые и писатели. Основателем джалиловедения является Г. Кашшаф, который, выполняя последнюю волю поэта, первым стал изучать его архивы и написал монографию «Муса Джалиль» (1957 г. и дополненное издание 1961 г.), которая заложила прочный фундамент для дальнейших исследований. Серьезные труды посвятили творчеству поэта Н. Юзеев, В. Воздвиженский, Р. Бикмухаметов, Р. Мустафин, К. Бадигов, А. Махмутов и др.

Продолжая традицию изучения творчества поэта в нашей работе, мы рассмотрим систему жанров поэзии Мусы Джалиля в комплексе и взаимодействии.

Ранний этап поэзии Джалиля во многом характерен для всей молодой татарской поэзии 20–30 гг. XX в. Те же тенденции можно проследить на примере творчества М. Гафури, Ш. Бабича, Х. Такташа, Ф. Бурнаша, А. Файзи, А. Кутуя, М. Максуда, Ш. Фидаи, Х. Туфана, Ф. Карима и других поэтов. Движение к новому методу в татарской литературе потребовало поиска новых путей развития в данную эпоху. По мере того как у поэтов формировалось собственное творческое лицо, индивидуальный почерк, они находили свои излюбленные темы и жанры.

В эту атмосферу споров, исканий попадает молодой поэт Муса Джалиль, приехавший в Казань на учебу. В начале своего творчества он находился под влиянием Дэрдменда и поэтов Востока. Для восточной поэзии характерны любовные переживания романтических героев. В то же время изящество поэзии, ее музыкальность, глубина мысли оказали свое благотворное влияние на Джалиля. Поэт стремится

использовать формы классической поэзии не только для любовной тематики, но и для воспевания новой жизни, передачи социальных мотивов.

Творчество Мусы Джалиля, продолжавшее традиции как древней, так и современной татарской литературы, характеризуется богатством жанров и поэтических форм. Он творил в таких жанрах, как газель, касыда, рубаи, кытга, парча, мадхия, марсия, насихат, хикмат, баллада, поэма, песня и др.

В 1920-х гг. М. Джалиль продолжает развивать тематику, углублять идейную направленность стихов. Если на начальном этапе творчества преобладали произведения, написанные в жанре газель, касыда, рубаи, парча, мадхия, марсия, то есть традиционные жанры средневековой литературы, то в конце 20-х гг. начинают появляться баллада, марш, песня. В 1925 г. он создает «Ночной марш», на народную мелодию пишет новые слова «Сазиды-Насима» (1925), «Осенние ветры» (1928). Это первые его опыты песенного жанра. М. Джалиль первым в татарской поэзии в 1930 г. совместно с композитором Л. Хамиди создал романс «Голос волн», колыбельные «У колыбели» (1922), «Мама» (1927), «Дочери» (1937), характеризующиеся искренностью чувств, теплотой, художественной выразительностью. В творчестве Джалиля первой половины 1930-х гг., как и во всей татарской литературе, происходят качественные изменения: трансформируется поэтический язык, становится более разнообразной строфика, появляются новые поэтические жанры.

В каждом из них угадывается частичка души поэта. Речь идет не просто о росте художественного мастерства. Меняется сам подход к жизненным явлениям, пересматривается поэтическое кредо.

«Таким образом, в целом стихотворения поэмы поэта дают возможность рассматривать их в тесной связи с развитием татарской поэзии начала XX в., 1920–1930-х гг., чтобы последовательно изучать развитие поэтической мысли как систему», – написал, подводя итоги, татарский литературовед А. М. Закирзянов¹.

В первой половине 30-х гг. процесс становления нового метода в творчестве Джалиля идет, прежде всего, по пути использования и обогащения народного творчества, особенно жанра песни.

«Песня – это один из самых распространенных видов музыкально-поэтических жанров. И песенное наследие татарского народа – это

прекрасное сокровище, сохраненное в веках в душе народа.

Песня очень отличается от других жанров народного творчества, в котором необходима специальная подготовка, определенное музыкальное сопровождение, отдельное место и слушатели. А песня живет с каждым вместе. Человек может напевать и про себя, и самому себе в грустные или радостные моменты. Так выражается душа человека – песней», – отмечает К. Миннуллин (здесь и далее подстрочный перевод наш – А. Я.).

Изучая закономерности системы жанров поэзии Мусы Джалиля, можем отметить присущую ей (системе жанров) универсальность.

«Поэзия есть высший род искусства... Посему поэзия включает в себе все элементы других искусств... представляет собой ценность искусства... и, объемля собой все его стороны, включает в себе ясно и определенно все его различия. Все элементы жизни и поэзии слиты в живое единство», – писал В. Г. Белинский².

При изучении системы жанров поэзии Мусы Джалиля нужно исходить из сказанного выше. Исследователь творчества М. Джалиля Н. Юзеев пишет: «Поэт, раскрывший в своем творчестве душу народа своим искусством, подтвердил жизненность поэтического мира называемой «традицией Джалиля»³.

Чтобы понять, в чем состоит особенность традиции Джалиля в аспекте системы жанров, вспомним слова самого поэта: «Песни мои остались, разматываясь от клубка жизни на моем пути»⁴.

Жанр песни настроен на музыкальную тональность. Произведение упорядочивается и находит свой ритм, пройдя процесс развития. При изучении этих закономерностей в процессе исследования системы жанров в поэзии Мусы Джалиля, необходимо обращать внимание на ее отличия от творчества других поэтов, на ее своеобразие. Особого внимания заслуживает стремление Джалиля к синтезу, соединению конкретного, обыденного явления с образом мечты (но не вымысла).

Поэзия Мусы Джалиля – это целый мир. Идеал образа поэта по традиции идет от Г. Тукая, который писал в стихотворении «Булмаса» («Что за цена красе твоей?»):

Лишь в пламенной душе поэта твой образ истинный сокрыт –

В холодном зеркале, поверь, твоих живых примет не будет⁵.

Истинный образ человека передает не портрет, не фотография и не отражение в зеркале, а отражение души в поэзии.

Джалиль создал свой мир, «кругом света» выделив из обыденной жизни то поэтическое, что обычно не замечается, особенно яркие образы были созданы им в жанре песни.

«Исходя из требований жанра (например, в поэме “Письменосец”), необходимо найти “точку освещения”... Форма жанра связана с содержанием поэмы. Форма упорядочивает, отсекая как лишнее, то, что напрямую не связано с главными героями, высвечивая главный поэтический замысел”. Обращая особое внимание на поиск закреплённой традицией систему жанра, связь сюжетной линии с поэтическими образами произведения», – писал Н. Юзеев в монографии⁶. Этого поэт достигает, сделав народные песни лейтмотивом всей поэмы.

Песни в поэзии Мусы Джалиля в его целостной системе жанров составляет особую подсистему. Г. Кашшаф в своей монографии «Муса Джалиль» подробно анализировал его песни и отметил, что они являются определяющим жанром. Песни в его последних стихах достигают высоты и объема симфонического звучания («Последняя песня», «Мечта», «Любимой», «Мои песни»:

Песни, в душе я взрастил ваши всходы,
Ныне в отчизне светите в тепле.
Сколько дано вам огня и свободы,
Столько дано вам прожить на земле⁷.

«Поэта именуют “хикмэт иясе” – творцом мудрого слова в стихах» (в таком смысле можно передать это татарское выражение о поэте импровизаторе – А. Я.), – отмечает Н. Юзеев⁸. Муса Джалиль в стихотворении «Последняя песня» выражая свое состояние, пишет «Я знаю...»⁹. Поэт сначала осознает, познает все это разумом, а потом в ощущениях, переживаниях и творит свой особый поэтический мир, опираясь на жизненный опыт. Многие его стихи загорелись из искры раздумий, озарений, любви.

Исследуя закономерности системы жанров поэзии Мусы Джалиля, в итоге возможно выявить особенности ее развития и эволюции. Поэт сам назвал эти особенности в предисловии «От автора» к своей драматической поэме: «Элементы реальности, сливаясь с элементами фантастическими, образуют синтез. Это и есть особенность, отличие данного произведения... Синтез, взаимодействие реальности и фантастического... Объединяя эти два момента, я стремился к гармонии»¹⁰.

Так, в своих произведениях Муса Джалиль, организуя систему жанров в целостность, объединяя реальные и легендарные образы с помощью синтеза жанров, находит точку освещения и, как лучом света, дает сияние всему вокруг. «В песне зажег я огонь...».

Таким образом, система жанров поэзии Мусы Джалиля, развиваясь, стремится к единой цели – к синтезу жанров, гармонии.

Примечания

¹ Закирзянов, А. Творчество М. Джалиля в школе // Муса Джалиль: творчество и подвиг. Взгляд из XXI в. Казань, 2006. С. 143 (на тат. яз.).

² Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 5. Статьи и рецензии. 1841–1844. М., 1954. С. 9.

³ История татарской литературы в шести томах. Т. V. Казань, 1989. С. 65 (на тат. яз.).

⁴ Джалиль, М. Сочинения. Казань, 1962. С. 32

⁵ Тукай, Г. Стихотворения / пер. с тат. Л., 1988. С. 178

⁶ Юзеев, Н. Поэмы Мусы Джалиля. Казань, 1960. С. 197 (на тат. яз.).

⁷ Джалиль, М. Сочинения. Казань, 1962. С. 294.

⁸ Юзеев, Н. Искусство татарского стиха. Казань, 1991. С. 5 (на тат. яз.)

⁹ Джалиль, М. Сочинения : в 5 т. Т. 2. Казань, 2006. С. 100 (на тат. яз.).

¹⁰ Юзеев, Н. Поэмы Мусы Джалиля. Казань, 1960. 341 с. С. 125 (на тат. яз.).

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

АЛГЕБРА ГАРМОНИИ

Как известно, слово «кризис» имеет несколько значений. В частности, оно может значить как и обострение противоречий, так и залог будущих успешных перемен. Для современной стиховедческой теории оба значения представляются актуальными. С одной стороны, вклад теоретиков стиха XX в., начиная с Андрея Белого, оказал решающее воздействие на мировое стиховедение, обусловив основные тенденции в его развитии. С другой, передав эстафету XXI в., поставил много вопросов, ответы на которые могли бы при удовлетворительном решении сравнивать современных теоретиков с их блистательными предшественниками. Недаром авторы американского учебника по теории литературы Р. Уэллек и О. Уорен более полувека назад пришли к выводу о значимости вклада отечественных стиховедов. «Целый ряд положений русских теоретиков может быть подвергнут сомнению, но нельзя отрицать, что им удалось найти выход из тупика, созданного в стиховедении... В этой области по-прежнему много нерешенных и дискутируемых проблем, и все же в наше время метрика вернула себе необходимый контакт с лингвистикой и литературной семантикой». (Уэллек Р. Теория литературы / Р. Уэллек, О. Уорен. М., 1978. С. 189).

И сегодня, десятилетия спустя, тезисы американских ученых не потеряли своей актуальности. Стиховедческие работы текущего столетия свидетельствуют как о существенном продвижении версификационной теории, так и о нарастании дискуссионных проблем, выносимых на публичное обсуждение различными научными школами. Вот почему новейшие стиховедческие штудии с таким интересом воспринимаются нынешними филологами. К числу таких работ с полным правом можно отнести два последних исследования петербургского стиховеда О. Н. Гринбаума «"Евгений Онегин": Ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья, четвертая» СПб., 2012 и «Основы математико-гармонического анализа поэтических текстов». СПб., 2013. Во второй работе наряду с фрагментами анализа пушкинского стихотворного романа включены анализы стихотворений М. Лермонтова и А. Фета.

Значение трудов О. Н. Гринбаума можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, они обогащают системы поэтик конкретных авторов, прежде всего Пушкина, важными наблюдениями, с другой – несомненно влияют на развитие современной стиховедческой теории. В своей рецензии мы коснемся лишь второго аспекта, оставив последнее слово за конкретикой историкам русской литературы.

Из серии дискутируемых проблем по меньшей мере две оказываются в эпицентре современной полемики – это вопрос о возможностях и границах статистического метода в изучении стиха и связанный с ним вопрос о мере субъективности в интерпретации стихотворного текста.

Все филологи знают, что основоположник научного стиховедения А. Белый, впервые используя приемы статистического подсчета ритмических форм четырехстопного ямба, очертил и границы такого подхода. «Отдельные ритмические фигуры встречаются почти у всех поэтов; не в употреблении фигур – индивидуальность поэта, а в количестве их и способе соединения друг с другом... каждая из фигур, произнесенных в отдельности, не слишком много говорит уму; сумма же фигур, соединенных в одно целое, оригинальна» (Белый, А. Опыт характеристики русского четырехстопного ямба // Белый, А. Символизм. М., 2010. С. 237).

Русская формальная школа, монополизировав метод Белого, сосредоточилась на количественном принципе, мало интересуясь способом соединения фигур, что позже, в 1929 г., вызвало возражения основоположника в «Ритме как диалектике и "Медном всаднике"». Но, выбрав количественный показатель, формалисты столкнулись с другой проблемой: собственно какие стихотворения и сколько стихотворных строк дадут репрезентативные выводы. Сам Андрей Белый взял 596 строк русских поэтов от Ломоносова до Городецкого, которые были на слуху образованного читателя.

Существенно увеличивая статистический материал до десятков и сотен тысяч стихов, исследователи сняли таким образом проблему критериев отбора, устранили различие между прецедентными текстами и версификацией

графоманов. По рассказам современников, Б. В. Томашевский советовал студентам выбирать для стиховедческого разбора не выдающихся поэтов, чье мастерство отклонялось от средних значений, а так называемых обычных, выбранных наугад. Несколько заострив проблему в пылу полемического задора, известный стиховед М. Л. Гаспаров сказал, что «стиховедение уже выросло так, что может существовать без стихов».

В этой шутке была своя горькая доля правды: уравнивая в художественном отношении стихи разного достоинства, стиховедение откажется бы от анализа не только эстетической, но и текстовой функции ритма, поскольку говорить о последнем имеет смысл только в контексте целого. На это обстоятельство еще в 1970 г. обратил внимание выдающийся стиховед С. И. Гиндин. «Статистическое описание лишь вскрывает вероятностные ограничения на употребление элементов метра, для изучения же ритма мы должны от интегрального рассмотрения текста в целом перейти к дифференциальному анализу текста в его развертывании» (Гиндин, С. И. Пути моделирования ритмической организации текста // Структурно-математические методы моделирования языка : тезисы док. и сообщений Всес. науч. конф. Ч. 1. Киев, 1970. С. 34).

Совершенно очевидно, что современному стиховедению необходимо сделать решительный шаг от лингвистики стиха к его литературной семантике. Работы О. Н. Гринбаума делают такой шаг, органически соединяя алгебру с гармонией. Уже во введении к онегинскому комментарию он справедливо указывает на представление «о ритме стиха как о мере гармонической упорядоченности движения поэтической мысли, определяемой соотношением ударных и безударных слогов в русском поэтическом тексте. Соотношение это не абсолютно, а относительно, и измеряется оно как отклонение реального ритма от ритма гармонического. В свою очередь гармонический ритм определяется пропорцией «золотого сечения» в узловых (рифменных) точках стиха. Динамический принцип «золотого сечения» позволяет объединить в едином критерии три показателя, характеризующих стихотворный текст: ритм, рифму и строфику» (Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» ... С. 21).

Петербургскому исследователю, разработавшему оригинальную методику изучения стиха, удалось избежать двух крайностей: по-

верхностного эмпиризма импрессионистических наблюдений и вместе с тем бездумного использования математики, уничтожающей или в лучшем случае пренебрегающей гармонией.

Следует указать и на частные достижения такого подхода. Ритмико-смысловый комментарий, предложенный автором, позволяет через увеличительное стекло числовых последовательностей Фибоначчи разглядеть онегинскую строфу не только как универсальное изобретение Пушкина, но и ее уникальность для романа в стихах. Хорошо известно, что ритмическая композиция того же «Езерского» дает совершенно иное расположение повторов и контрастов в сравнении с «Евгением Онегиным». Третий вариант онегинской строфы можно наблюдать в «Тамбовской казначейше» Лермонтова. Естественно, что простой статистический подсчет лишает нас возможности проследить динамику развития онегинской строфы, которая у разных поэтов – Языкова, Вяч. Иванова, Северянина или Гандлевского – то приближается к ритмическому рисунку «Евгения Онегина», то радикальным образом отдалается от него.

Другой пример, приводимый О. Н. Гринбаумом, еще ярче подтверждает плодотворность избранной методики. Речь идет о так называемом «профиле ударности». «Профиль ударности, – считает автор, – является важнейшим исходным параметром для всех традиционных исследований ритма поэтического текста. Однако если для неравноstopных стихов построить «профиль ударности нельзя, то его и не строят – как результат, ни в одном из известных трудов по ритмике стиха у нас нет шансов найти 2 профиль ударности для неравноstopных текстов» (Основы математико-гармонического анализа ... С. 21). Между тем неравноstopность присутствует не только в басенном стихе Крылова, в «Горе от ума» Грибоедова, «Маскараде» Лермонтова, но и в таких шедеврах чистой лирики, как в стихотворении Фета «Шепот, робкое дыханье...». Таким образом, из анализа вымываются целые ряды стихотворных жанров и статистика оказывается весьма искаженной даже в границах правил, декларируемых лингвистикой стиха.

Помимо конкретных результатов и частных наблюдений, исследования Гринбаума призывают к активным поискам новых приемов и методов интерпретации стихотворной речи. И здесь мы подходим к другой проблеме, без

решения которой дальнейшие исследования ритмики вряд ли будут плодотворны. В самом деле, можно ли в интерпретации ритмического рисунка стиха обойтись без субъективного понимания контекста исследователем. Сторонники чисто количественного подхода утверждают, что существуют некие объективные правила, позволяющие разделить так называемые «полуударения» на чисто ударные и безударные слоги. Например, в случае «Бой барабанный, крики, скрежет» – слово «бой» получает внеметрическое ударение, а в случае «Мой дядя самых честных правил» – «мой» оказывается безударным. Почему? Вразумительного ответа на этот вопрос до сих пор не существует и вряд ли когда-нибудь появится.

Исследователь рецензируемых книг абсолютно прав, когда отказывается от дедуктивного принципа в решении этого вопроса и прибегает к контекстуальной аргументации. «Наша позиция по вопросу расстановки ударений вытекает из воззрений В. М. Жирмунского, но к ним не сводится. Итак: 1) все полнзначные слова скорее полноударны, чем полуударны, а степень ударности таких слов зависит от контекста (в широком понимании); 2) несамостоятельные частицы (например, «же», «ли», «бы») безударны; 3) ударность других слов зависит от контекста (в широком его понимании) и не может быть формализована ни при каких обстоятельствах» («Основы...» С. 52).

Замечательная формула! К сказанному можно добавить, что в определенных поэтом контекстах частицы тоже могут оказываться в сильной позиции и получать ударение (ср. у В. С. Высоцкого «если хилый, сразу в гроб / сохранить здоровье чтоб...»). В свое время Р. О. Якобсон определил стихотворную речь как организованное насилие над языком. Кроме иных следствий, данное определение пред-

полагает, что всякий прецедентный текст выступает как одновременная реализация и нарушение принятых конвенций языка, причем само нарушение часто и выступает признаком художественности. Несовпадение реального ритма и метрической схемы и является частью такого знаменательного насилия.

Вот почему обе книги О. Н. Гринбаума являются научно значимыми и вместе с тем вызывающими к дальнейшему конструктивному диалогу, не исключая, разумеется, и полемические суждения. А заключить рецензию хотелось бы словами самого автора: «Эстетико-формальное стиховедение базируется на основных положениях философско-феноменологического и математического знаний и считает своей центральной задачей исследование поэтических шедевров как явлений, не только влияющих на развитие стихосложения в историко-литературном плане, но и в решающей степени позволяющих приблизиться к пониманию процессов фиксации поэтических образов в конкретной художественной форме» («Основы...» С. 165).

Список литературы

1. Гринбаум, О. Н. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья, четвертая. СПб., 2012. 328 с.;
2. Гринбаум, О. Н. Основы математико-гармонического анализа поэтических текстов : уч. пособие. СПб., 2013. 172 с.

Ю. В. Шатин
Новосибирский государственный
университет, профессор, д-р филол. наук